

ISSN 2072-2087 (печатный)
ISSN 2413-9912 (электронный)

ВЕСТНИК **Брянского** **государственного** **университета**

№ 1 (47)

2021

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых
степеней доктора и кандидата наук по научной отрасли: **07.00.00** – Исторические науки и археология

Научные специальности: 07.00.02 - Отечественная история, 07.00.03 - Всеобщая история,
07.00.06 - Археология, 07.00.09 - Историография, источниковедение и методы исторического
исследования, 07.00.15 - История международных отношений и внешней политики.

ISSN 2072-2087 (PRINT)
ISSN 2413-9912 (ONLINE)

**The Bryansk
State
University
Herald**

№ 1 (47)
2021

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

1 (47) 2021

Научный рецензируемый журнал

МАРТ

ВЕСТНИК БРЯНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Учредитель: федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»

ББК 74.58 В 38

Вестник Брянского государственного университета. №1 (47)
2021: исторические науки и археология. Брянск: РИСО БГУ,
2021. 158 с.

Редакционная коллегия

Главный редактор журнала – Михальченко Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Заместитель главного редактора журнала – Артамошин Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Ответственный секретарь журнала – Федин Андрей Валентинович, доктор исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Члены редакционной коллегии:

Альбу Ион – доктор истории кандидат, профессор кафедры истории факультета социальных и гуманитарных наук Университета «Луциан Блага», Сибиу (Румыния);

Белецкий Сергей Васильевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела славяно-финской археологии, Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург (Россия);

Блохин Валерий Федорович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Блуменану Семен Федорович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Бондаренко Дмитрий Михайлович – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Международного центра антропологии факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва (Россия);

Гайдуков Петр Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по науке Института археологии РАН, член-корреспондент РАН, Москва (Россия);

Гелла Тамара Николаевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории и регионоведения Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева, Орел (Россия);

Горбачев Олег Витальевич – доктор исторических наук, профессор кафедры документационного и информационного обеспечения управления, Уральский федеральный университет, Екатеринбург (Россия);

Гребенкин Игорь Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Рязань (Россия);

Дубровский Александр Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- Андреев А.Е.**
РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМ БЕЖЕНЦЕВ С ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЙ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ)..... 7
- Богданова Т.В.**
«ПОСЛЕДНИЙ ГРАЖДАНСКИЙ ГУБЕРНАТОР СТАРОЙ ФИНЛЯНДИИ» (СЛУЖЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИВАНА ИВАНОВИЧА ВИНТЕРА ПО ДОКУМЕНТАМ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА)..... 13
- Брянцев М.В.**
СОВЕТСКАЯ ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ О ПОЛЬСКО-СОВЕТСКОМ ПЕРЕМИРИИ 1920 Г... 23
- Гончарова Е.В., Кузьмина В.Г.**
ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ ПСКОВСКИХ ДУХОВНЫХ И СВЕТСКИХ ФЕОДАЛОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГЕНЕРАЛЬНОГО МЕЖЕВАНИЯ)..... 38
- Дубровский А. М., Черняков Д. И., Кузько Н. А., Зайцев И. А.**
ПОЛИТИКА ОККУПАЦИОННЫХ ВЛАСТЕЙ ПО ОТНОШЕНИЮ К ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИСТОРИИ БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ) 48
- Ковалев С.А.**
РАБОЧИЕ КАДРЫ ДОНБАССА В 20–30-Е ГОДЫ XX В..... 63
- Кулаков В.И.**
ТИПОЛОГИЯ И ХРОНОЛОГИЯ ПОГРЕБАТЕЛЬНЫХ УРН ЭСТИЕВ И ПРУССОВ..... 74
- Лупанова Е.М.**
ФОРМИРОВАНИЕ РЫНКА ПИЛЕННЫХ ДОСОК В РОССИИ XVIII В. 90

Енуков Владимир Васильевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Курский государственный университет, директор НИИ археологии юго-востока Руси, Курск (Россия);

Иванц Блаж — доктор философии, доцент Люблянского университета, специалист по истории политических учений, Любляна (Словения);

Ивонина Людмила Ивановна — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Смоленский государственный университет, Смоленск (Россия);

Кашенко Сергей Григорьевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой источниковедения истории России, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург (Россия);

Ливцов Виктор Анатольевич — доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Среднерусского института управления-филиала, Орел (Россия);

Мезга Николай Николаевич — доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины, Гомель (Беларусь);

Метельский Андрей Анатольевич — доктор исторических наук, заведующий Отделом истории Беларуси IX-XVIII вв., Институт истории НАН Беларуси, Минск (Беларусь);

Мягков Герман Пантелеймонович — доктор исторических наук, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин, Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязева, Казань (Россия);

Нахтигаль Райнхард — доктор истории хабилитат, профессор Фрайбургского университета им. Альберта-Людвига, научный сотрудник, Фрайбург (Германия);

Патрушева Наталья Генриховна — доктор исторических наук, заведующая сектором книговедения, Отдел редких книг Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург (Россия);

Попов Стоян — доктор истории, доцент исторического факультета, Пловдивский университет имени Паисия Хилендарского, Пловдив (Болгария);

Рогинский Вадим Вадимович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела Новой истории, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва (Россия);

Сагимбаев Алексей Викторович — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Цуття Иосифуру — профессор Нихонского университета, кафедра исторических наук, Токио (Япония);

Шинаков Евгений Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия).

Технический секретарь журнала:

Мельников Игорь Владимирович — кандидат биологических наук, начальник редакционно-издательского отдела, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия).

В данном выпуске журнала «Вестник Брянского государственного университета» представлены материалы ученых по основным направлениям исследований.

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Ответственность за точность фактологического материала, используемого в статьях, несут авторы.

Подписной индекс «Пресса России»: 40705 годовая

Марченков Р.Р.

УСЛОВИЯ И ДИНАМИКА ТРАНСФОРМАЦИИ
ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА ВЕЛИКО-
БРИТАНИИ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ 102

Меер Е. С.

ПРОБЛЕМА КЛАССОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
ФРАНЦУЗСКОЙ БУРЖУАЗИИ В ТРУДАХ
АМЕРИКАНСКОГО ИСТОРИКА С. МАЗЫ 111

Никитина И. В.

СУДЬБА ИНКЕРМАНСКОГО МОНАСТЫРЯ В
1920-Е ГГ. В АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКАХ 121

Турьгин А. А.

ГУТЕНБЕРГ ПРОТИВ ЭРЦБЕРГЕРА: КРИТИКА
ФИНАНСОВОЙ РЕФОРМЫ РЕЙХС-
МИНИСТРА В ВЕЙМАРСКОМ НАЦИО-
НАЛЬНОМ СОБРАНИИ 128

Шумаков А.А.

ЖИЗНЬ МАРТИНА РОБИНСОНА ДЕЛАНИ И
ЭВОЛЮЦИЯ ЕГО ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
ВЗГЛЯДОВ 141

Vol.1 – No.47

Scientific peer-reviewed journal

MARCH

The Bryansk State University Herald

The founder – Federal State Budget Educational
Institutional of Higher Educational
«Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University»

The Bryansk State University Herald.
№ 1(47) 2021: historical sciences and archaeology. Bryansk: RISO
BSU, 2021. 158 p.

Editorial Board

Chief editor:

Mikhailchenko Sergei Ivanovich, Doctor of Historical Sciences,
Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University,
Bryansk, Russia.

Deputy Editor-in-Chief:

Artamoshin Sergey Viktorovich, Doctor of Historical Sciences,
Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University,
Bryansk, Russia.

Executive secretary:

Fedin Andrey Valentinovich, Doctor of Historical Sciences,
Associate Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State
University, Bryansk, Russia.

Editorial board:

Albu Ion — Doctor of History habilitat, Professor of the
Department of History, Faculty of Social and Human Sciences,
University «Lucian Blaga», Sibiu (Romania);

Beletskiy Sergey Vasilievich — Doctor of Historical Sciences,
Leading Researcher of the Department of Slavic-Finnish
Archeology, Institute for the History of Material Culture of the
Russian Academy of Sciences, St. Petersburg (Russia);

Blokhin Valery Fedorovich — Doctor of Historical Sciences,
Professor, Head of the Department of Russian History, Academician I.G.
Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia).

Blumenau Semyon Fedorovich — Doctor of Historical Sciences,
Professor of the Department of General History and International Relations,
Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Bondarenko Dmitry Mikhailovich — Doctor of Historical
Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian
Academy of Sciences, Director of the International Center for
Anthropology, Faculty of Humanities, National Research
University Higher School of Economics, Moscow (Russia);

Gaidukov Petr Grigorievich — Doctor of Historical Sciences,
Professor, Deputy Director for Science of the Institute of
Archeology of the Russian Academy of Sciences, Corresponding
Member of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia);

Gella Tamara Nikolaevna — Doctor of Historical Sciences, Professor,
Head of the Department of General History and Regional Studies, Oryol
State University named after I.S. Turgeneva, Orel (Russia);

Gorbachev Oleg Vitalievich — Doctor of Historical Sciences,
Professor of the Department of Documentation and Information Support
of Management, Ural Federal University, Ekaterinburg (Russia);

Grebenkin Igor Nikolaevich — Doctor of Historical Sciences,
Professor of the Department of Russian History, Ryazan State
University named after S.A. Yesenin, Ryazan (Russia);

Dubrovsky Alexander Mikhailovich — Doctor of Historical
Sciences, Professor of the Department of Russian History, Academician
I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Enukov Vladimir Vasilievich — Doctor of Historical Sciences,
Professor of the Department of Russian History, Kursk State
University, Director of the Research Institute of Archeology of
South-East Russia, Kursk (Russia);

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

Andreev A.E.

RESOLVING THE PROBLEMS OF REFUGEES
FROM OCCUPIED TERRITORIES DURING
THE FIRST WORLD WAR (ON THE EXAMPLE
OF TVER GOVERNMENT)..... 7

Bogdanova T.V.

«THE LAST CIVIL GOVERNOR OF OLD
FINLAND» – OFFICIAL ACTIVITY OF IVAN
IVANOVICH WINTER ACCORDING TO THE
DOCUMENTS OF THE RUSSIAN STATE
HISTORICAL ARCHIVE..... 13

Bryantsev M.V.

SOVIET PROVINCIAL SEAL ON THE POLISH-
SOVIET TRUCE OF 1920..... 23

Goncharova E.V., Kuzmina V. G.

LAND HOLDINGS OF THE PSKOV SPIRITUAL
AND SECULAR FEUDAL LORDS OF THE
SECOND HALF OF THE XVIII CENTURY (ON
THE MATERIALS OF THE GENERAL
INTERRUPTION)..... 38

Dubrovsky A.M. Chernyakov D.I. Kuzko N.A.

Zaitsev I.A.
THE POLICY OF THE OCCUPATIONAL
AUTHORITIES WITH RESPECT TO THE
ORTHODOX CHURCH IN THE YEARS OF THE
GREAT PATRIOTIC WAR (ON THE BASIS OF
BRYANSK REGION MATERIALS)..... 48

Kovalev S.A.

WORKERS IN DONBASS IN THE 20-30S OF
THE XX CENTURY..... 63

Kulakov V.I.

TYPOLOGY AND CHRONOLOGY OF
AESTIAN AND PRUSSIAN FUNERAL URNS....74

Lupanova Ye.M.

FORMATION OF THE MARKET FOR SAW
BOARDS IN RUSSIA XVIII CENTURY..... 90

Ivants Blaj — Doctor of Philosophy, Associate Professor at the University of Ljubljana, Political History Specialist, Ljubljana (Slovenia);

Ivonina Lyudmila Ivanovna — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History, Smolensk State University, Smolensk (Russia);

Kashchenko Sergey Grigorievich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Source Study of Russian History, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg (Russia);

Livtsov Viktor Anatolyevich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director of the Central Russian Institute of Branch Management, Orel (Russia);

Mezga Nikolai Nikolaevich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History, Francisk Skorina Gomel State University, Gomel (Belarus);

Metelsky Andrey Anatolyevich — Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of the History of Belarus in the IX-XVIII Centuries, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk (Belarus);

Myagkov German Panteleimonovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory of State and Law and Public Law Disciplines, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryazeva, Kazan (Russia);

Nachtigall Reinhard — Doctor of History habilitat, Professor at the University of Freiburg, Albert-Ludwig, Research Fellow, Freiburg (Germany);

Patrusheva Natalya Genrikhovna — Doctor of Historical Sciences, Head of the Bibliology Sector, Rare Books Department of the Russian National Library, St. Petersburg (Russia);

Popov Stoyan — Doctor of History, Associate Professor of the Faculty of History, Paisiy Khilendarsky University of Plovdiv, Plovdiv (Bulgaria);

Roginsky Vadim Vadimovich — Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Department of Modern History, Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia);

Sagimbaev Aleksey Viktorovich — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of General History and International Relations, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Tsuchiya Iosifuru — Professor, Nihon University, Department of Historical Sciences, Tokyo (Japan);

Shinakov Evgeny Aleksandrovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia).

Technical secretary

Melnikov Igor Vladimirovich — Candidate of Biological Sciences, Chief of Editorial-publishing Department at Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University.

In this issue of the journal "The Bryansk State University Herald" materials of scientists in the main directions of researches are presented, it is intended for scientists, teachers, graduate students and students.

Materials of articles are printed in author's edition.

INDEX 40705 OF GENERAL CATALOG «PRESS OF RUSSIA»

Marchenkov R.R.

CONDITIONS AND DYNAMICS OF THE TRANSFORMATION OF THE OFFICER CORPS OF THE GREAT BRITAIN IN THE SECOND WORLD WAR 102

Meer E.S.

THE PROBLEM OF CLASS IDENTITY OF THE FRENCH BOURGEOISE IN THE WORKS OF THE AMERICAN HISTORIAN S. MAZA 111

Nikitina I.V.

THE FATE OF THE INKERMAN MONASTERY IN THE 1920S IN THE ARCHIVAL SOURCES 121

Tyrygin A.A.

HUGENBERG CONTRA ERZBERGER: CRITICISM OF THE FINANCIAL REFORM OF THE REICHSMINISTER IN THE WEIMAR NATIONAL ASSEMBLY 128

Shumakov A.A.

THE LIFE OF MARTIN ROBINSON DELANY'S AND EVOLUTION HIS IDEOLOGICAL AND POLITICAL VIEWS 141

УДК 94(47)

Андреев А.Е., кандидат исторических наук, Тверской государственный университет (Россия)

РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМ БЕЖЕНЦЕВ С ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЙ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (на примере Тверской губернии)

В статье анализируется деятельность тверских губернских учреждений по решению проблем беженцев с оккупированных территорий в годы Первой мировой войны. В связи с условиями военного времени перечень задач у губернских учреждений значительно увеличился. Проблемы с беженцами были многогранны: обеспечение их жильем, продовольствием, работой, оказание медицинской помощи. Необходимо было принимать дополнительные санитарные меры и расширять сеть медицинских учреждений, что невозможно было без содействия должностных лиц административных учреждений. Были совершенно различны условия нахождения беженцев в городской и сельской местностях, однако инфляция и недовольство населения присутствовали повсеместно.

Ключевые слова: Первая мировая война, губернатор Н.Г. Бюнтинг, губернские учреждения, беженцы
DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-01-7-12

С начала Первой мировой войны беженцы направлялись в центральную часть Российской империи. Процессы взаимодействия беженцев и городского населения, проблема аккомодации и ряд других вопросов рассмотрены исследователями [1, 5, 6], вместе с тем действия губернской администрации комплексно не проанализированы. Театр военных действий смещался к центральным губерниям, конкретно в Тверскую губернию эвакуировались беженцы из Рижской, Гродненской, Виленской и Курляндской губерний [2, Оп. 1, Д. 13790, Л. 136]. В исследовании были использованы как универсальные научные методы, так и специальные методы исторического исследования, определяемые спецификой поставленной проблемы и источникового материала, а именно: проблемно-хронологический метод, системный метод.

Всероссийский земский союз отмечал, что движение беженцев изначально было стихийным и беспорядочным. Для их приёма и оказания первой помощи были учреждены Тверской губернский и местные в каждом уездном городе Комитеты под председательством городских

голов. Земские и городские органы самоуправления отзывались на просьбы о помощи, частные лица предлагали свои услуги. Однако число беженцев росло и к 27 июля 1915 года в г. Тверь было направлено свыше 10 000 человек. Тверской губернатор Н.Г. Бюнтинг обращался к населению: «для дела помощи им должны быть мобилизованы все общественные силы, всё население должно оказать им содействие, и, главное, помочь им в поисках жилищ. Между тем, некоторые домовладельцы, к глубокому стыду нашему, отказывают беженцам в сдаче квартир или назначают непомерные цены. Окажем помощь братьям, исконным сынам Матушки-Руси, сердечный приём и заклеим позором тех, чьё черствое сердце не тронется тем несчастьем, или кто откажет им в помощи из личных материальных выгод» [8, № 57, С. 1].

После успешных боевых действий австро-венгерской армии летом 1915 года были образованы Особое совещание по устройству беженцев и Центральный ссудный комитет. В соответствии с «Положением об обеспечении нужд беженцев» [5, № 242, ст. 1842] от 30 августа 1915 г. ос-

новная ответственность за решение вопросов беженцев возлагалась на министра внутренних дел. Ответственными на местах стали губернаторы, градоначальники, земские и городские учреждения. Перечисленные должностные лица и организации руководили перемещением и устройством беженцев в губерниях и областях, предназначенных для поселения, контролировали проведение врачебно-санитарных мероприятий, касающихся переселенцев. Районы размещения определялись и изменялись МВД после обсуждения в Особом совещании. О своей деятельности главноуполномоченные по делам беженцев представляли отчёты министру внутренних дел, и, с его разрешения, вносили доклады на рассмотрение в Особое совещание [8, № 68, С. 1].

В конце 1915 года в губернию должны были прибыть до 100 000 беженцев. При Тверском обществе сельского хозяйства образовали комиссию по организации помощи беженцам. Вещи и деньги для беженцев собирали в Твери 13 сентября. В частном доме с 14 сентября работало справочное бюро труда для беженцев, в котором местные промышленники и торговцы бесплатно получали справки о соискателях [9, № 1, С. 4].

Министерство народного просвещения предложило руководителям учебных заведений оказывать беженцам возможные льготы по оплате обучения детей, например, назначать крайние сроки внесения оплаты, выдавать пособия из специальных средств, в особых случаях обращаться к местным органами Татианинского комитета с просьбой об оказании поддержки вынужденным переселенцам во внесении оплаты [9, № 19, С. 3].

Среди беженцев, размещенных в городских и наемных помещениях, распространялись инфекционные заболевания. Причинами распространения болезней, предположительно, были «плохое питание, страшная скученность, антисанитария, и наступившие осенние холода и

ненастья» [9, № 5, С. 3].

Из Твери отправили 3 сентября 1915 г. вниз по Волге около 300 беженцев, часть которых высадили в Корчеве, остальных в Кимрах и Калязине. Баржу буксировал казенный пароход. Переселенцев сопровождали член городского комитета по призрению беженцев А.А. Львов, студент-медик и переводчик. Немущим беженцам купили на 400 рублей теплой одежды и обуви, раздали бельё. Большинство беженцев составляли женщины с детьми и старики [9, № 4, С. 2].

К 10 октября 1915 г. более 700 беженцев расселили в Тверском уезде. На Тверской железнодорожной станции их встречали подводы от земства. Места для поселения беженцев заранее подбирались уполномоченными. На содержание вынужденных переселенцев земство выделяло из казенных сумм по 6 рублей на каждого взрослого и по 3 рубля в месяц малолетним. За квартиру с отоплением платили по 1,5 рубля в месяц на человека [9, № 8, С. 2].

Местная власть и органы самоуправления старались отправить беженцев в сельскую местность, но они не стремились уезжать из крупных населённых пунктов, где получали пайки и не имели возможности трудоустройства. В результате общения с беженцами и нанимателями в октябре 1915 года журналист выяснил, что беженцы часто отказывались от работы, и сделал выводы: «многие беженцы говорят «раз нас стронули с родных мест, и мы лишились всего: и крова, и имущества, то пусть нас содержат». Некоторые же не прочь работать, но опасаются, как бы в случае ухода с работы по каким-либо причинам, совсем не пришлось лишиться продовольственного пайка, либо пособия. Есть и такие беженцы, которые, отказываясь от работы, заявляют: «дайте же нам опомниться после всех пережитых ужасов, невзгод и волнений, и мы, по мере возможности, приступим к работе».

Выводы корреспондента объясняют вероятные причины нежелания уезжать из города: «В деревне, где летом все, от малышей до стариков, заняты работой, где полгода царствует тяжелый труд, беженцам, конечно, неловко бездельничать; в городах же атмосфера другая, и можно сидеть на казенном пайке. Обезлюдившая теперь деревня была бы рада своевременному притоку рабочей силы, и беженцы бы были рады труду, и не было бы среди них, особенно среди несчастных детей, той ужасной смертности от разных эпидемий, обусловленных страшной скученностью и плохим питанием. Выиграло бы от этой меры и городское население, так как с наплывом беженцев вздорожали и цены на квартиры, и цены на необходимейшие продукты, а развившиеся эпидемии унесли в могилу немало и наших детей» [9, № 9, С. 2].

Вероятно, главноуправляющий Особым совещанием по устройству беженцев знал о необходимости размещения переселенцев в сельской местности. Направленные со станций Минск, Псков, Полоцк и Починок следующие 22 000 беженцев сразу перевозились по железной дороге в уезды Тверской губернии: по 1 500 человек в Сонково, Бежецк, Удомлю, Максатиху, Красный Холм, Панино, Высокую Осугу и Старицу, и по 3 000 человек в Ржев, Торжок и Кашин [9, № 9, С. 5].

Очередное заседание губернского комитета по оказанию помощи беженцам состоялось 1 октября 1915 г. Рассматривался вопрос увеличения потока прибывающих переселенцев. На совещании решили: «1) Немедленно приступить к организации на местах, особенно на намеченных путях следования беженцев, врачебно-питательных пунктов для ночлега и обогрева, и разные больницы; 2) Озаботиться на местах следования заготовкою теплой одежды; 3) Собрать врачебно-санитарное совещание для разработки проекта санитарных мероприятий, определения размеров пайка и т.п.» [9, № 9, С. 5].

Городская санитарная комиссия 27 октября 1915 г. обсуждала вопрос профилактики скарлатины и других эпидемий, распространявшихся в связи с прибывающими беженцами и военными частями. Участники заседания констатировали что:

«1. Число беженцев значительно увеличилось, и, несмотря на то, что волна беженцев была направлена, минуя Тверь, на Ржев и уездные города, в Тверь ежедневно прибывали до нескольких десятков человек, и к концу октября насчитывалось около 5 000 беженцев, пользовавшихся поддержкой;

2. Переполнение беженцами домов, в которые они помещены, достигло пределов - они спали вповалку на нарах, прижавшись друг к другу, больные и здоровые. Неизлечимых не брали в больницу, и они жили со здоровыми;

3. Скученность способствовала распространению болезней, в частности скарлатины. Выяснилось крайнее перепополнение Нечаевской больницы, рассчитанной на 30 больных, но принимавшей до 150 человек;

4. Положение беженцев относительно продовольствия было на низком уровне. Городская управа выдавала беженцам на обед и ужин денежный паек - 20 копеек, которых не хватало на еду.

Санитарная комиссия рекомендовала городскому управлению: 1. Улучшить регистрацию больных; 2. Устроить новую больницу для беженцев на 100 человек; 3. Найти помещения для новых беженцев; 4. Закрыть госпиталь для раненых при богадельне Святогорова, распределить имеющиеся там 50 кроватей по другим госпиталям, и отвести это помещение для беженцев» [9, № 12, С. 2].

Учитывая эти предложения, к началу 1916 года Особое совещание по устройству беженцев направило Тверскому городскому комитету по устройству беженцев 53 000 рублей на открытие «1) Заразной больницы для беженцев на

100 кроватей; 2) Особого барака для жилья на 100 человек; 3) Столовой на 100 человек и устройство бани» [10, № 19, С. 2]. Тверское отделение ВГС открыло больницу с возможностью размещения до 50 человек для незаразных больных-беженцев в д. Святогорова за Тверцой.

Губернатор провёл 15 марта 1916 г. совещание председателей земских управ и городских голов Тверской губернии по вопросу обеспечения сельской местности работоспособным населением. Приняли решение ходатайствовать перед военным ведомством о направлении на сельскохозяйственные работы в губернию не менее 4 000 военнопленных. Губернатор предложил на обсуждение совещания фиксированную сумму оплаты труда беженцев, по которой месячный заработок мужчины определялся в 12 руб. с обеспечением продовольствием, заработок женщин и подростков - в 8 рублей. Против этих расценок возражали присутствовавшие на совещании уполномоченный по устройству беженцев А.А. Миллер и представитель Новоторжского земства В.Я. Оранский, но сумму оплаты утвердили. Министр внутренних дел телеграммой от 11 марта, «придавая делу обсеменения полей, а равно и другим сельскохозяйственным работам значение первой государственной важности» [3, Оп. 1. Д. 80. Л. 50] предложил лишать месячного пайка трудоспособных беженцев, отказавшихся от работы [10, № 27, С. 2], и совещание приняло соответствующее решение. Беженцы, трудоустроенные в сельском хозяйстве, сохраняли право на пособие, которое выдавалось их семьям, сверх пособий, назначенных членам семьи [3, Оп. 1. Д. 80. Л. 50].

Уездные земские управы заранее общались прибывавшим беженцам о возможностях трудоустройства и уровне заработной платы, выступая посредниками в вопросах найма, поддерживали семьи беженцев, половина которых были русскими. Значительная часть переселенцев были по

национальности латышами или поляками. Помимо местной администрации и земств помощь беженцам в Тверской губернии оказывали национальные организации по поддержке вынужденных переселенцев, но они помогали незначительной части нуждающихся. Например, 1 марта 1915 г. в Твери был открыт местный отдел Петроградского Общества вспомоществования бедным семействам поляков, участвующих в войне, и бедствующему польскому населению, пострадавшему от военных действий [4, Оп. 1. Д. 1007].

Деятельность подобных организаций целесообразно рассмотреть на основании донесения тверского полицмейстера от 6 декабря 1915 г. о работе отделения Латышского общества вспомоществования беженцам «Родина» («Dsimtene»), открытого осенью 1915 года. Для призрения неимущих беженцев-латышей были открыты «1) питательный пункт для беженцев, помещающийся за Тверцой; 2) приют для беженцев; 3) квартиры для учеников; 4) начальное училище, с 2-мя классами, по 2 отделения в каждом классе; 5) контора и при ней «Бюро труда». Отделением за 3 квартал 1915 г. были зарегистрированы в Твери 600 семейств беженцев-латышей (до 2000 человек)» [11, С. 122-123].

Таким образом, в годы Первой мировой войны тверская губернская администрация через полицейский аппарат и координируя земские и городские учреждения, при поддержке созданных местных отделений центральных общественных учреждений, организовала поддержку беженцев, что требовало значительных денежных средств и увеличивало нагрузку на местную власть. Приток беженцев заставил принимать дополнительные санитарные меры и расширять сеть медицинских учреждений, что также невозможно было без содействия должностных лиц административных учреждений. В целом, проблемы беженцев пытались решить

своевременно, но, ввиду отсутствия материальной базы и оперативных решений из центра, ухудшалось эпидемиологическое состояние городов, усиливалась инфляция, росло недовольство местного населения по отношению к власти. Если в городах вынужденные переселенцы признава-

лись нуждавшимися в пособиях, то отправленные на село всегда могли заработать в сельскохозяйственной сфере, ввиду отсутствия мужского населения. Вследствие этого с конца 1915 года беженцы размещались и трудоустраивались в уездах губернии.

Список литературы

1. Алферова И.В. Беженцы Первой мировой войны: проблемы аккомодации (на материалах Орловской губернии) // Вестник Брянского государственного университета. Брянск. 2018. №3. С.9-16.

2. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 56 – Канцелярия тверского губернатора.

3. ГАТО. Ф. 243 - фонд Кашинского земского начальника 1 участка.

4. ГАТО. Ф. 510 – фонд Тверского губернского по делам об обществах присутствия.

5. Закон об обеспечении нужд беженцев, 30 августа 1915 г., № 1842. // Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Пг., 1915. Отд. 1. 2-е полугодие. С. 2423-2426.

6. Павлова О.С. Деятельность Уфимского отдела Всероссийского общества попечения о беженцах в 1915-1917 годах // Научный диалог. Екатеринбург. 2017. № 10. С. 267-279.

7. Семенова Е.Ю. Взаимодействие горожан и беженцев на территории тылового города в годы Первой мировой войны (по материалам Поволжья) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. № 3 (2). С. 436-443.

8. Тверские губернские ведомости (ТГВ). 1915.

9. Тверской листок. 1915.

10. Тверской листок. 1916.

11. Тверской край в XX веке. Документы и материалы. 1907-февраль 1917 гг. - Тверь: Тверское областное книжно-журнальное издательство, 1995. - 144 с.

RESOLVING THE PROBLEMS OF REFUGEES FROM OCCUPIED TERRITORIES DURING THE FIRST WORLD WAR (ON THE EXAMPLE OF TVER GOVERNMENT)

The article analyzes the activities of the Tver provincial institutions in solving the problems of refugees from the occupied territories during the First World War. In connection with wartime conditions, the list of tasks for the provincial institutions has increased significantly. The problems with refugees were multifaceted: providing them with housing, food, work, medical assistance. It was necessary to take additional sanitary measures and expand the network of medical institutions, which was impossible without the assistance of officials of administrative institutions. The conditions for refugees in urban and rural areas were completely different, but inflation and popular discontent were present everywhere.

Keywords: World War I, Governor N.G. Bynting, provincial institutions, refugees

References

1. Alferova I.V. Refugees of the First World War: Problems of Accommodation (Based on the Materials of the Oryol Province) // Bulletin of the Bryansk State University. Bryansk. 2018. №. 3. P. 9-16.

2. State Archives of the Tver Region (SATR). F. 56 - Office of the Tver Governor.

3. SATR. F. 243 - fund of the Kashinsky zemstvo chief of the 1st section.

4. SATR. F. 510 - Fund of the Tver province for the affairs of the presence societies.

5. Law on ensuring the needs of refugees, August 30, 1915, No. 1842. // Collection of legalizations and orders of the Government, published by the Governing Senate. Pg., 1915. Dept. 1.2 half of the year. P. 2423-2426.

6. Pavlova O.S. Activities of the Ufa Department of the All-Russian Society for the Care of Refugees in 1915-1917 // Scientific Dialogue. Ekaterinburg. 2017. №. 10. P. 267-279.

7. Semenova E.Yu. Interaction between townspeople and refugees on the territory of the rear city during the First World War (based on materials from the Volga region) // Izvestia of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2014. №. 3(2). P. 436-443.

8. Tver Provincial Gazette (TPG). 1915.

9. Tver leaf. 1915.

10. Tverskoy leaf. 1916.

11. Tver region in the XX century. Documents and materials. 1907-February 1917 - Tver: Tver Regional Book and Magazine Publishing House, 1995. - 144 p.

Об авторе

Андреев Алексей Евгеньевич – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры государственного и муниципального управления, Тверской государственной университет (Россия), E-mail: aae@list.ru

Andreev Aleksei Evgenievich – Ph.D. in History, Lecturer at the Department of State and Municipal Administration of the Institute of Economics and Management, Tver State University (Russia), E-mail: aae@list.ru

УДК 93/94

Богданова Т.В., заместитель начальника отдела информации и научного использования документов Российского государственного исторического архива.

**«ПОСЛЕДНИЙ ГРАЖДАНСКИЙ ГУБЕРНАТОР СТАРОЙ ФИНЛЯНДИИ»
(СЛУЖЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИВАНА ИВАНОВИЧА ВИНТЕРА
ПО ДОКУМЕНТАМ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА)**

Изучение дореволюционного института губернаторства, его взаимодействия с центральными органами власти чрезвычайно актуально. Объективное освещение исторических событий предопределяет разноплановый интерес, как к персонажам общегосударственного масштаба, так и местного уровня. Военные и гражданские губернаторы Императорской России всегда находились в центре политической, экономической и культурной жизни отдельной губерний. Они оказывали существенное воздействие на провинциальную жизнь не только благодаря личностным качествам, но и в силу сложившегося к ним отношения в общественном сознании. По своей важности губернатор для местных чиновников и обывателей был на втором месте после монарха, а иногда и на одном с ним уровне. Однако такое восприятие местным обществом фигуры губернатора не исключала того обстоятельства что на эту должность люди могли быть зачислены лишь по стечению обстоятельств. Решающую роль играла позиция, которую занимал монарх и его ближайшее окружение, а от степени доверия центральных властей к тому или новому губернатору зависел реальный объем властных полномочий и благополучие региона. На губернаторские должности Финляндской губернии (Старой Финляндии) назначались не только талантливые руководители, но чиновники, обязательно имевшие организаторский и административно-управленческий опыт. В статье на основе сохранившихся архивных документов рассказывается об одном из них – Иване Ивановиче Винтере, административный «взлет» и «падение» которого приоткрывают особенности взаимодействия различных ступеней в вертикали власти начала XIX столетия.

Ключевые слова: институт губернаторства, Старая и Новая Финляндия, административное управление, высшие учреждения государственной власти России, И.И. Винтер.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-01-13-22

В Российском государственном историческом архиве (далее РГИА) хранится значительный комплекс материалов по истории Финляндской (Выборгской) губернии и Великого княжества Финляндского. Эти документы охватывают временной период с момента завоевания г. Выборга в 1710 г. Петром I до начала XX в.

XVIII – первая четверть XIX вв. – время русско-шведских войн, в результате которых к Российской империи была присоединена большая территория шведских владений с финскими городами – Выборгом, Нейшлотом, Вильманстрандом, Кексгольмом, Фридрихсгамом. В 25 июля 1783 г. императрица Екатерина II именным указом Правительствующему Сенату «О составлении Выборгского Наместничества»

повелела не только образовать Наместничество, но и местечко Сердобль именовать городом [14, л. 64 а]. Подлинный текст указа хранится в Коллекции именных указов и высочайших повелений Сенату.

Таким образом, в состав Выборгского наместничества с этого момента входило шесть городов и уездов. Впоследствии Выборгское наместничество было переименовано сначала в 1796 г. в Выборгскую губернию, а 13 декабря 1802 г. – в Финляндскую. Меняя наименования, тем не менее, губерния сохраняла неизменным свои административные границы.

Русско-шведская война 1808–1809 гг., как известно, – последняя война между Швецией и Россией, закончилась безоговорочной победой русских войск. Еще до

окончания войны, через десять дней после взятия главного города Финляндии – Або, 20 марта (1 апреля) 1808 г. император Александр I подписал манифест «О покорении Шведской Финляндии, и о присоединении оной навсегда к России». Текст манифеста гласил: «Страну сию, оружием Нашим покоренную, Мы присоединяем отныне навсегда к Российской Империи, и вследствие того повелели Мы принять от обывателей ее присягу на верное Престолу Нашему подданство» [16, л. 446-447 а].

По условиям Фридрихсгамского мирного договора, заключенного спустя год 5 (17) сентября 1809 г., в состав Российской империи вошла территория всей Финляндии с Аландскими островами на правах автономного княжества [4, с. 127-129]. Таким образом, было образовано Великое княжество Финляндское, получившее широкую автономию, предусматривавшую сохранение шведского законодательства и религии [5]. Данная территория тогда же получила и другое наименование – Новая Финляндия, а территория русской Финляндии в делопроизводственных документах для удобства стали называть Старой Финляндией.

В многочисленных фондах РГИА хранятся материалы о важном историческом периоде в жизни русского и финского населения – соединении Старой и Новой Финляндии.

Административное управление пограничными территориями требовало точного соблюдения управленческих традиций. Особенно это было важно в период военных конфликтов и после их завершения. На губернаторские должности Финляндской губернии (Старой Финляндии) назначались не только талантливые руководители, но чиновники, обязательно имевшие организаторский и административно-управленческий опыт. Финляндским гражданским губернатором 8 апреля 1811 г. по именному указу императора Александра I всемилостивейшее был

назначен действительный статский советник Иван Иванович Винтер [17, л. 69].

Он являлся сыном штаб-офицера, родился в 1757 г. В службу в Государственную коллегию иностранных дел вступил 12 декабря 1769 г. еще будучи студентом. Спустя три года он занял должность актуариса (судебного писца), а в 1774 г. стал переводчиком. С 1777 г. по 1781 г. находился при двух русских посольствах в Вене и Неаполе, после чего получил чин титулярного советника, а с 22 октября 1788 г. И.И. Винтер был переведен в штат Главного кригс-комиссариата и спустя два года был назначен главным смотрителем в Санкт-Петербургский военный госпиталь. Эту должность он занимал в течение трех лет, после чего был назначен в управление Рижской комиссариатской комиссии. По указу Военной коллегии с 8 мая 1794 г. Иван Иванович находился при генерале-фельдмаршале князе Н.В. Репнине. Спустя три года он был переведен в Ревельский пехотный полк в штаб-офицерском чине премьер-майора. Далее И.И. Винтер получил чин подполковника (11 октября 1798 г.) и полковника (11 октября 1799 г.).

4 июня 1800 г. И.И. Винтер был исключен из службы и определен 20 марта 1801 г. в Военную коллегию в должность военного советника и правителя Канцелярией вице-президента генерала И.В. Ламба. Спустя неделю получил назначение в Инспекторскую экспедицию, а 26 февраля 1803 г. назначен экспедитором в Департамент военно-сухопутного министра [7, л. 5, 5 об., 6].

Именным указом Правительствующему Сенату император Александр I высочайше повелел 23 июля 1803 г. экспедитора военного советника И.И. Винтера «с отличною ревностью должность ему порученную исправляющего» всемилостивейше пожаловать «статским советником оставляя его при прежнем месте» [15, л. 430].

За свою усердную службу в департаменте Иван Иванович в 1806 г. был награжден орденом Святой Анны 2-ой

степени. Этот орден стал единственным в его карьерной службе. Министр сухопутных сил граф С.К. Вязьмитинов 7 февраля 1806 г. писал в Канцелярию Капитула российских орденов князю А.Б. Куракину: «На почтеннейшее отношение вашего сиятельства от 3-го февраля честь имею уведомить вас милостивый государь мой, что вытребованные мною знаки ордена Святой Анны 2-го класса Всемилостивейше пожалованы служащему в Департаменте военно-сухопутного министерства экспедитору статскому советнику Винтеру» [6, л. 44, 44 об.]. Подлинное отношение хранится в фонде Капитула российских орденов.

И.И. Винтер в марте 1808 г. стал членом Инспекторской экспедиции, а в ноябре того же года возглавил Канцелярию при главнокомандующем Финляндской армией. Также в 1808 г. «за примерное трудолюбие при отличных делах способностях и неусыпное старание к успешному течению дел» И.И. Винтер был награжден знаком отличия ордена Св. Владимира [21, л. 9]. После заключения Фридрихсгамского мира, 17 ноября 1809 г. произведен «за отличие» в действительные статские советники [7, л. 5 об.].

Как уже упоминалось выше, финляндским гражданским губернатором Иван Иванович был назначен 8 апреля 1811 г. После издания указа министра полиции А.Д. Балашов уведомил военного министра М.Б. Барклая-де-Толи 12 апреля 1811 г. о назначении «находящегося при генерале-лейтенанте Штейнгеле» И.И. Винтера [10, л. 2]. Спустя месяц, 9 мая 1811 г., финляндский генерал-губернатор Ф.Ф. Штейнгель с удивлением пишет министру полиции А.Д. Балашову о том, что в газетах опубликован высочайший указ о назначении И.И. Винтера, и что о «новом его назначении я ниоткуда никакого сведения не имею, да и он сам ни от кого не получил никакого предписания для следования к новой своей должности, то затрудняясь в таком случае его от себя отпустить, я

обращаюсь к вашему превосходительству с покорнейшей просьбой разъяснением вашим меня не оставить и почтить скорейшим ответом» [11, л. 3].

Только 30 мая 1811 г. новый гражданский губернатор рапортовал министру полиции, что он прибыл в г. Выборг и «вступил в управление Высочайше вверенной» ему губернией [11, л. 5].

Всего через два года после заключения мирного договора по манифесту императора Александра I «О именовании старой и новой Финляндии совокупно Финляндию», подписанному 11 декабря 1811 г., территории русской и шведской Финляндии были соединены. Текст манифеста гласил: «<...> различие между старою и новою Финляндию, как в наименовании их, так и в самом образе правления, находя излишним и настоящему положению сего края несвойственным <...>». Финляндская губерния была присоединена к Великому княжеству Финляндскому исключительно для удобства внутреннего управления, после объединения финляндская Конституция автоматически распространялась на всю территорию [20, л. 1]. Подробно история этого вопроса освещена в документах Особого комитета председателей департаментов Государственного совета (Ф. 1164), специально созданного для рассмотрения планов государственных преобразований под председательством графа Н.П. Румянцева [8], а также в документах фонда Департамента полиции исполнительной (Ф. 1286) [10].

После подписания Манифеста о соединении Старой и Новой Финляндии в этот же день император направил высочайший рескрипт И.И. Винтеру, в котором сообщил о том, что «губерния Вами управляемая присоединяется к Финляндии», во всех делах «требующих разрешения» И.И. Винтер должен был обращаться к финляндскому генерал-губернатору, который его «снабдит подробными наставлениями» [10, л. 6].

После объединения в состав Финляндского правительствующего совета (с 1816 г. Императорский финляндский Сенат) от Выборгской губернии вошли двое представителей, в состав Абовского гофгерихта (надворного суда) – один. С 1812 г. все доходы Выборгской губернии были причислены к общим финляндским доходам. Управление духовными делами губернии было присоединено к Борговской епархии.

Финляндский правительствующий совет должен был преобразовать административное управление Выборгской губернией таким образом, чтобы она в дальнейшем существовала на тех же условиях, на которых действовали и другие губернии Великого княжества Финляндского. Для этого был учрежден Особенный комитет, главной задачей которого было представить Совету на утверждение план, на основании которого управление губернии могло быть приведено «в единообразии с прочими». Во главе Комитета был назначен выборгский гражданский губернатор [10, л. 7, 7 об., 8].

Вторым манифестом 31 декабря 1811 г. «Об устройстве Выборгской губернии», текст которого И.И. Винтер получил 16 января 1811 г., о чем сразу отрапортовал министру полиции А.Д. Балашову [10, л. 9], были выработанные «главные правила». Эти правила должны были служить руководством к действию финляндскому генерал-губернатору, Финляндскому правительствующему совету и местному начальству, в том числе частным лицам. Манифест состоял из 4-х пунктов, в которых подробно описывались административные и социально-политические преобразования: о правах сословий; о губернских чинах и присутственных местах; о правах владельцев и об отношениях между помещиками и крестьянами; о мерах исполнительных [10, л. 10-14 об.].

Однако проявить себя на посту вы-

боргского гражданского губернатора после объединения территорий Иван Иванович Винтер толком не успел. 13 февраля 1812 г. в своем письме министру полиции А.Д. Балашову он с горечью пишет: «Я сейчас получил из Петербурга письмо от г. Шернвалья коим извещал меня, что он по высочайшему повелению назначен сюда на мое место гражданским губернатором, и что он через несколько дней прибудет для принятия от меня Выборгскую губернию. Не имея ниоткуда никакого известия об определении сего г. Шернвалья ниже об определении моем от должности, я прибегаю к вашему превосходительству со всепокорнейшей просьбою о милостивой вашей защите.

Я не долго служил под начальством вашим, и не имел еще случая чем-либо отличиться и тем обратить на себя внимание ваше, а потому и не в праве я просить ваше превосходительство о неоставлении меня покровительством вашим, но как человек, которой никакой собственности не имеет, всегда с семьей жил одним только жалованьем, и при определении сюда губернатором без имения не получив никакого вспомоществования от его императорского величества, как обыкновенно все губернаторы получают на заведение и проезд, и потому вошел в долги, имея жену и 4 детей, позвольте милостивый государь сему теперь брошенному человеку прибегнуть к сострадательному вашему сердцу и всепокорнейше вас просить о милостивом вашем воззрении на несчастное мое положение, и об определении меня к какой вашей превосходительству угодно должности, дабы не умереть с семьей с голоду» [12, л. 1, 1 об., 2].

Действительно, на смену Ивану Ивановичу Винтеру на место выборгского гражданского губернатора был назначен Карл Андреевич Шернваль. Произошло это по инициативе известного государственного деятеля Густава Морица Армфельта. Именно он смог убедить императора Александра I даровать Великому

княжеству Финляндскому широкую автономию, а впоследствии соединить русскую и шведскую Финляндию. Конечно, он был заинтересован в том, чтобы во главе Выборгской губернии был его ставленник. Историк М.М. Бородин так писал о смене губернаторов: «Выбор Армфельта остановился на Карле Шернвале. В нем он усмотрел нужные организаторские способности. Усердие к делу и твердую волю. Его утвердили ландгевдингом в Выборге, и только восемь месяцев перед тем назначенный русский губернатор принужден был уйти» [1, с. 374].

В ожидании правительственного распоряжения о своей дальнейшей судьбе, 20 февраля 1812 г. Иван Иванович Винтер отправил министру полиции А.Д. Балашову всеподданнейший губернаторский отчет о состоянии Выборгской губернии за 1811 г. [9, л. 1]. Как известно, составление всеподданнейших отчетов губернаторов стало одним из результатов министерской реформы 8 сентября 1802 г. Первоначально министр внутренних дел настоял на их присылки для составления ежегодного всеподданнейшего отчета по Министерству внутренних дел. Впоследствии император Александр I специальным распоряжением повелел губернаторам составлять такие отчеты ежегодно. Всеподданнейшие отчеты носили секретный характер, не публиковались и содержали различные сведения об экономическом и социально-политическом положении губернии.

Иван Иванович Винтер в своем всеподданнейшем отчете за 1811 г. подал сведения по губернии: о состоянии народного продовольствия; о наделении крестьян землей и их переселении; о состоянии промышленности, фабрик и заводов; о состоянии соляной части; о «сохранении тишины и порядка» и о полицейских повинностях; о состоянии строительной части; о работе Приказа Общественного призрения [3, т. 1. с. 322–328; т. 2. с. 264, 268, 269, 272, 273, 275, 278, 279, 282, 284,

287, 288].

Министр полиции А.Д. Балашов оценил непростое положение Ивана Ивановича. Благодаря его ходатайству 14 марта 1812 г., император Александр I подписал указ Правительствующему Сенату, текст которого гласил: «Действительного статского советника Винтера всемилостивейше повелеваем причислить к Министерству полиции с произведением ему того жалованья и столовых денег, какая получал он по званию финляндского гражданского губернатора» [18, л. 168]. Таким образом, И.И. Винтер вернулся в Петербург и был причислен к ведомству Министерства полиции для исполнения особых поручений. В марте 1812 г. И.И. Винтеру было выплачено вспомоществование в размере 2000 руб., которые он не получил при вступлении своем в должность финляндского гражданского губернатора [12, л. 5].

Спустя два года Ивана Ивановича назначили «для временного исправления губернаторской должности» в Вологодскую губернию [13, л. 21]. Император Александр I подписалменной указ Правительствующему Сенату 20 марта 1814 г. о его временном назначении [18, л. 24]. Прибыл в Вологодскую губернию И.И. Винтер 16 апреля 1814 г. и сразу вступил в должность [13, л. 27].

Назначение И.И. Винтера временно исполнять обязанности вологодского гражданского губернатора было связано с громкими отставками предыдущих вологодских гражданского губернатора Н.И. Барша и вице-губернатора Д.Н. Муханова, обвиненных во взяточничестве и различных злоупотреблениях, впоследствии оправданных, но оставленных под подозрением с формулировкой «ненадежных», и с запретом впоследствии занимать государственные должности [13, л. 145].

Иван Иванович Винтер 22 января 1816 г. по именному указу императора Александра I данному Правительствующему

щему Сенату был окончательно утвержден в должности вологодского гражданского губернатора [19, л. 80, 80 об.].

Служба в Вологодской губернии не принесла И.И. Винтеру ни славы, ни почестей. Генерал-майор П.И. Цорн 30 марта 1817 г., будучи вологодским губернским предводителем дворянства, подал всеподданнейшее донесение о том, что при вологодском гражданском губернаторе И.И. Винтере в губернии творятся «важнейшие лихоимственные дела» [7, л. 2. 2 об.]. Этот донос поступил на рассмотрение министру юстиции Д.П. Трощинскому, который передал его в 1-й Департамент Правительствующего Сената. Департамент определил, что необходимо назначить «особу высочайшею доверенностию облаченную» для рассмотрения этого дела на месте [7, л. 2 об., 3]. Император Александр I повелел генерал-лейтенанту Е.И. Властову произвести следствие. Вскоре по приезде в Вологодскую губернию Е.И. Властов «обнаружил виновных в разных злоупотребления и беспорядках», конечно, главным из них был назван Иван Иванович Винтер. Император дал свое высочайшее разрешение «на предание Винтера суду» [7, л. 3 об.]. После этого И.И. Винтер в сентябре 1818 г. был освобожден от занимаемой должности и отправлен в Петербург.

Обвиняли бывшего вологодского гражданского губернатора по 31 пунктам. Основным пунктом было «похищение и растрата сумм 43 948 руб. 87³/₄ коп., принадлежащих Вологодскому Приказу Общественного призрения» [7, л. 6-8].

Каким же образом были похищены деньги? Казначей Приказа титулярный советник Метелев известил И.И. Винтера о том, что на сундуке, в котором хранились деньги Приказа и который находился на хранении под военным караулом в камере Губернского правления вместе с таким же сундуком Губернского правления, сомнительная печать. После проведенного губернатором осмотра печати, он приказал

сундук принести в канцелярскую комнату Приказа общественного призрения, что и было выполнено нижними чинами, дежурившими на гауптвахте. В комнате И.И. Винтер и Метелев без свидетелей самостоятельно сундук распечатали и открыли, после чего пригласили советников Губернского правления, членов Приказа общественного призрения и начальника внутренней стражи для его освидетельствования. Метелев продемонстрировал собравшимся, что печать на сундуке ему не принадлежит и что по факту в сундуке не хватает 43 948 руб. 87 коп. Позже Метелев сознался, что «в похищении суммы никто не виноват кроме него и гражданского губернатора Винтера, который в разные времена забрал у него до 20 000 руб.».

После того, как Иван Иванович начал забирать деньги у казначея, гражданский губернатор перестал «свидетельствовать сумму Приказа». По показаниям Метелева Иван Иванович специально распорядился перенести сундук в комнату, т.к. в сундуке хранилось две его расписки с указанием суммы взятых денег. Открыв сундук И.И. Винтер тихо спросил у Метелева: «Где расписки?» Метелев указал на них ему глазами, после чего Иван Иванович их вынул и послал за губернскими чиновниками и другими служащими. Показания Метелева, конечно, навлекли на И.И. Винтера большие подозрения. Канцелярские служители Приказа Общественного призрения впоследствии под присягою показали, что во время отпирания сундука Винтер точно о чем-то тихо говорил с Метелевым. Так совпало, что в то время, когда вологодский гражданский губернатор перестал «свидетельствовать суммы Приказа», он представил казначея Метелева к знаку отличия «выхваляя его труды, ревность и усердие». Суд также постановил, что в данном случае виновны, в том числе члены Приказа общественного призрения, которые не выполняли по инструкции «освидетельствования суммы», а также виновен губернский прокурор, который

также ни разу не напомнил о необходимости это сделать.

Правительствующим Сенатом был вынесен следующий приговор: «Бывшего Вологодского гражданского губернатора действительного статского советника Винтера оставить в сильном подозрении на счет расхищения из Вологодского Приказа Общественного призрения вместе с казначеем Метелевым денег 43 948 руб. 87 коп.», а также как неблагонадежных больше их не назначать ни на какие государственные должности. По прочим пунктам обвинений Иван Иванович был оправдан, т.к. все обвинения заключали в себе только «беспорядки и упущения по должности».

С казначея Метелева планировали постепенно взыскать похищенную сумму. Причем Правительствующим Сенатом было выдвинуто условие возвращения потраченных денег. Если их было невозможно получить с Метелева, то тогда их

должны были взыскать с И.И. Винтера. Если же И.И. Винтер был бы не в состоянии отдать долг, то с членов вологодского Приказа общественного призрения, а после с губернского прокурора [7, л. 28-33 об.].

Как прожил свою оставшуюся жизнь Иван Иванович Винтер доподлинно не известно. Также сложно установить точно дату его смерти и место погребения. Благодаря материалам судебного дела можно смело утверждать, что в 1828 г. он еще был жив, т.к. в документах указано, что на момент разбирательства дела в Правительствующем Сенате ему было 70 лет [6, л. 5].

Несмотря на все обвинения и судебные разбирательства сведения об Иване Ивановиче Винтере были включены в юбилейный сборник «Столетие Военного министерства» за 1802–1902 гг. [21, с. 40], а в указателе биографических сведений по Канцелярии министерства с 1802–1902 гг. приведена его краткая биография [22, с. 2].

Список литературы:

1. Бородкин М. История Финляндии. Время Александра I: с портретами, иллюстрациями и картой. С.-Петербург: Государственная типография, 1909. 635 с.
2. Затворницкий Н.М. Указатель биографических сведений, архивных и литературных материалов, касающихся чинов общего состава по Канцелярии военного министерства с 1802-по 1902 включительно // Столетие Военного министерства. 1802–1902. От. 5. СПб. 1909.
3. История Выборга в документах и материалах: сб. док. / Под. ред. проф. С.Г. Кащенко. В 2 т. СПб., Выборг: ЛЕМА, 2015. 348 с.
4. Мирный трактат, заключённый между Россией и Швецией. 5 (17) сентября 1809 г. // Шиловский П. Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии. СПб., 1903.
5. Похлёбкин В.В. Отношения между Шведским государством (Свитиод, Свеарике, Свейская земля, Свицкое королевство, Шведская корона, Швеция) и Русским государством (Новгородской республикой, Московским великим княжеством, Московским царством, Российской империей) в XIII–XIX вв. (1142–1874 гг.) // Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. М., 1995 Рисак Н. Хроника присоединения Финляндии // Спектр. 2009. Февраль. № 2 (112).
6. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 496. Оп. 1. Д. 15. Именные указы Капитулу российский орденов за 1806 г.
7. РГИА. Ф. 1151. Оп. 1. 1828 г. Д. 337. О бывшем вологодском губернаторе д. ст. сов. Винтере, судимом за беспорядки и упущения по должности и за растрату сумм Вологодского приказа общественного призрения за 1828–1829 гг.
8. РГИА. Ф. 1164. Оп. 1. 1811 г. Д. 15. О соединении Старой и Новой Финляндии под одно наименование и один образ управления (здесь же находятся некоторые бумаги

Сперанского по управлению Финляндией).

9. РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 164. Отчет по Финляндской губернии за 1811 г.

10. РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. 1811 г. Д. 75. Об именовании Старой и Новой Финляндии совокупно Финляндией и сношениях с местами и лицами этой губернии и о передаче Финляндских дел генералу Армфельту. 1811 г.

11. РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. 1811 г. Д. 122. Об определении Действительного Статского Советника Винтера Выборгским гражданским Губернатором. 1811 г.

12. РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. 1812 г. Д. 68. О выдаче денег бывшему Выборгскому губернатору Винтеру не выданных ему при назначении в губернаторы на проезд, и о причислении его к Министерству Полиции. 1812 г.

13. РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. 1814 г. Д. 32. О злоупотреблениях по Вологодской губернии и об отозвании, тамошнего губернатора Барша, от должности и о поручении оной действительному статскому советнику Винтеру. 1814 г.

14. РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 154. Именные указы Сенату вторая половина 1783 г.

15. РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 259. Именные указы Сенату за июнь 1803 г.

16. РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 308. Именные указы Сенату за март 1808 г.

17. РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 340. Именные указы Сенату за апрель 1811 г.

18. РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 351. Именные указы Сенату за март 1812 г.

19. РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 365. Именные указы Сенату за январь и февраль 1816 г.

20. РГИА. Ф. 1361. Оп. 2. Д. 22. Постановления о Выборгской губернии: о главных правилах преобразования ее, о распространении на нее финляндской конституции и др. за 1811–1827 гг.

21. РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 333. Всеподданнейший рапорт ген. Гр. Буксгевдина о награждении: губернатора Абосской и Тавастгусской губернии Троиля его помощника Герлинга и Винтера и ген. Майора Вильтебранта.

22. Столетие Военного министерства. 1802–1902 / Гл. ред., ген. от кавалерии Д.А. Скалон. Санкт-Петербург : тип. т-ва М.О. Вольф, 1902–1914. Т. 4, ч. 1, кн. 1, отд. 1: Главный штаб : Ч. 1. Кн. 1. Отд. 1. Комплектование вооруженных сил в России до 1802 г. / Сост. кап. А.К. Ильенко; Ред. ген.-майор Н.П. Михневич : Ист. очерк. 1902. VIII, 159, 317, II с.

«THE LAST CIVIL GOVERNOR OF OLD FINLAND» – OFFICIAL ACTIVITY OF IVAN IVANOVICH WINTER ACCORDING TO THE DOCUMENTS OF THE RUSSIAN STATE HISTORICAL ARCHIVE

The study of the pre-revolutionary institution of governorship, its interaction with the central authorities is extremely important. Objective coverage of historical events predetermines a diverse interest in both national and local characters. Military and civilian governors of Imperial Russia have always been at the center of the political, economic and cultural life of individual provinces. They had a significant impact on provincial life not only due to personal qualities, but also due to the prevailing attitude towards them in public consciousness. In terms of importance, the governor for local officials and ordinary people was in second place after the monarch, and sometimes on the same level with him. However, such a perception by the local society of the figure of the governor did not exclude the fact that people could be enrolled in this position only by coincidence. The decisive role was played by the position taken by the monarch and his immediate entourage, and the real volume of power and the well-being of the region depended on the degree of trust of the central authorities in this or the new governor. Not only talented leaders were appointed to the governor's posts in the Finnish province (Old Finland), but officials who necessarily had organizational and administrative-managerial experience. Based on the preserved archival documents, the article tells about one of them - Ivan Ivanovich Vintere, whose administrative "rise" and "fall" reveal the peculiarities of interaction of various levels in the vertical of power at the beginning of the 19th century.

Keywords: Institute of Governorship, Old and New Finland, administrative management, higher institutions of state power in Russia, I.I. Winter.

References

1. Borodkin M. History of Finland. Time of Alexander I: with portraits, illustrations and a map. St. Petersburg: State Printing House, 1909.635 p.
2. Zatornitsky N.M. Index of biographical information, archival and literary materials concerning the ranks of the general staff in the Office of the War Ministry from 1802 to 1902 inclusive // Centenary of the War Ministry. 1802-1902. From. 5. SPb. 1909.
3. History of Vyborg in documents and materials: collection of articles. doc. / Under. ed. prof. S.G. Kashchenko. In 2 volumes. SPb., Vyborg: LEMA, 2015.348 p.
4. Peace treaty concluded between Russia and Sweden. 5 (17) September 1809 // Shilovsky P. Acts relating to the political situation in Finland. SPb., 1903.
5. Pokhlebin V.V. Relations between the Swedish state (Svitiod, Svearike, Sveiskaya Zemlya, Svitsky Kingdom, Swedish Crown, Sweden) and the Russian state (Novgorod Republic, Moscow Grand Duchy. Moscow Kingdom, Russian Empire) in the 13th – 19th centuries. (1142-1874) // Foreign policy of Russia, Russia and the USSR for 1000 years in names, dates, facts. M., 1995 Risak N. Chronicle of the accession of Finland // Spectrum. 2009. February. No. 2 (112).
6. Russian State Historical Archives (hereinafter - RSHA). F. 496. Op. 1.D. 15. Nominal decrees to the Chapter of the Russian Orders for 1806
7. RSHA. F. 1151. Op. 1. 1828, D. 337. About the former Vologda governor, D.Sc. owls. Vintere, convicted of disorder and neglect of office and for embezzlement of the sums of the Vologda order of public charity for 1828-1829.
8. RSHA. F. 1164. Op. 1. 1811 D. 15. About the union of Old and New Finland under one name and one way of management (here are some of Speransky's papers on the management of Finland).
9. RSHA. F. 1281. Op. 11.D. 164. Report on the Finnish province for 1811.
10. RSHA. F. 1286. Op. 2. 1811 D. 75. About the naming of Old and New Finland together as Finland and relations with places and persons of this province and about the transfer of Finnish affairs to General Armfelt. 1811 g.
11. RSHA. F. 1286. Op. 2. 1811 D. 122. On the determination of the Actual State Councilor Winter by the Vyborg civil governor. 1811 g.
12. RSHA. F. 1286. Op. 2. 1812 D. 68. About the issuance of money to the former Vyborg governor Winter not issued to him when he was appointed governor for travel, and about his assignment to the Ministry of Police. 1812 g.
13. RSHA. F. 1286. Op. 2. 1814 D. 32. About abuses in the Vologda province and about the recall of the local governor Barsh from office and about his order to the actual state councilor Winter. 1814 g.
14. RSHA. F. 1329. Op. 1. D 154. Nominal decrees to the Senate second half of 1783
15. RSHA. F. 1329. Op. 1.D. 259. Nominal decrees to the Senate for June 1803.
16. RSHA. F. 1329. Op. 1.D. 308. Nominal Decrees to the Senate for March 1808
17. RSHA. F. 1329. Op. 1.D. 340. Nominal decrees to the Senate for April 1811
18. RSHA. F. 1329. Op. 1.D. 351. Nominal decrees to the Senate for March 1812
19. RSHA. F. 1329. Op. 1.D. 365. Nominal decrees to the Senate for January and February 1816.
20. RSHA. F. 1361. Op. 2. D. 22. Resolutions on the Vyborg province: on the main rules for its transformation, on the extension of the Finnish constitution to it, etc. for 1811-1827.
21. RSHA. F. 1409. Op. 1. D. 333. All-subject report of the gene. Gr. Buksgevdin about rewarding: the governor of the Aboos and Tavastgus provinces of Troil, his assistant Gerling and Winter, and the general. Major Wiltebrant.

22. Centenary of the War Office. 1802-1902 / Ch. ed., gene. from the cavalry D.A. Skalon. St. Petersburg: type. t-va M.O. Wolf, 1902-1914. Т. 4, part 1, book. 1, dep. 1: General Staff: Part 1. Book. 1. Dept. 1. Manning the armed forces in Russia before 1802 / Comp. drip A.K. Ilyenko; Ed. Major General N.P. Mikhnevich: East. feature article. 1902. VIII, 159, 317, II p.

Об авторе

Богданова Татьяна Васильевна – заместитель начальника отдела информации и научного использования документов Российского государственного исторического архива (Россия), E-mail: taitiana@yandex.ru

Bogdanova Tatyana Vasilievna - Deputy Head of the Department of Information and Scientific Use of Documents of the Russian State Historical Archive (Russia), E-mail: taitiana@yandex.ru

Брянцев М.В., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

СОВЕТСКАЯ ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ О ПОЛЬСКО-СОВЕТСКОМ ПЕРЕМИРИИ 1920 Г.

В статье на основе анализа сообщений провинциальной печати о переговорном процессе рассматриваются взаимоотношения Польши и России вплоть до заключения 12 октября 1920 г. перемирия и предварительных условий мира. Исследование провинциальных газет как «Тверская Правда», вологодский «Красный Север», новосибирская «Советская Сибирь» и самарская «Коммуна» показывает, что советская пресса на всем протяжении этого процесса формировала совершенно противоположные образы России и Польши. Советская Россия рисовалась страной, стремящейся к мирному строительству нового общества, на пути которого стояли агрессивные страны капитализма. И роль Польши в этом противостоянии была важнейшей. Польша стремилась стать буфером между Западом и большевистской Россией, на что ее активно толкали Франция и другие страны капитализма. Поведение Польши в процессе переговоров было подвержено колебаниям в зависимости от отношения к ней стран-союзниц и ситуации на фронтах польско-советской войны. Только успехи Красной армии и боязнь окончательного разгрома Польши делало ее и союзников более покладистыми в переговорном процессе. В советском обществе утверждалось недоверие не только к мирным предложениям польской стороны, но и достигнутым договоренностям.

Ключевые слова: Польша, Советская Россия, образ, переговорный процесс, страны капитализма, конфронтация, перемирие, договор.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-01-23-37

История советско-польских отношений имеет богатую историографическую традицию; не только отечественные, но и зарубежные историки активно изучают различные аспекты этих отношений [1, 2, 3]. Правда, исследования, посвященные вопросам формирования образа «другого» в ходе переговорного процесса средствами массовой информации, весьма редки. Исключением является статья А. В. Барынкина, посвященная политической пропаганде в ходе польско-советской войны 1919-1921 гг., где автор на основе анализа материалов газеты «Правда» попытался показать процесс формирования образа Польши [4].

Историографическое состояние проблемы позволяет определить цель данной статьи: исследовать процесс формирования образа Польши в ходе подготовки и заключения перемирия 1920 г. между воюющими сторонами на основе анализа материалов, помещаемых в провинциальной прессе.

В конце января 1920 г. СНК РСФСР обратился к правительству Польши с мирными предложениями. Одновременно ВЦИК, подтвердив эти предложения, обратился к польскому народу, возложив всю ответственность за возможную войну на Польшу [29]. Ответным шагом польского правительства стало обвинение России во вмешательстве во внутренние дела Польши. Польский министр иностранных дел Станислав Патек в беседе с журналистами заявил, что предложения РСФСР являются положительно конкретными и лишь манифест ВЦИК к польским рабочим заставляет усомниться в искренности мирных намерений Советского правительства [72, 6]. Именно Патек стал выразителем непримиримой позиции в отношении России, заявляя, что Польша не примет предложений Советской России и будет воевать «пока не достигнет своих целей» [70].

Недоверие польской стороны к мирным предложениям Советской России,

советская пресса объясняла, со ссылкой на французскую «Тан», необходимостью поляков снестись с Верховным союзным советом, где некоторые члены Совета как Англия прозрачно намекала полякам о необходимости заключить соглашение с Советской Россией. Об этом сообщал в Варшаву польский посол в Лондоне Евстафий Сапега, вынужденный уверять британского премьер-министра Дэвида Ллойд-Джорджа в мирных намерениях в отношении Советской России, отмечая, что Россия направляет значительные подкрепления на западный фронт [6, 7, 71].

Газеты отметили, что и Франция склоняется к миру с Россией. Во всяком случае, можно говорить о некоторых колебаниях Франции в этом вопросе. «Тверская Правда» уверяла читателей, что у империалистов нет общего языка в «русском вопросе», у «каждого свои шкурные интересы в ущерб общему интересу капиталистических стран: интересу уничтожения большевизма» [76]. В целом же, как в английских, так и французских политических кругах имелись как сторонники заключения мира с большевиками, так и противники [28, 69].

Выражая свое недовольство позицией Англии и, даже обвиняя ее в содействии распространению большевизма, польские политические круги выдвигали основным условием мира с Советской Россией независимость Латвии и Литвы, Белоруссии и Украины [7]. Однако, советские газеты опровергали этот тезис польской стороны, сообщая, что поляки мечтают, что их флаги уже весной будут развиваться в Пскове, Смоленске, Киеве и Одессе. Они убеждали своих читателей в том, что буржуазные правительства обманывают своих рабочих мирной риторикой, на самом деле они лихорадочно готовят новое нападение и главными застрельщиками теперь выступают Польша, Латвия и Грузия [5].

Таким образом, согласно сообщениям советской прессы, в позиции

Польша вполне очевидным было стремление оставаться оплотом борьбы с большевизмом, несмотря на внешнее и внутреннее давление. Однако на заседании конференции союзных премьеров в Лондоне 13 февраля было высказано мнение о необходимости заключения мира с Советской Россией окраинными государствами, во избежание могущих быть осложнений, главным образом, на границах Польши [30]. Советская печать восприняла эти шаги как понимание со стороны Антанты возможного поражения Польши в предстоящей войне с большевиками. Кроме того, газеты заявляли, что страны Антанты нуждались в русском хлебе и сырье; да и ситуация в самой Польше выглядела не самым лучшим образом. Польша была занята спорами с Литвой и Германией, польский пролетариат грозил всеобщей забастовкой [31, 74].

Вероятно, все эти события заставили польское правительство быть более благоразумным. По сообщению варшавских газет, польское правительство намеревалось уже в ближайшее время предъявить России свои условия мира, которые уже разрабатываются особой комиссией, и проект польско-русского мирного договора будет представлен еще до начала переговоров для одобрения мирной конференции [73, 75]. Уже в начале марта советские газеты в общих чертах обрисовали польские условия мира. По примеру германского генерала Макса Гофмана, который при заключении Брестского мира, под видом плебисцита, хотел присоединить к Германии негерманские местности, поляки выставляют первое требование: передел границ, якобы согласно интересам и ожиданиям местного населения. Далее они намерены определить еще более «дикие требования»: «чтобы для ратификации мирного договора был созван Россией буржуазный парламент» [8]. Самарская «Коммуна» польские требования назвала бредом «валаамских ослиц», отметив, что «польские белогвардейцы

готовы (!) отказаться от своих первоначальных требований, т.е. относительно границ до первого раздела» [9]. Эту податливость польской стороны объяснял проект мирного договора с Советской Россией, предложенный Юзефом Пилсудским, где было заявлено, что «Польша вступает в мирные переговоры потому, что чувствует недостаток моральной и материальной поддержки со стороны союзников».

Корреспондент бюро «Вольфа» сомневался, что «Польша будет настаивать на границах 1772 г.», по его мнению, она будет требовать лишь те местности Белоруссии, которые населены католиками, обеспечивая самостоятельность Латвии, Эстонии, Финляндии, Литвы и Украины, которым должно быть предоставлено право самоуправления, причем «от России Польша будет требовать гарантий против большевистской заразы и ряда финансово-хозяйственных возмещений».

Он отмечал, что в своих требованиях к Советской России польское правительство заходит так далеко, что намерено настаивать на удалении из Украины Советского правительства и Красной армии. Польша надеется объединить малые государства и командовать ими при мирных переговорах с Советской Россией [10, 11]. Все это указывало на отсутствие у польской стороны желания идти навстречу российским предложениям.

Амбициозность польских планов и нежелание смириться с необходимостью мирных переговоров, заставляли Польшу искать любой повод для затяжки их начала. Надеясь диктовать России условия мирного договора, Польша игнорировала советские предложения о ведении переговоров в нейтральной стране, а не в Борисове, находящемся в полосе военных действий, и о заключении перемирия по всему фронту [12, 45, 46]. Понимая причины в задержке переговоров, Нарком иностранных дел Г. Чичерин обратился с радиотелеграммой к министрам

иностраннных дел Англии, Франции, Италии и к американскому госсекретарю по иностранным делам. Назвав причины разногласий второстепенными, он отметил, что все предложения в качестве места переговоров – одного из эстонских городов, Петрограда, Москвы или Варшавы – были отклонены польским правительством [13]. Так советская сторона пыталась показать союзникам Польши ее истинные намерения.

К началу мая советские газеты стали уверять читателей, что Советская Россия сделала все возможное, чтобы заключить мир с Польшей, которая эту возможность не использовала. Россия неохотно, но все же была вынуждена принять вызов и взяться за оружие, «дабы защитить миллионы жизней рабочих и крестьян Украины, Белоруссии, на которых покушается панская Польша» [32].

Уже в середине мая наметились первые успехи Красной армии в войне с Польшей: были разгромлены две польские дивизии, освобождена громадная территория и захвачены большие трофеи. Вся Минская губерния была охвачена восстаниями. В Лодзи бастовали рабочие, в польских лесах дезертиры формировали черную армию. Все это толкало противников Советской России на переговоры о мире. Первыми в этом были финны и англичане, что было расценено советской стороной как крупная дипломатическая победа России, однако Польша продолжала искать союзников, ведя тайные переговоры с Венгрией о совместных действиях против России. Вологодский «Красный Север», как о свершившемся, сообщал о заключенном договоре Польши о совместных действиях с Румынией. Там же, со ссылкой на английскую «Дейли Геральд», говорилось, что страны Антанты готовят наступление на Советскую Россию [33, 34].

Однако в условиях успешного продвижения красных войск, при сложностях с продовольственным снабжением,

недовольстве крупных промышленников и правительственном кризисе, министр иностранных дел Польши Патеки вынужден был заявить, что после отражения контрнаступления большевиков он вновь хотел начать мирные переговоры с Советской Россией, но этому помешало новое наступление Красной армии [35, 77]. Эти же причины заставили Англию и Францию отречься от помощи Польше. Румыния отказалась от участия в польско-русской войне [47].

В советской прессе стала пропагандироваться мысль о необходимости победы над панской Польшей. Отмечалось, что с панской Польшей мира быть не может, война закончится только тогда, когда польский пролетариат возьмет власть в свои руки и над Варшавой поднимется красный флаг [50, 80]. Только победа «над панской Польшей – путь к миру» [48]. Н. Елизаров убеждал своих читателей в том, что победа над Польшей позволит установить России торговые отношения с Европой и даст мир с окраинами. Советской России она принесет передышку для восстановления хозяйства, даст возможность стать сильнее и непобедимее, даст «возможность жить» [36].

На волне поражений польской армии иностранные газеты стали получать из Варшавы сведения о намерении Польши предложить Советской России мир [49]. Польское осведомительное бюро в Берлине сообщало, что польский посланник в Берлине выехал в Лондон с целью войти в сношения с Л. Б. Красиным по вопросу о начале мирных переговоров [79]. Однако у советской стороны сформировалось стойкое представление, что любое перемирие поляки будут использовать для оттяжки времени, захватывая новые территории и подготавливая новые удары [78].

Чтобы спасти Польшу от поражения в дело вмешались англичане, предложившие Советской России свои посреднические услуги, которые советская сторона нашла странными, так как польское

правительство само могло обратиться к России с мирными предложениями. В отношении же лимитрофных государств советское правительство само без посредничества ведет с ними переговоры, а с некоторыми, как Латвия, мир уже подписан [14, 39, 51].

В обращении советского правительства «К рабочим, крестьянам и всем честным гражданам Советской России и Советской Украины» был обоснован отказ от предложений Англии тем, что вопрос о перемирии с Польшей увязывался с приостановкой наступления красных войск против Врангеля. Советским гражданам сообщалось, что если бы Англия хотела мира, она перестала бы поставлять Польше военное снаряжение. Своими действиями английское правительство пытается успокоить свой рабочий класс. «Наш отказ от враждебного посредничества не означает перемены нашей политики», - отмечалось в обращении [37, 52]. В целом нота Англии была расценена как вмешательство во внутренние дела России.

Поспешил предложить сторонам конфликта свое видение перемирия и Ф. Фощ, вырабатывавший условия перемирия, согласно которым Польша и Россия должны остановиться на той линии, на которой они находились к моменту перемирия. Обеим сторонам запрещалось вести какую-либо пропаганду. Условия перемирия должны оставаться в силе до переговоров о мире, до тех пор, пока не будет установлена польско-русская граница. В решении вопроса об установлении границы должны принимать участие союзные державы [15, 53].

Польша уже 22 июля предложила советской стороне заключить немедленное перемирие и открыть мирные переговоры. Однако, несмотря на согласие России и прибытие 30 июля в Барановичи польской делегации с полномочиями начать переговоры только о перемирии, советское правительство отнеслось недоверчиво к этой инициативе поляков. Советские газеты

писали, что таким образом поляки хотят получить возможность для восстановления своих сил для того, чтобы вновь обрушиться на Россию. Советское правительство дало понять польской делегации, что оно согласится на переговоры только с условием гарантий мира в целом. Для подкрепления этой мысли «Тверская Правда», ссылаясь на беседу с заместителем премьер-министра Польши Иг. Дашинским французского социалиста Луи-Эрнеста Лафона, в которой Дашинский, якобы, заявил: «Он оценивает перемирие с Россией, как передышку, долженствующую обеспечить сосредоточение военных сил нового удара против Советской России» [38, 81, 82].

Желание Советской России говорить о перемирии только в контексте мирного договора и отказ от посреднической роли Англии привели к перерыву в англо-российских торговых переговорах. Как сообщали советские газеты, Ллойд-Джордж увязывал торговые переговоры с необходимостью перемирия с Польшей [38, 83]. В статье Г. Устинова «Начало конца», опубликованной в «Советской Сибири», отмечалось, что английская дипломатия таким приемом уже однажды спасла бороду Врангеля. Он называл и «военного противника Советской России» - это Франция, которая помогает Польше. Англия, по его мнению, открыто не участвуя в конфликте, будет подталкивать на это Францию. Таким образом, он показывает, что конфликт становится международным и приобретает классовый характер [54].

Наркоминдел также опубликовал сообщение, рисуящее провокационную политику Англии в деле мирных переговоров. Министр иностранных дел Англии Джордж Керзон в заявлении от 20 июля сообщил, что Англия не настаивает на своем непосредственном участии в переговорном процессе и советуют Польше немедленно начать переговоры. Керзон предупредил, что дальнейший отказ советского правительства от переговоров с Польшей повлечет за собой помощь ей со стороны

союзников. Последовавшее мирное предложение Польши в России было встречено настороженно. Действительно Польша предложила начать переговоры о мире, но она не наделила соответствующими полномочиями своих представителей.

29 июля Керзон выдвинул новое требование: в переговорный процесс Польша-Россия должны быть включены окраинные государства, не заключившие с Россией мира, грозя, в противном случае вмешательством союзников. Для советского правительства было очевидным, что главной причиной настойчивости Англии, является стремление спасти Польшу от продвигавшихся вперед частей Красной армии. 4 августа глава правительства Д. Ллойд-Джордж и лорд-хранитель Малой печати Эндрю Бонар-Лоу вызвали Л. Б. Красина и Л. Б. Каменева и открыто заявили, что, если советские войска будут продвигаться на Варшаву, то будет возобновлена блокада. На следующий день Каменев заявил, что советское правительство требует гарантий заключения мира с Польшей [39, 54, 55, 57].

Польша, в свою очередь, выдвинула условия перемирия, которые сводились: «1) к гарантии независимости Польши; 2) невмешательство во внутренние дела; 3) Польша ни в коем случае не согласится на разоружение, даже и частичное своей армии; 4) пограничная линия принимается предложенная Ллойд Джорджем; 5) поляки сохраняют право установить другую линию» [40]. Причем позиция поляков была весьма принципиальной и бескомпромиссной. И. Дашинский в беседе с французским журналистом заявил, что об уступке Вильно и Восточной Галиции России не может быть и речи. В крайнем случае, Вильно может стать столицей Литовско-Белорусской федерации при обязательном участии Польши.

Таким образом, новое польское правительство намерено проводить Великопольскую программу, положив ее в основу русско-польских переговоров, руководителем

которых по все вероятности будет Дашинский, - писала «Тверская Правда» [84].

Советское правительство предложило свои условия перемирия с Польшей: численность польской армии не должна превышать 50.000, а командный состав 10.000. «Кроме того вооружаются городские и промышленные рабочие Польши, состоящие в профсоюзах, под контролем комиссии из представителей рабочих и профессиональных организаций РСФСР, Польши и Норвегии. Демобилизация военной промышленности. Польша обязуется не пропускать и не помогать враждебные РСФСР силы. Предметы военного снаряжения польской армии передаются РСФСР и УССР. Окончательная граница в основном совпадает с линией лорда Керзона, но Польша получает несколько большую территорию в районе Белостока и у Холма [58, 85].

Все это происходило уже в условиях, когда Красная армия с трех сторон окружила Варшаву. Советские войска, заняв Млаву, оказались в 60 вёрстах от Алленштайна, где на германской границе стояли войска Антанты. В этих условиях в Англии стали рассматривать Советскую Россию, как равного партнера. «Русское правительство фактически является признанным», - заявлял лондонский орган Ллойд-Джорджа [56].

17 августа в Минске начались мирные переговоры между делегатами РСФСР и УССР с одной стороны и делегатами польского правительства – с другой. 19 августа состоялось второе заседание мирной конференции в Минске, где польские представители заявляли, что «Польша не хотела войны. Польские войска занимали землю, соединенную некогда с польской республикой, лишь желая свободного решения самими народами своих судеб». «Россия же старается силой ввести в Польшу советский строй. Польские условия мира заключаются в полной ненарушимости польской республики и невмешательства во внутренние дела».

Русско-украинская делегация предложила более обширный перечень своих условий, состоящий из 15 пунктов. Глава делегации, Карл Данишевский выступил с протестом против оттяжки переговоров польской стороной, возложив на нее все «кровавые последствия» [41].

20 августа войска Красной армии начали отступление. Советские газеты обозначали это, как «частичный отход наших войск на новые позиции в Ногогеоргиевском, Варшавском и Брест-Литовском районах», отмечая высокую боеспособность польской армии. «Конечно, все вместе взятое нисколько не значит, что Варшава останется в панских руках. Нет! Варшава будет советской, - заявляла «Тверская Правда» [86].

23 августа состоялось третье заседание польской и русско-украинской делегации по мирным переговорам. На этом заседании председатель польской делегации Роман Дмовский высказался по поводу основных положений мирного договора, предложенных советским правительством, признав, в общем, эти предложения неприемлемыми. Особенно раздражало поляков требование создания рабочей милиции [87].

Пункт условий о вооружении рабочих вызвал резкое неприятие не только с польской стороны, но и других стран-союзниц. В частности, Англия и Италия выступили совместно против этого пункта, подчеркнув его категорическую неприемлемость. В ответной ноте Советского правительства предлагалось ограничить польскую армию в 50.000, но допустить образование рабочей милиции. Однако Россия заявила, что, стремясь к миру не только с Польшей и Великобританией, она решила идти на уступки, не настаивая на пункте об образовании рабочей милиции в Польше [16]. Член британского правительства А. Бальфур выразил удовлетворение по поводу отказа советского правительства от создания рабочей милиции в Польше, на что в ответной ноте Чичерин

заявил: «**Мир наша основная цель**, и война России с Польшей есть только эпизод этой борьбы за мир» [43, 61].

О возможности уступок говорил на заседании мирной конференции в Минске руководитель советской делегации П. Г. Смидович. Не принципиальным для советской стороны было и место проведения переговоров, а потому Россия и Украина согласились на предложение Польши о переносе переговоров из Минска в Ригу, что было подтверждено 1-го сентября за подписью Чичерина и Раковского [59]. Вероятно, именно такая позиция России придала решительность требованиям со стороны Англии, Италии и Франции к польскому правительству, которому рекомендовали не предъявлять чрезмерно высоких требований и не продвигаться далее границ, намеченных союзниками. Такой же совет последовал со стороны США [60, 88].

Все это дало надежду на скорое подписание мира, о чем сообщал в парижских газетах польский министр иностранных дел Е. Сапега. Причем отмечалось отсутствие весомых причин для иного исхода дел [17, 42].

Однако отступление красных войск от Варшавы ярко отразилось и на ходе мирных переговоров с Польшей и на налаживающихся мирных отношениях с Англией. В надежде на успешное продолжение военных действий, поляки затягивали переговоры. Задача же советской дипломатии заключалась в том, чтобы не дать затянуть переговоры [89]. Теперь, когда советские войска «отхлынули» от Варшавы, Англия заговорила языком угроз, заявляя, что условия России несправедливые, захватнические; что Россия вмешивается во внутренние дела Польши, попирая права польского народа и т.д. Польша воспользовалась этим как поводом, и двухнедельные переговоры оказались безрезультатными. Но ослабление польской армии и усиление красных войск повлекли за собой желание

польского правительства немедленно начать прерванные мирные переговоры [43, 62]. Более того, польский министр иностранных дел Сапега, уверял в совершеннейшем миролюбии польского правительства. По его словам, миролюбие поляков доходит до того, что они отказываются от создания буферных государств, между Польшей и Советской Россией. Наоборот, польское правительство искренне, стремится к непосредственным мирным сношениям с Советской Республикой. Советские же газеты говорили о лицемерии польского правительства и заверяли своих читателей в том, что польская армия слабеет, а Красная армия с каждым днем растет. «Они знают, что красная армия, получив подкрепление, прыгнет не только до Варшавы, но и за нее, т.е. последним панским успехам будет ломаный грош цена». С Сапегой можно говорить только с позиции силы, заключала газета [43, 90].

Эта уверенность в нежелании Польши мириться давала повод советской стороне говорить языком войны. Наркомвоенмор Л. Д. Троцкий в статье «Нужен второй урок» писал: «польское правительство мира не хочет. Пилсудский об этом открыто заявил в польской печати. Он возвестил, что целью польского правительства является окончательной разгром военной силы Советской России. Правительство Пилсудского после наших бурных успехов в июле-августе, как будто отрезвилось, но стоило красным войскам остановиться и отступить назад, как полученный урок сразу позабыл правительством Польши. Мы стремимся к прекращению войны. Если нам мира не дают, мы сумеем его взять. Если Пилсудскому мало одного урока, мы ему дадим другой» [18].

Такой настрой России был обусловлен еще и тем, что польская сторона предъявляла условия явного победителя, каковым она ни в коем случае не была. Польская делегация требовала, чтобы граница прошла по линии русско-немецких

окопов, чтобы Россия возместила Польше убытки, понесенные от царизма, чтобы демобилизация была произведена обеими сторонами [64, 91]. Причем, председатель польской делегации Домский заявил, что «переговоры в Риге являются продолжением мирных переговоров, и польские условия мира не находятся в зависимости от теперешнего военного положения Польши, что первым условием польской делегации не подвергались никакому серьезному изменению» [19].

Решительность советской стороны, и понимание ее потенциала заставил союзников Польши, прежде всего, в лице Франции рекомендовать Польше умерить аппетиты, предъявив советскому правительству более скромные требования. Французский председатель Совета министров и министр иностранных дел А. Мильеран заявил, что союзники с негодованием отнесутся к новому наступлению поляков на русскую территорию [63].

Под давлением союзников польская делегация 14 сентября отправилась в Ригу. Польские газеты заполнились статьями о начавшихся мирных переговорах, выражая желание мира. Однако это не могло обмануть советскую сторону, которая не верила в их искренность. Самарская «Коммуна» отмечала, что в некоторых польских газетах проскальзывают фразы, говорившие о неверии самих поляков в продолжительный мир с Советской Россией [20]. Несмотря на это ВЦИК принял постановление с рекомендацией советской делегации объявить новые условия мира на совещании в Риге, которые указывали на явные уступки со стороны Советской России. Советское правительство отказывалось от своих требований о сокращении численности польской армии, демобилизация ее военной промышленности и выдачи оружия. Восточная Галиция оставалась за пределами Советской России. Срок для принятия этих условий – 10 дней [21].

В условиях обоюдного недоверия 21-

го сентября возобновились прерванные ранее переговоры. Российско-украинская делегация вручила польской делегации проект прелиминарного мира, в котором предусматривалась независимость и суверенность белорусской, литовской и украинской республик. Населению Восточной Галиции предоставлялось право установить свою судьбу путем опроса на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Признавалась самостоятельность и независимость польской республики и устанавливалась граница и целый ряд других условий, в общем предусмотренных в заявлении [22, 65, 92].

Советское правительство явно не хотело входить в зимний период в состоянии войны. Заявление ВЦИК, отмечая возможные последствия, что «Российское Советское правительство и высший законодательный орган республики ВЦИК считает своим долгом принять все меры, принести даже тяжелые жертвы лишь бы достигнуть мира, положить конец кровопролитию и избежать одинаково тяжелой для обеих сторон зимней кампании». ВЦИК предлагал в короткий срок заключить соглашение на основе самоопределения для всех областей, территориальные границы которых оспаривались во время войны. РСФСР признала независимость и суверенитет Польской республики, Украины и Белоруссии. Польше предлагается признать суверенитет Украины, Литвы и Белоруссии и независимость Восточной Галиции; признать те представительные органы (сеймы, парламенты и съезды советов), которые существуют в каждой из этих стран. В Восточной Галиции следовало провести плебисцит, но не по советскому принципу (трудящиеся), а по обычному буржуазно-демократическому принципу. Советской делегации рекомендовалось подписать немедленное соглашение, оставляя в стороне спорные вопросы и разногласия, но сохраняя общие принципы, без которых соглашение было бы невозможно. «1. Правительство РСФСР, принимая к сведению

заявление польской делегации о неприемлемости для нее первоначальных условий русско-украинской делегации о сокращении численности польской армии, о демобилизации ее военной промышленности, о выдаче ею оружия и о переходе в полную собственность РСФСР железной дороги Волковиск-Граево, отказывается от этих условий и выражает готовность в этом же смысле сделать предложение союзной Украинской республике.

2. РСФСР готова немедленно подписать перемирие и прелиминарные условия мира на основе признания границей между Польшей и Россией линии, проходящей значительно восточнее – границы, установленной Верховным Союзным Советом 3-го декабря 1919 г. с тем, чтобы Восточная Галиция остается на запад от этой границы» [66].

На совещании председателей был подписан протокол согласно которому «ввиду достигнутого на конференции председателей с обеих сторон соглашения по всем основным вопросам, помогающего ей в борьбе против рабочего класса прелиминарного (предварительного) мира и перемирия и прелиминарных условиях мира между Россией и Украиной с одной стороны и Польшей с другой, не позднее пятницы, 8-го сего октября» [23]. Однако к 8-му октября конференция не успела закончить формулирование статей перемирия, и подписание прелиминарного мирного договора в условленный день не могло состояться. Однако не возникло сомнения, что в кратчайший срок договор будет подписан. Причем была принята статья, в которой обе договаривающиеся стороны обязывались немедленно, после подписания договора о перемирии, вступить в переговоры о заключении мира [24].

Спустя неделю, 12 октября, был подписан договор о перемирии и предварительных условиях мира между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей – с другой. Прекращение военных действий должно было наступить только с 18 октября.

Результаты этого договора стороны оценили по-разному. Глава польской делегации Ян Домбский в заключительной речи сказал: «Достигнут мир-соглашение справедливый без победителей и побежденных».

В советской же прессе это соглашение рассматривалось лишь как возможность «быстро и решительно расправиться с крымскими черносотенными бандами барона Врангеля». А затем «добьемся и подпишем мир и с польскими рабочими и крестьянами – мир действительно без победителей и побежденных, мир равных с равными, – мир с пролетариями всего мира», – писал С. Панкратов в «Красном Севере» [44, 67, 93].

Несколько иного мнения был руководитель русско-украинской делегации на переговорах А. Иоффе, который высказывал надежду, «что мир этот будет прочным» по причине слабости польской армии, хозяйственной разрухи в стране и нежелания польских солдат и народа воевать [94]. Такой уверенности не было у других советских руководителей. На чрезвычайной сессии ВЦИК Г. Чичерин отметил, что Рижский договор, несомненно, тяжелый, – Россия пошла на территориальные уступки и, тем не менее, он означает отказ со стороны Польши от создания «забора» фиктивных буферных государств, отказ от поддержки Врангеля, содействия восстановлению в России реакционного режима [95].

Мнение о невыгодности и недолговечности мира стало общим местом в рассуждениях советских политических деятелей. На сессии ВЦИК об этом говорил не только Чичерин, но и выступивший в прениях К. Радек. Несмотря на ратификацию предварительного мира польским сеймом, у советской стороны существовало убеждение, что этот мир не прочен [25]. Причина этого крылась не только в постоянных нарушениях условий перемирия с польской стороны, но и в деятельности войск С. Петлюры. Составляющие нераздельную часть польской армии,

подчиненные польскому командованию они в нарушение договора, продолжали вести боевые действия против России и Украины. Советские газеты подчеркивали негативную роль французского правительства, которое «подзуживало» Польшу в борьбе против России и поддерживало не только Петлюру, но и С. Булак-Балаховича и Б. Савинкова [26, 97]. Об этом же писал в «Советской Сибири» Ин. Стуков, призывавший «быть на страже», так как после заключения перемирия в Риге Польша не намерена выполнять взятые на себя по договору условия. Он заключал: «Таковы наши враги, заключающие с нами мир. На что рассчитывают они? Рассчитывать им не на что, они обречены. Но именно потому они прут, что называется, на рожон. Ими руководит слепая, бешеная ненависть, исключаяющая всякую логику, всякий здравый смысл. Ими руководит слепой ужас и отчаяние» [68].

Такой взгляд явно расходился с мнением польского министра иностранных дел Е. Сапеги, который заверял Народного

Комиссара по иностранным делам Г. Чичерина: «Я твердо верю, что для примирившихся государств настала эра мира и благополучия. Мирные страны могут посвятить себя делу экономического возрождения на благо всему человечеству» [96]. Насколько эти заверения были убедительны для советской стороны, сказать трудно, но очевидно, что тень недоверия лежала на советско-польских отношениях.

Таким образом, на всем протяжении советско-польского противостояния советские газеты подчеркивали несамостоятельность действий Польши, которая находилась в фарватере французской политики. Они формировали образ Польши как агрессивного соседа, не стремящегося к добрососедским отношениям, правительство которого игнорировало мирные предложения Советской России.

Для читателей становилось понятным настороженное отношение советского правительства не только к мирным предложениям польской стороны, но и достигнутым договоренностям.

Список литературы

1. Бабенко О. В. Польша в системе международных отношений (1919–1939 гг.). Аналитический обзор. М.: ИНИОН РАН, 2011. – 82 с.
2. РОССИЯ И БЕЛАРУСЬ: ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ. Материалы международной научной конференции «Польско-советская война 1919–1920 гг.: эволюция историографических оценок (к 100-летию начала войны)» (Смоленск, 10–11 октября 2019 г.). Выпуск пятый. Смоленск: Издательство СмолГУ, 2019. – 370 с.
3. БЕЛАРУСЬ І СУСЕДЗІ: ШЛЯХІ ФАРМАВААННЯ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ, МІЖНАЦЫЯНАЛЬНЫЯ І МІЖДЗЯРЖАЎНЫЯ АДНОСІНЫ. Зборнік навуковых артыкулаў. Выпуск 7. Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2020. – 165 с.
4. Барынкин А. В. Вторая речь Посполитая в отражении советской политической пропаганды 1919-1921 годов (по материалам газеты «Правда») // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2012. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vtoraya-rech-pospolitaya-v-otrazhenii-sovetskoy-politicheskoy-propagandy-1919-1921-godov-po-materialam-gazety-pravda> (дата обращения: 03.02.2021).
5. Красный Север. 1920. 28 января.
6. Коммуна. 1920. 7 февраля.
7. Коммуна. 1920. 11 февраля.
8. Коммуна. 1920. 3 марта.
9. Коммуна. 1920. 5 марта.
10. Коммуна. 1920. 12 марта.

11. Коммуна. 1920. 14 марта.
12. Коммуна. 1920. 10 апреля.
13. Коммуна. 1920. 14 апреля.
14. Коммуна. 1920. 23 июля.
15. Коммуна. 1920. 28 июля.
16. Коммуна. 1920. 4 сентября.
17. Коммуна. 1920. 7 сентября.
18. Коммуна. 1920. 12 сентября.
19. Коммуна. 1920. 19 сентября.
20. Коммуна. 1920. 25 сентября.
21. Коммуна. 1920. 26 сентября.
22. Коммуна. 1920. 2 октября.
23. Коммуна. 1920. 7 октября.
24. Коммуна. 1920. 12 октября.
25. Коммуна. 1920. 29 октября.
26. Коммуна. 1920. 31 октября.
27. Красный Север. 1920. 28 января.
28. Красный Север. 1920. 3 февраля.
29. Красный Север. 1920. 8 февраля.
30. Красный Север. 1920. 17 февраля.
31. Красный Север. 1920. 22 февраля.
32. Красный Север. 1920. 1 мая.
33. Красный Север. 1920. 22 мая.
34. Красный Север. 1920. 26 мая.
35. Красный Север. 1920. 12 июня.
36. Красный Север. 1920. 13 июня.
37. Красный Север. 1920. 22 июля.
38. Красный Север. 1920. 6 августа.
39. Красный Север. 1920. 10 августа.
40. Красный север. 1920. 12 августа.
41. Красный Север. 1920. 22 августа.
42. Красный Север. 1920. 8 сентября.
43. Красный Север. 1920. 10 сентября.
44. Красный Север. 1920. 15 октября.
45. Советская Сибирь. 1920. 4 апреля.
46. Советская Сибирь. 1920. 9 апреля;
47. Советская Сибирь. 1920. 15 июня.
48. Советская Сибирь. 1920. 19 июня.
49. Советская Сибирь. 1920. 22 июня.
50. Советская Сибирь. 1920. 26 июня.
51. Советская Сибирь. 1920. 20 июля.
52. Советская Сибирь. 1920. 22 июля.
53. Советская Сибирь. 1920. 4 августа.
54. Советская Сибирь. 1920. 6 августа.
55. Советская Сибирь. 1920. 8 августа.
56. Советская Сибирь. 1920. 15 августа.
57. Советская Сибирь. 1920. 17 августа.
58. Советская Сибирь. 1920. 21 августа.

59. Советская Сибирь. 1920. 5 сентября.
60. Советская Сибирь. 1920. 7 сентября.
61. Советская Сибирь. 1920. 10 сентября.
62. Советская Сибирь. 1920. 11 сентября.
63. Советская Сибирь. 1920. 12 сентября.
64. Советская Россия. 1920. 18 сентября.
65. Советская Сибирь. 1920. 29 сентября.
66. Советская Сибирь. 1920. 3 октября.
67. Советская Сибирь. 1920. 15 октября.
68. Советская Сибирь. 1920. 10 ноября.
69. Тверская Правда. 1920. 4 февраля.
70. Тверская Правда. 1920. 5 февраля.
71. Тверская Правда. 1920. 11 февраля;
72. Тверская Правда. 1920. 12 февраля.
73. Тверская Правда. 1920. 18 февраля.
74. Тверская Правда. 1920. 19 февраля.
75. Тверская Правда. 1920. 20 февраля.
76. Тверская Правда. 1920. 25 февраля.
77. Тверская Правда. 1920. 13 июня.
78. Тверская Правда. 1920. 26 июня.
79. Тверская Правда. 1920. 3 июля.
80. Тверская Правда. 1920. 29 июля.
81. Тверская Правда. 1920. 4 августа.
82. Тверская Правда. 1920. 5 августа.
83. Тверская Правда. 1920. 6 августа.
84. Тверская Правда. 1920. 10 августа.
85. Тверская Правда. 1920. 14 августа.
86. Тверская Правда. 1920. 22 августа.
87. Тверская Правда. 1920. 27 августа.
88. Тверская Правда. 1920. 5 сентября.
89. Тверская Правда. 1920. 7 сентября.
90. Тверская Правда. 1920. 10 сентября.
91. Тверская Правда. 1920. 18 сентября.
92. Тверская Правда. 1920. 29 сентября.
93. Тверская Правда. 1920. 15 октября.
94. Тверская Правда. 1920. 22 октября.
95. Тверская Правда. 1920. 27 октября.
96. Тверская Правда. 1920. 30 октября.
97. Тверская Правда. 1920. 31 октября.

SOVIET PROVINCIAL SEAL ON THE POLISH-SOVIET TRUCE OF 1920

Based on the analysis of the reports of the provincial press on the negotiation process, the article considers the relations between Poland and Russia until the conclusion of a truce on October 12 and the preconditions for peace. A study of provincial newspapers, such as «Tverskaya Pravda», Vologda «Red North», Novosibirsk «Soviet Siberia» and Samara «Commune», shows that the Soviet press throughout this process formed completely opposite images of Russia and Poland. Soviet Russia was painted by a country seeking the peaceful construction of a new society, in the path of which the aggressive countries of capitalism stood. And the role of Poland in this confrontation was the most important. Poland sought to become a buffer between the West and Bolshevik Russia, to which it was actively pushed by France and other capitalist countries. Poland's

behavior in the negotiation process was subject to fluctuations depending on the attitude of the allied countries to it and the situation on the fronts of the Polish-Soviet war. Only the successes of the Red Army and the fear of the final defeat of Poland made it and the allies more flexible in the negotiation process. In Soviet society, mistrust was affirmed not only of the peace proposals of the Polish side, but also of the agreements reached.

Keywords: Poland, Soviet Russia, image, negotiation process, capitalism countries, confrontation, truce, treaty.

References

1. Babenko, O. V. (2011). Pol'sha v sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy (1919–1939 gg.). Analiticheskiy obzor. [Poland in the system of international relations (1919–1939). Analytical review]. Moskva.: INION RAN. – 82 s.

2. ROSSIYA I BELARUS': ISTORIYA I KUL'TURA V PROSHLOM I NASTOYASHCHEM. (2019). Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Pol'sko-sovetskaya vojna 1919–1920 gg.: evolyutsiya istoriograficheskikh otsenok (k 100-letiyu nachala voyny)» (Smolensk, 10–11 oktyabrya 2019 g.). Vypusk pyatyy. [RUSSIA AND BELARUS: HISTORY AND CULTURE IN THE PAST AND PRESENT]. Smolensk: Izdatel'stvo SmolGU, 2019. – 370 s.

3. BIELARUŚ I SUSIEDZI: ŚLIACHI FARMIRAVANNIA DZIARŻAŃNASCI, MIŻNACYJANAŃNYJA I MIŻDZIARŻAŃNYJA ADNOSINY. (2020). Zbornik navukovykh artykulaŭ. Vypusk 7. [BELARUS AND NEIGHBORS: WAYS OF STATE FORMATION, INTERNATIONAL AND INTERSTATE RELATIONS]. Homieŭ: HDU imia F. Skaryny. – 165 s.

4. Barynkin, A. V. (2012). Vtoraya rech' Pospolitaya v otrazhenii sovetskoj politicheskoy propagandy 1919-1921 godov (po materialam gazety «Pravda») [The second speech of the Polish-Lithuanian Commonwealth in the reflection of the Soviet political propaganda of 1919-1921 (based on the newspaper "Pravda")]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Politologiya. Mezhdunarodnyye otnosheniya. [Bulletin of St. Petersburg University. Political science. International relationships]*, 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vtoraya-rech-pospolitaya-v-otrazhenii-sovetskoj-politicheskoy-propagandy-1919-1921-godov-po-materialam-gazety-pravda> (дата обращения: 03.02.2021).

5. Red North. 1920.28 January.

6. Commune. 1920.7 February.

7. Commune. 1920.11 February.

8. Commune. 1920.3 March.

9. Commune. 1920.5 March.

10. Commune. 1920.12 March.

11. Commune. 1920.14 March.

12. Commune. 1920.10 April.

13. Commune. 1920.14 April.

14. Commune. 1920.23 July.

15. Commune. 1920.28 July.

16. Commune. 1920.4 September.

17. Commune. 1920.7 September.

18. Commune. 1920.12 September.

19. Commune. 1920.19 September.

20. Commune. 1920.25 September.

21. Commune. 1920.26 September.

22. Commune. 1920.2 October.

23. Commune. 1920.7 October.

24. Commune. 1920.12 October.
25. Commune. 1920.October 29.
26. Commune. 1920.31 October.
27. Red North. 1920.28 January.
28. Red North. 1920.3 February.
29. Red North. 1920.8 February.
30. Red North. 1920.17 February.
31. Red North. 1920.22 February.
32. Red North. 1920.1 May.
33. Red North. 1920.22 May.
34. Red North. 1920.26 May.
35. Red North. 1920.12 June.
36. Red North. 1920.13 June.
37. Red North. 1920.22 July.
38. Red North. 1920.6 August.
39. Red North. 1920.10 August.
40. Red north. 1920.12 August.
41. Red North. 1920.22 August.
42. Red North. 1920.8 September.
43. Red North. 1920.10 September.
44. Red North. 1920.15 October.
45. Soviet Siberia. 1920.4 April.
46. Soviet Siberia. 1920.9 April;
47. Soviet Siberia. 1920.15 June.
48. Soviet Siberia. 1920.19 June.
49. Soviet Siberia. 1920.22 June.
50. Soviet Siberia. 1920.26 June.
51. Soviet Siberia. 1920.20 July.
52. Soviet Siberia. 1920.22 July.
53. Soviet Siberia. 1920.4 August.
54. Soviet Siberia. 1920.6 August.
55. Soviet Siberia. 1920.8 August.
56. Soviet Siberia. 1920.15 August.
57. Soviet Siberia. 1920.17 August.
58. Soviet Siberia. 1920.21 August.
59. Soviet Siberia. 1920.5 September.
60. Soviet Siberia. 1920.7 September.
61. Soviet Siberia. 1920.10 September.
62. Soviet Siberia. 1920.11 September.
63. Soviet Siberia. 1920.12 September.
64. Soviet Russia. 1920.September 18.
65. Soviet Siberia. 1920.September 29.
66. Soviet Siberia. 1920.3 October.
67. Soviet Siberia. 1920.15 October.
68. Soviet Siberia. 1920, November 10.
69. Tverskaya Pravda. 1920.4 February.
70. Tverskaya Pravda. 1920.5 February.
71. Tverskaya Pravda. 1920.11 February;

72. Tverskaya Pravda. 1920.12 February.
73. Tverskaya Pravda. 1920 18 February.
74. Tverskaya Pravda. 1920.19 February.
75. Tverskaya Pravda. 1920.20 February.
76. Tverskaya Pravda. 1920.25 February.
77. Tverskaya Pravda. 1920, 13 June.
78. Tverskaya Pravda. 1920.26 June.
79. Tverskaya Pravda. 1920.3 July.
80. Tverskaya Pravda. 1920.29 July.
81. Tverskaya Pravda. 1920.4 August.
82. Tverskaya Pravda. 1920.5 August.
83. Tverskaya Pravda. 1920.6 August.
84. Tverskaya Pravda. 1920.10 August.
85. Tverskaya Pravda. 1920.14 August.
86. Tverskaya Pravda. 1920.22 August.
87. Tverskaya Pravda. 1920.27 August.
88. Tverskaya Pravda. 1920.5 September.
89. Tverskaya Pravda. 1920.7 September.
90. Tverskaya Pravda. 1920.10 September.
91. Tverskaya Pravda. 1920.September 18.
92. Tverskaya Pravda. 1920.September 29.
93. Tverskaya Pravda. 1920.15 October.
94. Tverskaya Pravda. 1920.22 October.
95. Tverskaya Pravda. 1920.27 October.
96. Tverskaya Pravda. 1920.30 October.
97. Tverskaya Pravda. 1920.31 October.

Об авторе

Брянцев Михаил Васильевич - доктор исторических наук, профессор, зав. Кафедрой теории и истории государства и права, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: bmwbox@mail.ru

Bryantsev Mikhail Vasilievich - Doctor of Historical Sciences, Professor, Head. Department of Theory and History of State and Law, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University (Russia), E-mail: bmwbox@mail.ru

УДК 94(47)

Гончарова Е.В., кандидат исторических наук, Псковский государственный университет (Россия)

Кузьмина В.Г., кандидат исторических наук, Псковский государственный университет (Россия)

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ ПСКОВСКИХ ДУХОВНЫХ И СВЕТСКИХ ФЕОДАЛОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГЕНЕРАЛЬНОГО МЕЖЕВАНИЯ)

В статье анализируются сведения о землевладениях духовных и светских феодалов второй половины XVIII в. на территории Псковской губернии по материалам межевания. Описывается источниковая база Российского государственного архива древних актов и Государственного архива Псковской области по изучаемому вопросу, рассматривается история изучения межевания, структура и размер владений, соотношение земельных угодий и обеспеченность пашней. Сопоставляемые данные позволяют осветить хозяйственный аспект землепользования самых крупных категорий феодалов в территориальном разрезе. Привлеченные источники характеризуют владения помещиков всех 9 уездов Псковской губернии и земельную собственность духовенства на территории Псковского уезда второй половины XVIII в., а также дают возможность определить крупных духовных собственников земли на изучаемой территории, выявить совпадение и расхождение полученных показателей со средними по Северо-Западу. На отдельных примерах владений светских и духовных собственников прослеживается специфика организации хозяйственной жизни у крупных, средних и мелких феодалов по меркам региона, площадь хозяйственных угодий и соотношение пашни, леса, сеного покоса в них, а также сколько десятин пашни приходилось на одного крестьянина мужского пола во владении.

Ключевые слова: экономические примечания, землевладение, владение, дачи, село, деревня, пустошь, межевание, землепользование, пашня.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-01-38-47

В современной исторической науке уже значительное время наблюдается устойчивый интерес, вызванный изучением документов межевания XVIII в. Внимание исследователей объясняется тем, что помимо кадастрового учета межевые конторы обследовали хозяйство. В материалах межевания отразились данные о землевладении и землевладельцах, землепользовании, хозяйстве и населении.

Материалы генерального межевания - уникальный источник социально-экономической и аграрной истории России второй половины XVIII в. Их использование позволяет изучить структуру земельных собственников страны. Но, на данный момент еще не было принято попытки соотнести сведения о землевладениях духовных и светских феодалов второй половины XVIII в. в разрезе региональной истории межевания земель.

Цель исследования – изучить сведения о духовных и светских земельных собственников Псковской губернии второй половины XVIII в. по материалам межевания.

Необходимым представляется сопоставление таких сведений, которые представили возможность изучить хозяйственный аспект землепользования самых крупных категорий феодалов прежде всего в территориальном разрезе.

В ходе работы были использованы такие методы исследования как сравнительно-логический, формально-логический и структурно-функциональный методы. Для полноценного раскрытия темы был применён региональный подход, позволяющий изучить исторические макро- и микропроцессы на определенной территории, включая их специфику и многообразие. Для обработки количественных

данных Генерального межевания был использован статистический метод.

К изучению истории межевания обращался еще в дореволюционной историографии И.Е. Германа [19-21], советские авторы: Л.В. Милов, проанализировал историю формирования «Экономических примечаний» к Генеральному межеванию [31], А.А. Горский, проанализировал сводные данные «Экономических примечаний» [23, с. 117-122]. Особую ценность материалов Генерального межевания отмечали А.А. Фролов и Н.В. Пиотух [37, с. 40-41]. Большой вклад в изучении темы внесли А.А. Голубинский, Хитров Д.А., Черненко Д.А. [22].

Генеральное размежевание земель имело своей целью устранить спорные моменты в землевладении. Для исполнения главной цели размежевания были определены землемеры, которые должны были руководствоваться в своей деятельности инструкцией. Губернский землемер состоял под непосредственным начальством местного губернского правления и губернатора и осуществлял руководство губернской межевой частью по всем направлениям деятельности: организация работ по межеванию в связи с нуждами повседневной жизни, проведение границ земельных наделов, отвод земель; контроль за соблюдением межевого законодательства, за генеральным межеванием в губернии; составление ежегодного плана летних работ; сбор сведений о перемене владельцев земельных участков и направление соответствующих ведомостей каждую треть года в Межевой департамент Сената. Губернский землемер скреплял своей подписью карты и планы губерний. В его обязанности входил и поиск расторопных и сообразительных людей на младшие землемерные должности и представление этих кандидатур губернскому правлению.

Межевые конторы создавались и упразднялись в разное время в соответствии с нуждами межевания. Они могли также в полном составе переводиться из

одного места в другое. К 1798 г. были созданы 22 конторы в том числе и Псковская. Межевые конторы учреждались по мере надобности для одной или нескольких губерний в совокупности и существование каждой продолжалось до окончания предназначенного межевания. Присутствие каждой межевой конторы состояло из трех членов, под именем первого, второго и третьего. При каждой межевой конторе был прокурор. К предметам ведомства межевых контор относилось: наблюдение за производством межевания по установленным правилам; дела о сочинении, поверке, освидетельствовании и выдаче владельцам планов и межевых книг, и о взятии с них назначенных пошлин, также и о прочих по межевой части изысканиях; все споры в земельных границах по межеванию или возникшие по его следствию. Межевая контора в предметах и пространстве своего ведомства составляла первую степень межевого суда, и апелляция на ее решения по спорным делам приносилась в межевую канцелярию. Каждая контора имела канцелярию, определенную ее штатом.

При каждой конторе полагалась чертежная, состоящая из определенного числа землемеров, 1-го, 2-го и 3-го разрядов и их помощников, старших и младших, учеников и канцелярских служителей. Межевая контора имела право избирать сама для себя способных канцелярских служителей, делая представления в межевую канцелярию на утверждение об их определении и об исключении из службы. Канцелярский порядок делопроизводства в межевых конторах учреждался на тех же правилах, какие были предписаны для общих судебных мест. Межевые конторы, по требованиям сторонних ведомств об увольнении кого-либо из их штата, не должны были отсылать формулярных списков и сведений о беспрепятственности увольнений в те ведомства без разрешения межевой канцелярии.

Заседания в межевых конторах прово-

дились в утренние часы. Спорные дела решались в течение шестинедельного срока со дня поступления их в межевую контору. Решения утверждались с общего согласия членов, а в случае разногласий - по большинству голосов. В случае если кто-либо из членов конторы при решении какого-либо дела по законным причинам присутствовать не мог, то на его место для решения таких дел назначались землемеры, состоящие при чертежной. Если некоторые из членов межевой конторы на время были уволены или вовсе отстранены, то до возвращения уволенных и до определения на место отстраненных новых, назначали оставшихся при чертежной или при межевании старших землемеров.

Планы дач и межевые книги можно обнаружить не только в центральном, но и в региональных архивах, что дает возможность сопоставления данных ГАПО с полными материалами Псковского уезда из РГАДА. Сопоставление источников доказало репрезентативность материалов ГАПО.

В Псковском уезде было описано 1 038 дач, находящихся во владении 275 помещиков [35, л. 1-317]. От общего числа владельцев лишь 37 % помещиков имели в уезде только одну дачу, что как правило компенсировалось деревнями, пустошами и даже селами в других уездах Псковской губернии. А.Л. Симанский в Псковском уезде значится как владелец дер. Семенкова с пустошью Юдино, и в Островском уезде у него еще две дачи: дер. Федоровская и Решотова с пустошью Кабылкиной и пустошь Сидоркова [6]. У помещиков Валуевых, напротив в Псковском уезде было сразу 18 дач, 4 из которых были в со-владении у П.С. и А.С. Валуевых, а 13 принадлежали С.М. Валуеву. В большинстве совладений собственниками выступали дворяне, не являвшиеся родственниками. Крупные владельцы хорошо фиксируются в уезде по материалам межевания. К такому можно отнести Е.А. Щербинина с 31 дачей и С.Г. Карамышева с 37 дачами [35,

л. 1-317]. Совладениями представлены почти четверть владений Псковского уезда, 1/5 которых были в собственности отдельных дворянских родов.

Деревни составили около половины всех изученных дач Псковского уезда, 33% представлены пустошами и 14 % маркируются как сельцо. Особое внимание привлекают дачи, в которых упомянуто сельцо. Данный факт свидетельствует о наличии дворянской усадьбы во владении. В деревне господского дома и барской запашки не наблюдалось. Таким образом возможным стало определить, сколько дес. пашни приходилось на одного крестьянина мужского пола во владении. У помещика В.С. Плещеева в дер. Кикишево на удобные земли приходилось 97 % от общей площади дачи, половину которой (49 %) занимал лес; 35% составляла пашня, на сеной покос отводилось 12 %, и 1 % земли был под поселением и огородами. По IV ревизии (1782 г.) здесь записаны 12 д.м.п. и 14 д.ж.п. [10, л. 1-12]. Соответственно, на одного крестьянина мужского пола приходилось почти 3,6 дес. пашни, что совпадает со средними показателями по Северо-Западу России. Прослеживаются и примеры, где обеспеченность земель была ниже среднего по региону, как это фиксируется у К.И. Опермана, где на одного крестьянина мужского пола приходилось 2,7 дес. пашни [12, л. 1-20]. У помещицы М.А. Волковой на 1 д.м.п. приходилось всего 0,5 дес. пашни, которых явно не было достаточно для ведения хозяйства [13, л. 1-7]. Отметим, что надел даже в 2 дес. на 1 д.м.п. не мог прокормить крестьянина [27, с.123].

Встречаются владения, где обеспеченность была значительно выше средних показателей по Северо-Западу. У надворного советника П.А. Кармолина из 217 дес. и 1200 саж. в дер. Снопово удобные земли составляли 99 %. Значительную часть угодий – 63% занимал лес, на пашню приходилось 29 %, под сеной покос отводилось всего 7 % и территория

под поселением и огородами составляла 0,1 %. В этой деревне согласно данным IV ревизии (1782 г.) проживали 7 д.м.п. и 11 д.ж.п. К 1786 г. число крепостных составило уже 9 д.м.п. и 10 д.ж.п. [7, л. 1-11]. Поэтому можно утверждать, что почти 7 дес. пашни приходилось на одного крестьянина мужского пола в этом владении, при средней запашке по Нечерноземному району в 3,5 дес. на д.м.п. [30, с. 386].

Почти половина учтенных дач Великолукского уезда представлены пустошами, 33 % –деревнями и 14 % – это сельцо [11]. В двух дачах помещика П.С. Лаврова общей площадью 222,6 дес. по V ревизии значатся 15 крестьянских дворов с 52 д.м.п. На 90 % владений приходились удобные земли, большую часть которых занимала пашня (88 %), сенной покос составлял 1, 5% и 0,5 % дес. – под поселением, огородами, гуменниками и конопляниками. Обеспеченность землей составляла 3,4 дес. пашни [4].

Деревнями представлены половина дач Порховского уезда и почти столько – сельцо, на пустоши приходилось 17 %. У родственников было 1/4 совладений. [8]. В дер. Быстерская (Е.Л. Васильчиковой) по V ревизии (1795 г.) числилось 7 крестьянских дворов с 24 д.м.п. На удобные земли приходилось 96 %. Из которых половину составляла пашня, чуть менее половины – лес и 1 % был отведен под жилые и хозяйственные постройки и огороды. Обеспеченность землей этом владении составляла 2,8 дес. пашни [9, л. 1-8].

Аналогичная ситуация с долей деревень относительно прочих объектов собственности была и в Опочечком уезде. 17 % от общего числа там приходилось на пустоши и 33 % отмечено как сельцо [2]. О.И. и И.З. Яхонтовым в дер. Бахирева, общей площадью 1 230,9 дес., удобные земли составляли 81 %, в том числе: пашня – 5 %, лес – 74 %, сенной покос – 1 % и на поселение приходился 1 %. По V ревизии здесь фиксируется 41 крепостной крестьянин и на 1 д.м.п. приходилось 2,2

дес. пашни [15, л. 1].

В Островском уезде чуть менее половины дач представлены деревнями и столько же – пустошами [3]. Во владении А.Д. Дубровского (с. Рублево-Царево) описаны господский дом и 20 крестьянских дворов. Удобные земли составляли 95 %, из них 70 % были под пашней, лес занимал 15 %, сенной покос – 9 % и 1 % – под поселением и огородами. По V ревизии во владении записаны 62 дворовых и 300 крепостных обоого пола [5, л. 1-46].

У А.С. Хмелева в сельце Воробьево с деревнями Торопецкого уезда общей площадью 1 568,9 дес. на удобные земли приходилось 99 %, из которых половина составляла пашня – 54 %, лес занимал 40 %, сенной покос – 4 % и 1 % под поселением [16].

И.А. Крыжовой принадлежало с. Кузелкино Холмского уезда общей площадью 636,9 дес. На удобные земли в этом владении приходилось 94 %, из которых лес занимал 72 %, пашня – 16 %, сенной покос – 6 % и 0,2 % дес. под поселением [17].

В Новоржевском уезде более половины владений составляли деревни, четверть – пустоши и 10 % – сельцо [18]. К совладениям можно отнести 1/4 дач. В дер. Никитина помещика К.В. Злобина по V ревизии были 6 крестьянских дворов с 36 крепостными. Из 188,1 дес. удобные земли занимали 99 %. Значительную часть составлял лес – 61%, на пашню отводилось 36 %, сенной покос занимал 1 % и 1 % под поселением и огородами [14]. Обеспеченность землей в этом владении составляла 3,1 дес. пашни. К.В. Злобин был сверхштатным чиновником по особым поручениям в Министерстве юстиции. В его владении было 2500 крепостных в деревнях Вараксина, Гаврина, Дударева, Толстогузова, Ратьково, Горки, Долгое, Дохново, Калинова Горка, Лехново, Быхново и др. В отдельных деревнях за ним значатся от 5 до 17 дворов.

Пашенные и лесные угодья в дерев-

нях Новоржевского уезда составляли почти одинаковую долю, а в сельцах имелось превышение пашенных угодий над лесными. Лес преобладал в пустошах. Во всех типах поселений сенокосные угодья составляли небольшую долю [32].

Основываясь на материалах межевания можно сделать вывод, что дачи значительно отличались по размерам, а лес и пашня занимали основную часть земли владений псковских помещиков в последней четверти XVIII в. Лесные массивы составляли богатство помещичьих владений [27, с. 119]. Средний надел пахотной земли в разных владениях варьировался и мог составлять от 0,5 до 7,6 дес. В конце XVIII в. средний надел пахотной земли у барщинных крестьян в Псковской губернии составлял 3,5 дес., и 4,8 дес. – у оброчных [25, с. 51]. Л.В. Милов отмечает, что фактический посев был намного ниже и вместе с паром составлял примерно половину, а остальная пашня просто не использовалась [30, с.386]. Это было минимальное соотношение лугов и пашни при трехполье [24].

По итогам Генерального межевания на территории всей Псковской губернии во владении помещиков находилось 24 тыс. дес. усадебной земли, 1 037 дес. пашни, 148 тыс. дес. сеного покоса и 1 853 тыс. дес. леса. Из 3 262 тыс. дес. земли неудобной было 200 тыс. дес. Распаханность губернии составляла 32 %, а более половины угодий (56 %) занимал лес. Ни в одном уезде пашня не охватывала половины территории [1, с. 132]. По подсчетам В.М. Кабузана, в Псковской губернии на 1 д.м.п. приходилось 5,23 дес. пашенной земли и 6,2 дес. всей освоенной земли (с покосами и усадебными участками) [28, с. 20].

Законодательство 1764 г., введившее строгие ограничения на земельную собственность духовенства, предусматривало сохранение за бывшими духовными феодалами из прежних владений неболь-

ших земельных участков для хозяйственных нужд [33, с. 558]. Генеральное межевание позволило оформить этот процесс. Огороды, сады, места для выгона скота и ловли рыбы, полагающиеся духовенству, должны были быть выделены из фонда земель коллегии экономии.

Генеральное межевание земель позволило уточнить размеры бывшей земельной собственности духовных корпораций, которые после секуляризации пополнили государственную казну.

Негативные последствия полного изъятия земельной собственности наглядно проявились уже в первые пореформенные годы и зачастую приводили к закрытию монастырей и резкому ухудшению положения духовного сословия. Так введение государственного содержания для крупнейшей корпорации середины XVIII в. Псково-Печерского монастыря привело к сокращению его доходов более чем в 9 раз [26, с. 155]. По всей видимости все это и заставило государство уже в процессе межевания рассмотреть возможность дополнительного обеспечения духовенства минимальными земельными владениями. В первую очередь это касалось положения приходских церквей, чье положение было более трудным.

На межевых картах и планах встречаются обозначения земельных участков с литерами Ц.З. Так обозначались вновь отводимые церковные земли. На эти земли не составлялось отдельных планов, в отличие от церковной земли, которая находилась в собственности церкви, по данным писцовых книг до начала межевания и обмежевывались с составлением отдельных планов и выделением межевой дачи.

В 1782-1784 гг. большая часть церквей получила полагающиеся им наделы земли [29, с. 130-131]. В том случае, если отмежеванная земля являлась неудобной, то она выделялась в большем количестве. Так 76 (23,5 %) церквей имели наделы от 37 до 99 дес., а 21 (6,5 %) церковный храм владел наделами от 100 до 300 дес.

В структуре земельных собственников страны к сер. XVIII в. духовные феодалы и его земли занимали третье место после частновладельческих и государственных владений. Процесс концентрации земель в руках крупных духовных корпораций в XVIII в. сочетался с сохранением больших объемов мелкого приходского землевладения. Таков был пример Псковского края, одной из характерных черт землевладения, которого на протяжении многих веков оставалась мелковотчинность земельных владений духовенства. Это было связано с большим количеством приходских церквей на Псковщине, чьи земельные владения были чаще всего невелики.

Генеральное межевание позволило отразить новые изменения в структуре земельных собственников. В Псковской губернии максимальная концентрация земель духовенства к середине XVIII в. отмечалась на территории Псковского уезда [26, с. 90-91].

По материалам межевания второклассный Псково-Печерский монастырь владел на территории уезда 21 дес. и 1096 сажень «выгонной земли» у с. Логозовичи, что составляет 0,36 % от прежних владений корпорации уезде. В собственности третьеклассного Снетогорского монастыря находилось 96 дес. – 5 % от прежних владений. Экономические примечания дают их следующую характеристику «сад с плодовитыми деревьями при оном монастыре роща дубовая земля иловатая хлеб и покосы средственны лес дровяной». [35, л. 69а, 133об., 75].

Собственностью Елезаровского монастыря была сосновая роща вокруг обители, деревня на правом берегу безымянного ручья и безымянное озеро – всего 263,5 дес. земли. В ходе секуляризации статус Никольского Любятова монастыря был изменен на церковь Николая Чудотворца. Всего по материалам межевания, церкви принадлежало 46,5 дес. земли

вблизи Пскова или 9% от прежней собственности. Генеральное межевание зафиксировало земельные владения Мирожского монастыря 3 класса как 45,5 дес. в пригороде Пскова.

Материалы межевания показывают, что в 80-90 гг. XVIII в. в пригороде Пскова на территории Псковских слобод сохраняется церковное землевладение. В ряде случаев земли духовенства могли занимать большую часть той или иной слободы [26, с. 154].

Всего во второй половине XVIII в. по материалам Генерального межевания в Псковском уезде различным духовным феодалам принадлежало около 7735 дес. земли, из которых 855 дес. составляли владения ранее крупнейших монастырей Псковского края.

Большое количество небольших по своему размеру земельных участков концентрировалось вдоль городской черты и ближайшего пригорода Пскова. Материалы межевания показывают, что в 80-90 гг. XVIII в. на территории псковских слобод сохраняется церковное землевладение. Церковные земли иногда могли занимать большую часть слободы. Собственностью духовенства были ненаселенные земли – пустоши, сенные покосы и огородные места. Возможность отдавать эти земли в аренду становится после 1764 г. источником дохода для духовенства.

В Псковском уезде в собственности коллегии экономии и экономических крестьян по материалам межевания находилось 642 межевые дачи и 146 382 дес. бывшей духовных феодалов земли.

Межевание российских земель второй половине XVIII в. отразило сложившуюся структуру земельного хозяйства страны. Как показывает пример Псковского уезда, на тех территориях, где концентрация церковных земель была высока, после церковной реформы произошло масштабное перераспределение земельной собственности. В Псковском уезде на смену мелковотчинности и небольшим,

разбросанным по округе церковным владениям пришла единая государственная собственность. Определение границ земельных владений экономических крестьян позволило государству получить точные сведения о количестве и качестве земель, пополнивших государственную казну. Для духовного сословия межевание наглядно продемонстрировало новую реальность и ставила задачи по переосмыслению принципов хозяйствования.

Таким образом, привлеченные сведения о землевладениях духовных и светских феодалов по материалам межевания, позволяют отразить процессы, которые происходили в хозяйственной жизни имений отдельных помещиков разного социального достатка, целых дворянских родов и корпорации по уездам, сопоставить ситуацию в среде дворянства с хозяйственной жизнью

и землевладением отдельных монастырей, которые имели значимый вес с точки зрения распределения земельного фонда Псковской губернии второй половины XVIII в. Собранные материалы о структуре земельных собственников отражают социально-экономические процессы в государстве второй половины XVIII в. Региональные материалы позволяют оценить ближайшие результаты и последствия церковной реформы 1764 г., а так же изучить историю развития и права собственности на землю, стремившуюся к достижению оптимального соотношения между интересами государства, общества и частных лиц. В целом же в Псковской губернии рассматриваемые процессы развивались преимущественно в русле общероссийской динамики и обуславливались тенденцией к началу модернизационных сдвигов.

Список литературы

1. Водарский Я.Е. Дворянское землевладение в России в XVII – первой половине XIX в. М. 1988. С.132.
2. ГАПО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 179, 184, 190; Оп. 3. Д. 19, 20; Оп. 4. Д. 14.
3. ГАПО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 200, 207, 212, 212а, 213, 227, 230, 248, 252, 263–266, 268, 269, 279, 284, 286, 289, 296–298, 301, 312; Оп. 3. Д. 24, 26, 27, 33, 34, 36, 38–40; Оп. 4. Д. 17, 20, 22, 24.
4. ГАПО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 25, 45.
5. ГАПО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 284.
6. ГАПО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 291, 304; 436. Оп. 3. Д. 39; Оп. 4. Д. 21.
7. ГАПО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 317.
8. ГАПО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 321, 324, 326, 327, 329, 331, 332, 335, 339, 342, 343а, 344, 344а, 346, 348–350, 352, 354, 355а, 356, 357; Оп. 3. Д. 41, 42.
9. ГАПО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 327.
10. ГАПО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 391.
11. ГАПО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 4, 8, 9, 17, 25, 36, 37, 45, 46; Оп. 4. Д. 3-5.
12. ГАПО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 405.
13. ГАПО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 407.
14. ГАПО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 62, 76.
15. ГАПО. Ф. 14. Оп. 3. Д. 20.
16. ГАПО. Ф. 14. Оп. 3. Д. 54, 57.
17. ГАПО. Ф. 14. Оп. 3. Д. 58, 59.
18. ГАПО. Ф. 14. Оп. 3. Оп. 1. Д. 62, 76, 97–99, 105, 110, 117, 125, 130, 137, 139, 140, 144, 145, 146, 148, 149, 151; Оп. 2. Д. 1а, 7а; Оп. 3. Д. 3, 6, 7, 9, 10, 14, 15; Оп. 4. Д. 9.
19. Герман И.Е. История межевого законодательства от Уложения до Генерального межевания (1649-1765). М. 1983.
20. Герман И.Е. История Русского межевания. М. 1914

21. Герман И.Е. Материалы к истории генерального межевания в России. – М. 1911
22. Голубинский А.А. Хитров Д.А. Черненко Д.А. Итоговые материалы Генерального межевания: о возможностях обобщения и анализа//Вестник московского университета Сер. 8. № 3. М. 2011 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/itogovye-materialy-..> (дата обращения: 15.08.2020).
23. Горский А.А. Экономические примечания к Генеральному межеванию как источник по истории сельского хозяйства России во второй половине XVIII в.а. (Опыт количественного анализа) // История СССР. 1984. № 6. С.117-122.
24. Гудков А.Г. Дефицит продовольственного бюджета крестьянского хозяйства Русского Севера и источники его компенсации в конце XVIII – первой половине XIX в.а. Дис. на соиск.уч.степ. канд. ист. наук. М 2006.
25. Дейч Г.М. Крестьянство Псковской губернии во второй половине XIX и в начале XX вв.: Автореферат дис., на соис. уч. степ. доктора ист. Наук. Ленинград. 1962. С. 51.
26. Зирбуева В.Г. Секуляризация церковного землевладения в Псковской провинции во второй половине XVIII в. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. СПб. 2011. С.90-91, 154, 155.
27. Индова Е.И. Крепостное хозяйство в начале XIX в. По материалам вотчинного архива Воронцовых. М. 1955.
28. Кабузан В.М. Изменение в размещении населения в России в XVIII – первой половине XIX в. М. 1971. С.20.
29. Лебедев В.Б. Псковское духовенства во второй половине XVIII в.а.: Дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. Псков. 2003. С.130-131.
30. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М. 2001. С. 386.
31. Милов Л.В. Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию (к истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.). М. 1965.
32. Пиотух Н.В. Новоржевский (Пусторжевский) уезд в первой половине XVII – второй половине XVIII в. Пространственно-демографические изменения. Дис. на соиск.уч.степ. канд. ист. наук. М. 1999.
33. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: [Собрание 1-е: по 12 декабря 1825 г.]. Санкт-Петербург. 1830-1851. Т.16
34. Полушко В.В., Шевельков В. В. Земля Псковская. История и современность. Псков. 2003. С.57.
35. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1193.
36. Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР. М. 1962. С. 425-427.
37. Фролов А.А., Пиотух Н.В. Исторический Атлас Деревской пятины Новгородской земли. М-СПб. 2008. Т. 1. С. 40-41.

LAND HOLDINGS OF THE PSKOV SPIRITUAL AND SECULAR FEUDAL LORDS OF THE SECOND HALF OF THE XVIII CENTURY (ON THE MATERIALS OF THE GENERAL INTERRUPTION)

The article analyzes information about the land holdings of spiritual and secular feudal lords of the second half of the XVIII century on the territory of the Pskov province based on the materials of land surveying. The article describes the source base of the Russian State Archive of Ancient Acts and the State Archive of the Pskov Region on the subject under study, examines the history of the study of land surveying, the structure and size of possessions, the ratio of land and the availability of arable land. The compared data allow us to highlight the economic aspect of land use of the largest categories of feudal lords in the territorial context. Attracted by

the sources characterize the possession of the landlords all 9 districts of the Pskov province and land ownership of the clergy in the territory of the Pskov district second half of the XVIII century, as well as provide an opportunity to identify major spiritual land owners in the study area, to identify the coincidence and divergence of the obtained indicators with the average in the Northwest. On individual examples of the possessions of secular and spiritual owners, the specifics of the organization of economic life among large, medium and small feudal lords by the standards of the region, the area of farmland and the ratio of arable land, forest, hay mowing in them, as well as how many tithes of arable land accounted for one male peasant in the possession are traced.

Keywords: economic notes, land ownership, ownership, cottages, village, village, wasteland, land surveying, land use, arable land.

References

1. Vodarsky Y.E. Noble land tenure in Russia in the 17th - first half of the 19th century. M. 1988.S. 132.
2. GAPO. F. 14. Op. 1.D. 179, 184, 190; Op. 3.D.19, 20; Op. 4.D. 14.
3. GAPO. F. 14. Op. 1.D. 200, 207, 212, 212a, 213, 227, 230, 248, 252, 263-266, 268, 269, 279, 284, 286, 289, 296-298, 301, 312; Op. 3. D. 24, 26, 27, 33, 34, 36, 38-40; Op. 4.D. 17, 20, 22, 24.
4. GAPO. F. 14. Op. 1.D. 25, 45.
5. GAPO. F. 14. Op. 1.D. 284.
6. GAPO. F. 14. Op. 1.D. 291, 304; 436. Op. 3.D. 39; Op. 4.D. 21.
7. GAPO. F. 14. Op. 1.D. 317.
8. GAPO. F. 14. Op. 1.D. 321, 324, 326, 327, 329, 331, 332, 335, 339, 342, 343a, 344, 344a, 346, 348-350, 352, 354, 355a, 356, 357; Op. 3.D. 41, 42.
9. GAPO. F. 14. Op. 1.D. 327.
10. GAPO. F. 14. Op. 1.D. 391.
11. GAPO. F. 14. Op. 1.D.4, 8, 9, 17, 25, 36, 37, 45, 46; Ref. 4. D.3-5.
12. GAPO. F. 14. Op. 1.D. 405.
13. GAPO. F. 14. Op. 1.D. 407.
14. GAPO. F. 14. Op. 1.D. 62.76.
15. GAPO. F. 14. Op. 3.D. 20.
16. GAPO. F. 14. Op. 3.D. 54, 57.
17. GAPO. F. 14. Op. 3.D. 58, 59.
18. GAPO. F. 14. Op. 3. Op. 1.D. 62, 76, 97-99, 105, 110, 117, 125, 130, 137, 139, 140, 144, 145, 146, 148, 149, 151; Op. 2.D. 1a, 7a; Op. 3.D. 3, 6, 7, 9, 10, 14, 15; Op. 4.D. 9.
19. Herman I.E. The history of land surveying legislation from the Code to the General Survey (1649-1765). M. 1983.
20. Herman I.E. History of Russian land surveying. M. 1914
21. German I.E. Materials for the history of general surveying in Russia. - M. 1911
22. Golubinsky A.A. Khitrov D.A. Chernenko D.A. Final materials of the general survey: on the possibilities of generalization and analysis // Bulletin of the Moscow University Ser. 8. No. 3. M. 2011 [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/itogovye-materialy-..> (date of access: 15.08.2020).
23. Gorskiy A.A. Economic Notes to the General Survey as a Source on the History of Russian Agriculture in the Second Half of the 18th Century. (Experience of quantitative analysis) // History of the USSR. 1984. No. 6. P.117-122.
24. Gudkov A.G. The deficit of the food budget of the peasant economy of the Russian North and the sources of its compensation at the end of the 18th - first half of the 19th century. Dis. for a degree student Cand. ist. sciences. M 2006.
25. Deich G.M. The peasantry of the Pskov province in the second half of the 19th and

the beginning of the 20th centuries: Abstract dis., On sois. uch. step. Dr. East. Science. Leningrad. 1962.S. 51.

26. Zirbueva V.G. The secularization of church land ownership in the Pskov province in the second half of the 18th century. Diss. for a job. uch. step. Cand. ist. sciences. SPb. 2011.S. 90-91, 154, 155.

27. Indova E.I. Serf economy at the beginning of the 19th century Based on materials from the Vorontsovs' patrimonial archive. M. 1955.

28. Kabuzan V.M. Change in the distribution of the population in Russia in the 18th - first half of the 19th centuries. M. 1971.p.20.

29. Lebedev V. B. Pskov clergy in the second half of the 18th century .: Diss. for a job. uch. step. Cand. ist. sciences. Pskov. 2003.S. 130-131.

30. Milov L.V. Great Russian plowman and features of the Russian historical process. M. 2001.S. 386.

31. Milov L.V. Research on "Economic Notes" to the General Survey (to the history of the Russian peasantry and agriculture in the second half of the 18th century). M. 1965.

32. Piotukh N.V. Novorzhevsky (Pustorzhevsky) district in the first half of the 17th - second half of the 18th century. Spatial and demographic changes. Dis. for a degree student Cand. ist. sciences. M. 1999.

33. Complete collection of laws of the Russian Empire, from 1649: [Collection 1: to December 12, 1825]. St. Petersburg. 1830-1851. T.16

34. Polushko V.V., Shevelkov V.V. Pskov land. History and modernity. Pskov. 2003.S. 57.

35. RGADA. F. 1355. Op. 1.D. 1193.

36. Tikhomirov M.N. Source study of the history of the USSR. M. 1962.S. 425-427.

37. Frolov A.A., Piotukh N.V. Historical Atlas of the Derevskaya Pyatina of the Novgorod Land. M-SPb. 2008.Vol. 1.S. 40-41.

Об авторах

Гончарова Екатерина Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Псковский государственный университет (Россия), E-mail: diva1986@yandex.ru

Кузьмина Виолетта Гаруновна, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Псковский государственный университет (Россия), E-mail: vetta4@list.ru

Goncharova Ekaterina Viktorovna - Candidate of Historical Sciences, docent of the Department of National History, Pskov State University (Russia), E-mail: diva1986@yandex.ru

Kuzmina Violetta Garunovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History, Pskov State University (Russia), E-mail: vetta4@list.ru

УДК 94(470)"1941/1945"(470.333):271.2

Дубровский А.М., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени акад. И.Г. Петровского (Россия);

Черняков Д.И., учитель истории гимназии № 3, Брянск (Россия);

Кузько Н. А., студент 4-го курса факультета истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия);

Зайцев И.А., студент 4-го курса факультета истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского.

ПОЛИТИКА ОККУПАЦИОННЫХ ВЛАСТЕЙ ПО ОТНОШЕНИЮ К ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИСТОРИИ БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье восстановлена картина возрождения церковно-религиозной жизни на территории современной Брянской области в годы Великой Отечественной войны. В этой картине много черт, типичных для разных областей СССР. Особые черты религиозной жизни на Брянщине заключались в большей или меньшей степени разрушения ее материальной базы в довоенные годы, в степени активности разных слоев населения (в том числе священнослужителей) в деле восстановления церкви и организации духовной жизни, в благотворительной деятельности.

Ключевые слова: Брянская область, Великая Отечественная война, Русская Православная церковь, возрождение религиозной жизни, нацистская администрация

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-01-48-62

В литературе, посвященной современной Брянской области, чрезвычайно мало внимания уделено положению православной церкви на ее территории в период Великой Отечественной войны и церковно-религиозной жизни в это время. Так, например, в коллективной монографии по истории Орловской епархии (Брянская область входила в состав Орловской) о положении церкви в период оккупации не говорится почти ничего [24]. Между тем история войны без освещения религиозной жизни в оккупированной зоне неполна. Возрождение этой жизни было очень важным обстоятельством, имевшим последствия не только в послевоенные, но и в последующие годы. Цель настоящей работы – заполнить лакуну в современных представлениях об истории Брянщины и оккупационного режима в целом.

Как известно, вскоре после прихода к власти партия большевиков начала атеистическое наступление на Русскую Православную церковь. Особенно это наступление развернулось с конца 1920-х – начала

1930-х гг. как процесс, не только одновременный, но и связанный с такими процессами как свертывание нэп, ликвидация кулачества как класса, установление контроля партии над всеми областями культуры. Самым опасным и глубоко ранящим направлением в этом атеистическом наступлении было уничтожение храмов и репрессии, направленные против священников. Если в январе 1937 г. в 5 нынешних районах Калужской и 22 районах Брянской областей действовало около 220 приходов [35, с.57], то к началу 1941 г. на Брянщине их осталось только 11 [28, с. 48]. Православная церковь в изучаемом регионе как административная структура почти прекратила свое существование.

Во второй половине 1930-х гг. советско-партийное руководство начало было менять политический курс по отношению к верующим, учитывая перспективу близкой войны. Однако этот едва наметившийся поворот опоздал. В 1941 г. война началась.

Нацисты сумели воспользоваться всеми поводами для недовольства, которые

создала политика большевиков как раз незадолго до начала войны. Это и колхозный строй, и ссылка раскулаченных, и дефицит товаров, и низкий жизненный уровень народа, и безжалостная борьба с религией. Возможно, сыграло свою роль и то обстоятельство, что в начале войны заметно усилилось преследование священников и верующих. В Орловской области в июне 1941 г. было арестовано 2 человека, в июле – 3, в августе – 19, в сентябре – 23 [24, с.170].

Формулируя общий подход оккупантов к Русской Православной церкви, рейхминистр занятых восточных территорий А. Розенберг заявлял, что немецкие администраторы могут относиться к православии терпимо и даже поощрительно. Оно должно было обеспечить повиновение славянского населения новой власти [33, с.204]. Однако, учитывая ту патриотическую позицию, о которой объявил глава церкви Сергей (Старогородский) в первый же день войны, вначале немецкой администрации запрещалось содействовать возрождению религиозной жизни в оккупированной зоне. Поэтому нацистские власти не оповещали местное население о том, какую политику они намерены проводить в отношении церкви. Подъем религиозной жизни заставил нацистов корректировать свои действия в отношении православия, тем более, что между взглядами верхушки рейха и той администрацией, которая работала в зоне оккупации, по поводу религиозной политики существовали значительные различия [20, с.64-73]. Если на самом верху нацистской администрации оформлялись в указующие документы кабинетные мысли, далекие от реальной действительности, то на низовом уровне немецкая власть ошупью искала и находила нужные ей практические и соответствующие обстановке методы влияния на религиозную жизнь в захваченных немецкими войсками областях СССР.

Когда в Клинцы, один из крупных районных центров области, прибыли немецкие части, то жители были удивлены тому, что для солдат было проведено

богослужение в единственной действовавшей церкви. Это, видимо, сильно подействовало на сознание горожан. Они не задумывались об отношении немцев к религии, а кроме того, обряд богослужения был почти забыт в Клинцах. И то, что сделали немцы, не могло не подтолкнуть к стихийному движению во имя возрождения церкви. Это движение не могло не подогреваться соображениями взрослого населения о том, что за годы советской власти в городе и районе выросли дети, которые не были крещены.

Нацистская оккупация Брянщины, последовавшая в августе-октябре 1941 г., открыла особую страницу в жизни верующей части населения. Занятые решением важнейших задач военного и административного характера захватчики поначалу мало обращали внимание на события, происходившие в религиозной сфере. Отсутствие препятствий со стороны германского руководства позволило возобновить богослужения в открывавшихся по инициативе местного населения храмах. Начальник штаба Верховного Главнокомандования вермахта В. Кейтель издал приказ о предоставлении населению оккупированной зоны права на ремонт храмов [40, с.523]. Начали работать приходы в Брянске, Новозыбкове, Сураже, Стародубе. Так, в Новозыбкове были открыты Чудо-Михайловская, Троицкая, Рождественская и Никольская церкви, храм Рождества Богородицы в с. Людково. Через две недели после оккупации Суража, по инициативе горожан был открыт храм, куда горожане приносили иконы, церковную утварь и книги. Из числа желающих был сформирован церковный хор [11, д.48, л.8]. Возобновили свою деятельность храмы сел Брянского района: Кабаличи, Чернетово, Б. Полпино и Супонево.

Верующие приступили к открытию храмов, в которых совершались службы не только священнослужителями, но и силами самих прихожан. В частности, к концу 1942 г. действующие храмы имелись в половине волостных управлений Понуровского района.

Таблица 1.

Количество церквей по Понуровскому району. Декабрь 1942 г.

№	Наименование волостного управления	Сколько церквей открыто и где	В каком населенном пункте закрыты	Всего
1.	Алейниковское	нет	Корецкая Буда	1
2.	Азаровское	нет	нет	нет
3.	Андрейковичское	нет	Андрейковичи, Сухосеевка	2
4.	Воронокское	Воронок	Лужки (2)	3
5.	Елионское	Солова, Елионка	нет	2
6.	Курковичское	нет	Курковичи	1
7.	Кистерское	Кистер	Кистер (1)	2
8.	Новомлыньское	нет	нет	нет
9.	Тарасовское	Тарасовка	нет	1
10.	Понуровское	Понуровка	Буда-Понуровская, Демьянки (2), Понуровка	5
Всего		6	11	17

Источник – Ф. Р-2600. Оп.1. Д. Редакция газеты «Новый путь». Л. 199, 206, 207

Из приведенных сведений следует, что к концу 1942 г. только в Понуровском районе была возобновлена религиозная деятельность в 35 % из сохранившихся культовых зданий. Открывались церкви главным образом в крупных селах.

Это восстановление церковной жизни за счет скудных доходов местного населения было характерно и для Смоленского края. «Открытие храмов на территории Смоленщины носило массовый стихийный характер и в первую очередь зависело от желания местных жителей. Служащие вермахта не препятствовали открытию церквей и предоставляли это на усмотрение населения, относясь к этому либо хорошо, либо безразлично, - писал исследователь [20, с.89]. Вероятно, такая картина была характерна для всех оккупированных территорий.

Заметное влияние на восстановление храмов оказывало коллаборационистское руководство. Глава Локотского округа обер-бургомистр Каминский обязал всех волостных старшин и сельских старост приступить к ремонту имеющихся на местах церквей. В качестве источника финансирования были определены добровольные пожертвования верующих [12, д.13, л.115]. Позднее проводимая гражданской администрацией Локотского управления работа в церковной сфере анализировалась в докладе 7-го отдела группы армий

«Центр». Документ, упоминая приказ Каминского о ремонте культовых сооружений, говорит о том, что «во многих местах видны воссозданные церкви или соответствующие работы» (Шкаровский 2007: 396). Редакция газеты «Севский листок» сообщала об открытии церквей в городе и районе, ремонт которых осуществлялся на пожертвования самого населения [12, д.909, л.149].

Поскольку большинство церковных зданий либо было разрушено, либо находилось в непригодном состоянии, для богослужений приспособлялись иные помещения, например, школы и клубы. Это явление было распространено по всей оккупированной территории. Богослужения на территории поселка Брянск-II проходили в специально переоборудованном помещении клуба железнодорожников [12, д.909, л.149]. В Навле под церковь был переделан бывший клуб. Населению Пластовской волости Навлинского района коллаборационистская администрация разрешила проводить религиозные обряды в сохранившихся храмах, а в их отсутствие - во всех подходящих помещениях, например, школах. Стихийный процесс открытия храмов продолжался до конца 1941г. [15, д. 1165, л.18].

Для удовлетворения потребностей открывавшихся храмов в церковной утвари в Клинцах работала иконописная мастерская [17, 1942.5.11].

Быстрое восстановление храмов ставило очень острый вопрос о кадрах священников, что было характерно для всей зоны оккупации. В конце 1941 г. по приказу оккупационного руководства проводился учет имеющихся в наличии кадров духовенства. Исходя из требований главного священника Клинцовского округа протоиерея А. Петровского, всем священникам, находившимся в районах, надлежало прибывать в окружной центр с предоставлением документов для регистрации и выявления прав на служение. В результате на территории Клинцовского округа было учтено только 35 священников [12, д. 15, л.79]. Священники Брянского округа должны были проходить учет и наставления в окружном центре у архимандрита Павла (Мелетьева). В ряде районов округа обнаружилось полное отсутствие священнослужителей [9, д. 42, л.10].

На первых порах верующие предпринимали самостоятельные попытки поиска священников. Объявления с соответствующими запросами периодически печатались на страницах местных коллаборационистских газет. Уже в начале оккупации некоторые люди получили возможность учиться в духовном заведении. Заметный приток священнослужителей был отмечен на Брянщине в начале 1943 г. [11, д.77, л. 25].

Нередко открытием храмов пользовались люди с сомнительной репутацией. Бывший завхоз Комаричской больницы Садовников был снят с работы за половую распущенность и пьянство. Это не помешало ему стать священником и получить назначение на приход [23, с.36]. Староста Никольского храма поселка Брянск-1 сообщал о злоупотреблении алкоголем местным священником, который пропускал церковные службы [1, д. 33, л.144]. В Клинцовском округе более половины всех учтенных священников составляли самозванцы [26, с.462].

Население широко откликнулось на открытие храмов. Через четыре недели после прихода немцев, когда стало ясно,

что снова стали действовать храмы, в воскресный день в Клинцы из сельской местности поехало много народу. «На улице в ряд стоит много маленьких крестьянских одноконных повозок, на сене сидят женщины вместе с необычайным количеством маленьких детей. Воскресенье для горожан и особенно для верующих крестьян из окрестностей это большой праздник. Сегодня впервые за 10 последних лет снова будут крестить детей. Некоторые родители с крестниками проехали по 20 километров и теперь ожидают снаружи, когда в церкви закончится богослужение. Более двухсот матерей... ждут, пока до них дойдет очередь», - так вспоминал этот день очевидец [41, с.116-117]. Население благодарила немца-мемуариста за то, что вернулись богослужение и обряды.

Как правило, рядовые воскресные дни отличались небольшим количеством людей в церквях. Большой приток прихожан наблюдался в дни религиозных праздников. Толпы народа шли в храмы в дни Великого поста. В предпасхальные дни оккупационная администрация разрешала проведение церковных служб не только по воскресеньям и праздникам, но и почти во все дни недели [17,1943.30.04]. Особенно много верующих собиралось на Пасху. Подчас они проделывали путь из своего села до города до 10-15 км, чтобы посетить службу в действующих церквях. В пасхальное воскресенье церкви Брянска и Клинцов не вмещали всех желающих. Многие прихожане были вынуждены отстаивать службу, находясь за пределами храма [38, с. 395].

В отличие от смоленской епархии, в Брянске не видно активной поддержки религиозному возрождению со стороны местной интеллигенции. В Смоленске же при Свято-Успенском соборе сложился кружок религиозно настроенной интеллигенции, которая развернула деятельность по православному просвещению населения [20, с.107-109]. Видимо, различие между двумя городскими центрами объясняется небольшим количеством в

первую очередь гуманитарной интеллигенции в Брянске.

Отличилась брянская епархия и тем, что в ней не видно той благотворительной деятельности, которой занимались церковные люди и их помощники из мирян в Смоленске вплоть до помощи продуктами, одеждой и обувью советским военнопленным в немецком концлагере. В псковской земле священнослужители открыли в ряде лагерей храмы.

Заметив бурное оживление церковной жизни, оккупанты брали ее под контроль. Большое значение в религиозной жизни Брянщины играло соседство с Белоруссией, где нацисты планировали создать независимую от Москвы православную церковь [20, с.400]. Такая политика соответствовала высказыванию Гитлера о месте церкви на оккупированной территории Советского Союза: «Мы должны избегать, чтобы одна церковь удовлетворяла религиозные нужды больших районов, и каждая деревня должна превратиться в независимую секту... Коротко говоря, наша политика на широких просторах должна заключаться в любой и каждой форме разделения и раскола» [37, с. 454].

Перед минским митрополитом Пантелеймоном (Рожновским) германскими властями были поставлены условия, при которых должна была возникнуть новая церковная структура. Создавая церковь по национальному признаку, нацисты тем самым стремились усилить слабое национальное самосознание белорусов, отделить их от русского населения. Канонические границы новой церкви выходили далеко за пределы Белорусской ССР и включали в себя соседние земли РСФСР Смоленщины и Брянщины, по той причине, что эти территории объявлялись «исконно белорусскими» [34, с. 130].

Примечательно, что руководителями коллаборационистской администрации Брянского округа с октября 1941 г. являлись деятели белорусского национализма – Р. Островский, Д. Космович и М. Витушка [36, с. 4]. За месяц до приезда в

Брянск Р. Островский направил письмо на имя Пантелеимона Рожновского. В документе обращалось внимание на необходимость создания независимой от Москвы «Белорусской автокефальной православной национальной церкви».

Прибыв в Брянск, белорусские коллаборационисты застали активное возрождение религиозной деятельности. В воспоминаниях руководителя городской полиции Д. Космовича ситуация описывается следующим образом: «Кроме организации вооруженных сил я принимал активное участие в организации церковной жизни в Брянском округе. Помогал архимандриту Павлу Мелетьеву, который в 1937-1941 гг., с его слов и по показаниям местных жителей, жил в Брянске нелегально и тайно совершал богослужения в домах верующих. С приходом немецкой армии начал организовывать церковную жизнь в Брянске и прилегающих районах. С моей помощью в Брянске и районных центрах были подготовлены соответствующие здания для совершения богослужений – и Павел начал совершать Божьи службы. В 1942 г. Павел получил от Белорусской митрополии благословение на деятельность по возрождению церковной жизни в Брянском округе» [25, с.141].

С января 1942 г. активизировалась политика оккупантов по отношению к церкви. Ими предпринимались действия по направлению религиозной активности в нужное русло. Так, согласно инструкции военной комендатуры г. Брянска, для проведения религиозных шествий общины верующих должны были заранее подавать соответствующее прошение немецкому коменданту [9, д.19, л.22].

Поддерживая людей церкви как свою социальную базу, оккупанты предоставляли священнослужителям и церковным работникам ряд привилегий. Наряду с сотрудниками гражданской администрации и полиции, церковные служители пользовались правом по снабжению семенным картофелем [7, д. 32, л.13; 14, д.20, л.389].

Согласно приказу управляющего Брянским округом служители религиозных культов облагались подоходным налогом. При этом они могли самостоятельно учитывать свои доходы, исчислять налог и вносить его в соответствующие кассы. Помещения, занятые общинами под религиозные культы не облагались арендной платой, налогом со строений и земельной рентой [8, д.87, л.21]. Последняя мера охватывала, в частности, и смоленскую территорию. На фоне этих двух областей своими особенностями отличалась Псковская область. К началу войны здесь не было ни одного действующего прихода, и немецкая власть организовала так называемую Псковскую миссию – священников, которых посылали немцы для службы в Псковском крае [39, с. 61-62]. В этом факте особенно ясно видно, что нацисты стремились использовать людей церкви для нужд своей пропаганды.

Происходило прямое вмешательство германской администрации в сугубо церковные дела приходов. При этом оккупанты учитывали не интересы верующих, а своей власти. Так, на основании постановления церковного совета с. Брасово была устранена от должности ктитора (старосты) Мария Ш. Это событие послужило основанием для письма бургомистра Брасовского района настоятелю храма священнику В. Покровскому. Постановление церковного совета было признано недействительным по той причине, что «решающую роль в деле расстановки руководящих постов играет местная власть, которая заинтересована восстановлением церквей, являющихся проводником культуры и благочестия. Поэтому в дальнейшем решение серьезных вопросов церковной жизни должно согласовываться с местной властью». В конечном итоге под давлением гражданской администрации, Мария Ш. была восстановлена в прежней должности [1, д. 3, л.44].

Заметной мерой оккупационной администрации стало извещение Брянского окружного управления о введении во всех

оккупированных областях григорианского календаря. На основании постановления военной комендатуры православная церковь должна была отмечать все церковные праздники только по новому стилю. Эта информация доводилась до всех священнослужителей с требованием обязательного исполнения на местах [15, д.1143, л.20]. Если администрация Брянского округа настаивала на безоговорочном соблюдении приказа, то руководство Клинецовского округа проявило в важном для верующих вопросе гибкость. На одном из заседаний бургомистров Клинецовского округа военный советник полевой комендатуры Марлингхауз заявлял: «Рождество будем праздновать по новому стилю. Не возражаем, чтобы там, где нет промышленности, например в селах, праздновали 7 января и устраивали богослужения» [12, д.14, л.256].

Не имея в наличии соответствующих источников, трудно понять, как было воспринято рядовыми верующими это нововведение. По всей видимости, уже к исходу 1942 г. затея захватчиков с насаждением нового стиля полностью провалилась. Подтверждением тому может служить не только празднование важнейших дней церковного календаря исключительно по старому стилю, но и установление их в качестве выходных [6, д.42, л.50].

Еще одной формой вмешательства нацистской власти в церковную жизнь стало внедрение молений, отвечавших запросам германской пропаганды. 18 августа 1942 г. в клинецовском лагере военнопленных протоиерей А. Петровский совершая церковную службу, произнес проповедь, суть которой сводилась к мысли «о скорейшем освобождении русского народа от иудо-большевистского гнета». В конце службы прозвучало многолетие «освободителю от большевистского ига, вождю немецкого народа Адольфу Гитлеру» [11, д.30, л.1]. 31 января 1943 г. по инициативе русского земельного управления в Петропавловском соборе в Клинцах был прове-

ден молебен по случаю десятилетия прихода к власти А. Гитлера. Богослужение открылось молитвой во здравие фюрера. Затем были прочитаны молитвы за германскую армию. Завершила службу панихида по погибшим солдатам германской армии [11, д.94, л.3].

В торжественной обстановке проводились церковные службы в день 22 июня и в годовщины оккупации конкретного населенного пункта. Так, 22 июня 1943 г. в Петропавловском соборе г. Клинцы церковная служба была приурочена ко второй годовщине «вступления германской армии в страну» и «о ниспослании помощи Небесной нашим освободителям в их борьбе с нашими врагами – жидо-большевики» [11, д.87, л.47]. Аналогично прошел этот день в церкви райцентра Брасово Локотского округа. В присутствии обер-бургомистра Каминского и представителей германского командования настоятель В. Покровский в проповеди призвал прихожан молиться «за наших освободителей», т.е. немецких солдат [16, 1943.25.06]. Празднование годовщины оккупации Трубчевска сопровождалось колокольным звоном местных церквей [4, д.193, л.40].

В 1943 г. на Брянщине церковная жизнь переживала бурное развитие. Количественным выражением религиозной активности населения стало открытие 153 православных храмов и двух молитвенных домов [31, с.89]. Указанные цифры подтверждаются архивными документами. К августу 1943 г. на территории Клинцовского округа было открыто 58 храмов [11, д. 94, л.24]. Епископ Павел (Мелетьев), в одном из своих писем упоминал 67 действовавших в Брянском округе церквей [38, с. 395]. По всей видимости, не менее 40 приходов действовало в Локотском округе.

Кроме открытия храмов и возобновления церковных служб в жизнь вернулись крестные ходы. По распоряжению командующего Брянской военной комендатуры 19 января признавалось русским

национальным праздником «Крещение». Духовенству разрешалось организовывать крестные ходы к водным источникам [6, д.7, л.151]. На тот же праздник совершались торжественные процессии в Клинцах и Жуковке [11, д.94, л.3; 9, д.50, л.1]. На день Преполовления в бывшей Тихоновой пустыни Карачевского района, состоялся крестный ход, собравший большое количество местных жителей [18, 1943.22.01]. Летом 1942 г. жители Карачева провели два крестных хода в бывший Николо-Одринский монастырь [18, 1943.22.01]. Особый размах приобрел крестный ход в Севске, состоявшийся 2 сентября 1942 г. Здесь по инициативе прихожан Варваринской церкви возродилась дореволюционная традиция шествия по улицам города с чтимой Казанской иконой [19, 1942.8.09].

Религиозная жизнь нашла свои проявления за пределами церковной ограды. Настоятель Клинцовского собора А. Петровский регулярно проводил беседы со школьниками в зале бывшей женской гимназии. Протоиерей рассказывал присутствующим о традициях совершения религиозных праздников до 1917 г. [17, 1943.30.04]. Священник Тарасий, служивший в Ильинской церкви Трубчевска, посещал воспитанников местного приюта [12, д.13, л.53 об.].

Среди населения Брянского округа распространялся отпечатанный в Карачеве церковный календарь-табель на 1943 г., в котором указывались все праздничные и поминальные дни, посты. Расчет пасхалии был произведен до 1950 г. [18, 1942.13.12]. Обычным явлением стали публикации религиозного содержания, периодически помещавшиеся на страницах местных газет. В школьные программы был включен предмет религиозной направленности – «Закон Божий».

Война вызвала подъем религиозности у населения страны. После войны жительница с. Деньгубовка Дубровского района Лощенкова В.М. вспоминала: «До войны у нас все церкви закрыты были. А

в войну народ стал больше к Богу клониться. У нас в Деньгубовке бывший дячок стал молебны по домам служить. Одна моленная женщина у нас в Алешенке отвела ему свою квартиру. Стал народ туда собираться как в церковь, и он там молебны служить. Все, что надо, по книгам читал» [13, д.8, л.26].

Уроженец с. Гнилево Трубчевского района В.Н. Беликов, подростком переживший оккупацию, вспоминал: «Мама стала вдруг религиозной. Где-то переписала псалом 90-й: мол, спасает от всех напастей. Во время налетов, сидя в погребке, приходилось слышать ее лихорадочный шепот: «Господи Боже, спаси и помилуй! Накажи ту сволочь, которая всё это придумала... Где же ты, мать-Богородица? Будь милосердна, спаси меня, спаси моих детей!» [22, с.482].

Позиция священнослужителей по отношению к оккупационным властям была неоднозначной. Естественно, что значительная часть из них была верна новой власти. Немецкий мемуарист В. Энгельгардт вспоминал, что в Клинцах, в доме у священника, он видел портрет фюрера. В Брянске были открыты две церкви. В одной из которых молились «за многие лета Адольфа Гитлера, за победу доблестного германского войска» и «за смерть антихристов-жидов и большевиков». В другом храме молитва совершалась «за прекращение кровавой и человекоубийственной войны». Верующие реагировали на содержание службы своей посещаемостью. Во второй церкви молящихся наблюдалось значительно больше, чем в первой [15, д. 909, л.149 об.].

Те священники, проповеди которых содержали антисоветские высказывания, подлежали суровому преследованию со стороны партизан наравне с гражданскими или военными коллаборационистами. На оккупированной Брянщине имели место случаи убийств партизанами священников. Такие примеры зафиксированы в селах Дреколье, Евдоколье и Гря-

зивец Погарского района, селе Семцы Почепского района, райцентре Гордеевка [5, д.38, л.45 об.; 12, д.15, л.44].

Имеются и противоположные примеры, когда православные священники становились жертвами нацистского террора. В с. Лопатня Клинцовского района и с. Б. Полпино Брянского района были расстреляны настоятели храмов, выступившие против творимых оккупантами злодеяний [4, д.71, л.33 об.].

К числу священнослужителей, которые в своих проповедях говорили о победах Красной армии и скором изгнании захватчиков, следует отнести Иоанна Головачева. Когда началась оккупация, он получил от немецких властей пропуск в Смоленск, где учился на пастырских курсах. Пройдя обучение, он принял сан и вернулся в родное село Давыдчичи Дубровского района. Головачев оставил среди односельчан добрую память. Он шел к людям, невзирая на позднее время, непогоду. Пользуясь положительным расположением к себе командования местной заставы, священник сумел добиться снятия ограничений комендантского часа для верующих в дни посещения церкви. Местная жительница вспоминала: «Обычно на мосту застава стояла, пропуска проверяли. А тут как женщина оденется получше, большой платок на голову, только спросят: «Матка! Кирхе?» - и пропустят» [13, д.170, л.143].

Особое уважение среди прихожан вызывала патриотическая направленность служения Иоанна Головачева. Священнослужитель не боялся совершать молебны за победу Красной армии. После таких служб люди делились друг с другом своими настроениями: «Как на душе просветлело: батюшка опять молится о христоролюбивом воинстве, о победе оружия русского». Похожие воспоминания оставил житель с. Б. Алёшня А.Е. Митракович. Весной 1942 г., будучи учителем, он был вызван в Давыдчичи на педсовет. Оставшись на ночь у знакомого, утром

Митракович стал свидетелем сцены. Ходивший с совершением треб священник Головачев на дому совершал молебен: «Служит священник молебен и вдруг возглашает: «Да будет победа оружия русского!» Мы все так и остолбенели. Смелый человек он был» [13, д.170, л.141 об.].

До марта 1942 г. религиозная жизнь на Брянщине и в соседних областях развивалась самостоятельно, без единого руководства. 8–10 марта 1942 г. в Минске прошел Собор епископов Белорусской церкви. Согласно акту деяний Собора была образована обширная Смоленская епархия, которая включала Смоленск, Невель, Велиж, Ярцево, Рославль и Брянск. В этой епархии высшие церковные должности могли занимать только белорусы. Правящий архиерей должен был получить титул – «епископ Смоленский и Брянский». На епископскую кафедру назначался овдовевший протоиерей Симеон Севбо. Его посвящению в епископы должны были предшествовать монашеский постриг и возведение в сан архимандрита. Изначально архиерейская хиротония С. Севбо относилась к ведению минского митрополита Пантелеимона. Однако глава Белорусской церкви не спешил с вопросом назначения епископа Смоленского и Брянского, ограничившись только пострижением в монахи протоиерея С. Севбо с именем Стефан и возведением в архимандриты. По всей видимости, прорусски настроенный митрополит Пантелеимон, не хотел иметь при себе кафедральным архиереем белоруса, которого желал поставить только своим викарием. Однако под давлением националистов и благодаря вмешательству Генерального комиссариата Белоруссии, возведение в епископы Стефана (Севбо) состоялось 17 мая 1942 г. [25, с.164-168].

Все это вовсе не означало, что отныне православные приходы Брянщины автоматически включались в юрисдикцию Белорусской православной церкви. Многие священники вовсе не почувствовали над собой никакого епископского

контроля. С мест в окружные центры поступала информация, что отдельные священники не имели никаких указаний со стороны новой церковной администрации [12, д.15, л.177].

Формальное нахождение в подчинении Смоленской епископской кафедры поставило перед коллаборационистским аппаратом вопрос о создании собственных епархий в границах административных округов. Инициатива исходила со стороны гражданской администрации. 29 января 1943 г. районным бургомистром Локотского округа было разослано письмо управляющей делами А. Воскобойник следующего содержания: «Предлагается поставить в известность всех священников в районе и направить в г. Воскобойник (Локоть) к обер-бургомистру на совещание по созданию окружной епархии» [1, д.3, л.42]. В феврале того же года Клиновский окружной бургомистр уведомил представителя оккупационного командования военного советника Марлингхауза о необходимости образования на территории Клиновского округа епархии и назначении епископа [12, д.14, л.270]. Таким образом, без согласования с белорусскими церковными деятелями на местах возникло движение в пользу образования епархий, во главе которых должно было стать местное (русское) духовенство.

Выходящая из-под контроля ситуация заставила главу епархии принять активные меры. 28 февраля 1943 г. епископ Смоленский и Брянский Стефан утвердил распоряжение о создании на местах органов церковного управления. Острая нехватка достаточного количества священнослужителей должна была компенсироваться активностью мирян.

Епископ отстаивал мысль о том, что в заведывании церковными делами широкое участие должны принимать сами верующие. Поэтому высшим распорядительным органом каждого храма должно было являться приходское собрание, состоящее из уполномоченных, избираемых на общем собрании прихожан. Его проведение

должно было проходить в одно из воскресений после службы. О дне выборов прихожане извещались за три недели. В число уполномоченных входили по 1-2 жителя селений относящихся к приходу. К ведению приходского собрания относились религиозно-просветительские, церковно-благотворительные и финансово-хозяйственные вопросы. Уполномоченные утверждали смету расходов, заслушивали отчеты приходского управления. Проведение собраний должно было происходить в присутствии настоятеля либо церковного старосты не реже одного раза в месяц.

В свою очередь, уполномоченные избирали приходское управление, представленное старостой и тремя членами по религиозным, благотворительным и хозяйственным вопросам. Органы церковного управления подлежали созданию на территории епархии не позднее 1 марта 1943г. [17, 1943.28.02]. Были приняты меры к единообразному совершению духовенством богослужений. Отныне священники обязывались поминать за богослужениями «Высокопреосвященнейшего Пантелеимона, митрополита Минского и Белорусского, и господина нашего Преосвященнейшего Стефана, епископа Смоленского и Брянского» [11, д.77, л.19].

Создававшиеся приходские советы оправдали надежды Стефана. По инициативе церковных управлений, верующие самостоятельно ремонтировали храмы и проводили в отсутствие священника дозволенные церковным уставом службы. Подобную активность можно наблюдать на примере прихода с. Рожны Клинецкого района. Здесь верующие сами провели собрание по поводу ремонта церкви, занятой до войны под склад. Для подготовки здания к богослужениям была создана комиссия из трех человек. Комиссия в ходе своей работы опиралась на помощь не только своих односельчан, но и жителей соседних сел. Воловка, Рудня-Голубовка и Теремощка [11, д. 94, л.12].

В храме с. Лопатни того же района прихожанами был установлен иконостас,

отремонтирован алтарь и установлен купол на колокольне. Утварь для церкви была принесена самими прихожанами. Итогом работы приходского совета стало освящение храма 27 апреля 1943 г. [11, д.90, л.54].

12-14 мая 1943 г. в Смоленске проходило очередное заседание епархиального управления, в котором принимали участие благочинный Клинецкого округа протоиерей А. Петровский и настоятель Воскресенского храма архимандрит Павел (Мелетьев). Заседания проходили в присутствии представителей германского командования, местной интеллигенции и администрации. Собрание констатировало увеличение территории епархии, которая была разделена на церковные округа, возглавляемые благочинными: Смоленский, Рославльский, Брянский, Клинецкий, Гомельский, Могилевский, Оршанский, Витебский и Полоцкий. При каждом округе надлежало создать благочинническое управление, включающее благочинного (главного священника округа), одного священнослужителя и одного мирянина. Чтобы полностью пресечь деятельность самозванцев, благочинным поручалось ведение послужных списков священства. Участники вынесли решение о принятии мер к обязательному преподаванию закона Божия в школах епархии. В качестве положительного примера указывался Брянск, где уже велось преподавание указанного предмета, и во всех учреждениях обязательно имелись иконы [11, д. 83, л.6].

По постановлению смоленского епархиального собрания в г. Клинцы должен был открыться семинар для подготовки священнослужителей. Приходские священники округа обязывались оповестить всех верующих и предложить желающим прослушать семинар. Для этого подавались следующие документы: заявление на имя благочинного, документы о возрасте, образовании и семейном положении, отзыв приходского священника.

Длительность семинара должна была составлять три месяца [11, д. 94, л.20].

Большая протяженность Смоленско-Брянской епархии и преклонный возраст не позволяли Стефану в полной мере осуществлять работу по управлению вверенной ему территории. Поэтому, в начале мая 1943 г. епископ Стефан обратился к главе Белорусской церкви митрополиту Пантелеиму с просьбой о рукоположении ему в помощь викарного епископа. В качестве кандидатуры был предложен настоятель Воскресенского храма Брянска архимандрит Павел Мелетьев. 17 июня состоялось заседание синода Белорусской православной церкви, в ходе которого было решено посвятить Павла с титулом «епископ Рославльский, викарий Смоленской епархии». Его рукоположение состоялось 11 июля 1943 г. в кафедральном соборе Минска. Новопосвященный выражал свое недовольство как титулом, так и положением викарного епископа. Павел хотел быть самостоятельным епархиальным архиереем и иметь титул епископа Брянского. Он проигнорировал свое назначение в Рославль, продолжая жить в Брянске и осуществлять свою деятельность на территории Брянского округа [21, с.281].

Освобождение в августе-сентябре 1943 г. западных районов Орловской области сопровождалось бегством коллаборационистов, в том числе священнослужителей и церковных работников, активно сотрудничавших с оккупантами. Имели место случаи и насильственного вывоза священников в обозе отступающей армии [40, с. 55]. Епископ Стефан, в 1944 г. находясь на территории Германии, вошел в юрисдикцию Русской православной церкви за границей [38, с.502]. Павел, оказавшись после войны на территории Австрии, принял унию с католической церковью [27, с.301], став титулярным епископом Гераклеопольским.

В полной мере подлинное отношение захватчиков к религии проявилось в ходе освобождения Брянщины в августе-

сентябре 1943 г. Трагичным для верующих стало отступление германской армии, которое сопровождалось разрушениями храмов и разграблением церковного имущества. В Воскресенском храме Брянска были похищены облачения священнослужителей, ценные иконы, утварь. Взору верующих при возвращении в храм предстал хаос – печи, забитые мусором, разбросанные скамейки, столы и подсвечники. Общий размер убытков составил 191 500 руб. [3, д.139, л.95]. Перед взрывом подвергся разорению Никольский храм Володарского поселка г. Брянска. Были расхищены утварь, иконы и церковные книги на сумму 174 800 руб. [3, д. 139, л.96].

Нацистами были взорваны храмы Володарского поселка и Заречной слободы в Брянске, с. Б. Полпино, два единоверческих храма и часовня в Клинцах, селах Упорой и Скуратово Выгоничского района, поселке Любохна Дятьковского района. При отступлении немцы уничтожили все храмы в Навлинском районе [40, с.55;29, с. 266; 30, с. 138; 32, с. 130]. Все это было характерно и для смоленской епархии.

Итак, в жизни самой крупной религиозной группы на Брянщине, православной церкви, следует выделить три периода. Первый (с августа по декабрь 1941г.) отмечен стихийным открытием храмов и молитвенных домов, фактически без особого контроля со стороны оккупантов. В это время политика новой власти по отношению к церкви и религиозной жизни только формировалась. Для второго периода (январь 1942 г. – февраль 1943 г.) характерно усиление контроля над церковной жизнью со стороны германского руководства, воздействие на внутреннюю жизнь церкви с использованием обрядов для пропаганды идей в нужном оккупантам русле. С февраля по сентябрь 1943 г. православные приходы Брянщины подчинялись главе Белорусской православной церкви. Отмеченный период характеризуется проведением целого комплекса мер

по созданию стройной иерархической системы, унификации церковной службы и усилению власти епископа Смоленского и Брянского. Такая периодизация входит в противоречие с выводом В.Л. Амельченкова о том, что «определенные изменения в нацистской церковной политике на востоке произошли в 1943-1944 гг.» [20, с. 70]. Представленный в статье материал показывает, что эти изменения на уровне местной администрации начались раньше.

Период нацистской оккупации стал временем религиозного возрождения, сопровождаемым открытием культовых зданий, и самое главное, воссозданием церкви как административной структуры. Отсутствие препятствий для открытия культовых зданий и разрешение на внецерковные формы религиозной активности нельзя рассматривать как главную линию оккупантов, нацеленную на возрож-

дение веры, а как тактический шаг, объясняемый стратегическими задачами. Религия для захватчиков воспринималась как один из механизмов воздействия на жителей захваченной советской территории. Без всякого сомнения, лояльное отношение к религиозным процессам, протекавшим в оккупированных советских областях можно воспринимать как форму борьбы с элементами советской идеологии, в частности, с атеизмом.

Картина возрождения религиозной жизни на Брянщине во многом типична для разных районов СССР. Отличия заключаются в большей или меньшей степени разрушения ее материальной базы в довоенные годы, в степени активности разных слоев населения (в том числе священнослужителей) в деле восстановления церкви и организации духовной жизни, в благотворительной деятельности.

Список литературы

1. АУ ФСБ БО 1 – Архив управления Федеральной службы безопасности по Брянской области Д. 3.
2. АУ ФСБ БО 2 - АУ ФСБ БО Д. 33.
3. БГГА – Брянский Городской государственный архив. Ф. 243. Оп.2. Брянская государственная инспектура центрального статистического управления
4. ГАБО 1 – Государственный Архив Брянской области. Ф. П-1650. Оп.1. Брянский штаб партизанского движения
5. ГАБО 2 Ф. П-1672. Оп.1. Навлинский окружной комитет ВКП (б).
6. ГАБО 3 Ф. Р-1757. Оп.1. Общий отдел Брянской городской управы
7. ГАБО 4 Ф. Р-1763. Оп.1. Земельный подотдел городского хозяйства Брянской городской управы.
8. ГАБО 5 Ф. Р-1764. Оп.1. Финансово-налоговый отдел Брянской городской управы.
9. ГАБО 6 Ф. Р-1777. Оп.1. Клетнянская районная стража.
10. ГАБО 7 Ф. Р-2593. Оп.1. Навлинская уездная управа.
11. ГАБО 8 Ф. Р-2600. Оп.1. Редакция газеты «Новый путь».
12. ГАБО 9 Ф. Р-2608. Оп.1. Коллекция документальных материалов периода оккупации Брянской области 1941 – 1943 гг.
13. ГАБО 10 Ф. Р-2962. Запись воспоминаний жителей о войне.
14. РГАСПИ 1 Ф. 625. П.К. Пономаренко
15. РГАСПИ 2 Ф. 69. Центральный штаб партизанского движения.
16. Голос народа.
17. Новый путь.
18. Речь.
19. Севский листок.
20. Амельченков В.Л. Смоленская епархия в годы Великой Отечественной войны. Смоленск, 2006 – 192 с.

21. Афанасий (Мартос), архиепископ. Беларусь в исторической государственной и церковной жизни. Минск, 1990 – 186 с..
22. Беликов В. Война. Впечатления деревенского подростка // До свидания, мальчишки. Мы не были сволочами! М., 2006
23. Дандыкин Т.К. В памяти народной. Брянск, 1973.
24. Жарков М., Ливцов В., Лепилин А. История Орловской епархии. Орел, 2007 – 236 с.
25. Касмовіч Д. За вольную і суверэнную Беларусь. Вільня, 2006 – 196 с.
26. Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941-1944. М., 2004 -483 с.
27. Колупаев Р. Мелетьев Павел, епископ. Католическая энциклопедия. М., 2007. Т. 3.
28. Краткая история Брянской епархии. Брянск, 2009 – 124 с.
29. Локтина Т.И. Выгоничская земля от истоков к будущему. Книга очерков. Брянск, 2007.
30. Любохна. История и люди. Краеведческий очерк. Брянск, 2001 – 189 с.
31. Перелыгин А.И. Русская Православная Церковь в Орловском крае (1917-1953 гг.). Орел, 2008 – 216 с.
32. Перелыгин А.И. Русская православная церковь на Орловщине в годы Великой Отечественной войны // Отечественная история. 1995. № 4.
33. Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995.
34. Романько О.В. Коричневые тени в Полесье. Белоруссия 1941-1945. М., 2008 – 432 с.
35. Серафим (Амельченков), иеромонах. Русская Православная Церковь и общество в период Великой Отечественной войны 1941-1945 годов (на материалах Смоленской области). Смоленск, 2011 – 256 с.
36. Силова С.В. Православная церковь в Белоруссии в период Великой Отечественной войны (1941-1945гг.). Гродно, 2006.
37. Цыпин В. История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды. М., 2006 – 216 с.
38. Шкаровский М.В. Крест и свастика. Нацистская Германия и Православная Церковь. М., 2007 – 512 с.
39. Шкаровский М.В. Приходы Псковской миссии // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. Вып.26-27. СПб., 2002.
40. Якунин В.Н. Русская Православная Церковь на оккупированных территориях СССР в годы Великой Отечественной войны 1941-1945. Самара, 2001 – 226 с.
41. Engelhardt W. Klinzy. Bildnis einer Russidchen Stadt nach ihrer Befriung vom Bolschevismus. Berlin\$ Leipzig, 1943 – 136 s.

THE POLICY OF THE OCCUPATIONAL AUTHORITIES WITH RESPECT TO THE ORTHODOX CHURCH IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (ON THE BASIS OF BRYANSK REGION MATERIALS)

This article consists reconstruction of the picture of the renaissance of religion life of Bryansk region during the Great Patriotic War. There are many features in this life which were very typical for other regions of the USSR. The peculiarity of the Bryansk region consists of different degrees of destroying of churches during 1920-1930's, of levels of population activity in process of renovation of churches and organization of religious life, of philanthropy activity.

Keywords: The Bryansk region, the Great Patriotic War, The Russian Orthodox Church, renaissance of religion life, Nazi administration

References

1. AC FSB BO 1 - Archive of the Federal Security Service Directorate for the Bryansk region D. 3.
2. AU FSB BO 2 - AU FSB BO D. 33.
3. BGGGA - Bryansk City State Archives. F. 243. Op. 2. Bryansk State Inspectorate of the Central Statistical Office
4. GABO 1 - State Archives of the Bryansk Region. F. P-1650. Op. 1. Bryansk headquarters of the partisan movement
5. GABO 2 F. P-1672. Op. 1. Navlinsky district committee of the CPSU (b).
6. GABO 3 F. R-1757. Op. 1. General Department of the Bryansk City Council
7. GABO 4 F. R-1763. Op. 1. The land subdivision of the municipal economy of the Bryansk City Council.
8. GABO 5 F. R-1764. Op. 1. Financial and tax department of the Bryansk city government.
9. GABO 6 F. R-1777. Op.1. Kletnyanskaya district guard.
10. GABO 7 F. R-2593. Op.1. Navlinsk district government.
11. GABO 8 F. R-2600. Op. 1. Editorial office of the newspaper "New Way".
12. GABO 9 F. R-2608. Op. 1. Collection of documentary materials from the period of the occupation of the Bryansk region 1941 - 1943.
13. GABO 10 F. R-2962. Recording the memories of the inhabitants of the war.
14. RGASPI 1 F. 625. P.K. Ponomarenko
15. RGASPI 2 F. 69. Central headquarters of the partisan movement.
16. Voice of the people.
17. A new way.
18. Speech.
19. Sevsky leaf.
20. Amelchenkov, V.L. (2006). Smolenskaya eparhiya v gody Velikoi Otechestvennoi voyny [Smolensk Diocese during the Great Patriotic War]. Smolensk. 192 s.
21. Afanasiy (Martos), (1990). Arkhiepiskop. Belarus v istoricheskoiy gosudarstvennoy i tserkovnoy zhizni [Belarus in the historical state and church life]. Minsk. 186 s.
22. Belikov, V. Voyna. (2006). Voyna. Vpechatleniya derevenskogo podrostka // Do svidaniya, malchiki. My ne byli svolochami! [The war. Impressions of a village teenager // Goodbye, boys. We weren't bastards!]. M.
23. Dandykin, T.K. (1973). V pamyati narodnoy. [In the memory of the people]. Bryansk
24. Zharkov, M., Livtsov V., Lepilin A. (2007) Istoriya Orlovskoiy eparkhii. [History of the Diocese of Orel]. Orel. 236 s.
25. Kasmovich, D. (2006). Za volnyu i suverennuyu Belarus. [For free and sovereign Belarus]. Vil'nya. 196 s.
26. Kovalev, B.N. (2004). Natsistskaya okkupatsiya i kollaboratsionizm v Rossii [Nazi occupation and collaboration in Russia]. M. 483 s.
27. Kolupaev, R. Melet'ev Pavel. Episkop. (2007). Katolicheskaya entsiklopediya. [The Catholic Encyclopedia]. T. 3
28. Kratkaya istoriya Bryanskoi eparkhii. (2009). [Brief history of the Bryansk Diocese]. Bryansk. 124 s.
29. Loktina, T.I. (2007). Vygonichskaya zemlya ot istokov k budushhemu. Kniga ocherkov. [Vygonichskaya land from the origins to the future. A book of essays]. Bryansk.
30. Lyubohna. Istoriya i lyudi. Kraevedcheskiy ocherk. [Lyubokhna. History and people. Local history essay]. Bryansk. 189 s.
31. Perelygin, A.I. (2008). Russkaya pravoslavnaya tserkov' v Orlovskom krae [Russian Orthodox Church in the Orel Region]. Orel. 216 s.

32. Perelygin, A.I. (1995). Russkaya pravoslavnaya tserkov' na Orlovshhine v gody Velikoïy Otechestvennoïy voiny // Otechestvennaya istoriya [The Russian Orthodox Church in the Orel Region during the Great Patriotic War] Russian History. № 4.
33. Pospelovskiy, D.V. (1995). Russkaya Pravoslavnaya TSerkov' v XX veke. [The Russian Orthodox Church in the XX Century] М.
34. Roman'ko, O.V. (2008). Korichnevye teni v Poles'e. Belorussiya 1941-1945. [Brown shadows in Polesie. Belarus 1941-1945] М. 432 s.
35. Serafim (Amel'chenkov), ieromonah. (2001). Russkaya Pravoslavnaya TSerkov' i obshchestvo v period Velikoïy Otechestvennoïy voiny 1941-1945 godov (na materialah Smolenskoj oblasti). [The Russian Orthodox Church and Society during the Great Patriotic War of 1941-1945] On the materials of the Smolensk region. Smolensk. 256 s.
36. Silova, S.V. (2006). Pravoslavnaya tserkov' v Belorussii v period Velikoïy Otechestvennoïy voiny (1941-1945gg.). [The Orthodox Church in Belarus during the Great Patriotic War (1941-1945)] Grodno, 2006.
37. Tsy-pin, V. (2006). Istoriya Russkoïy Pravoslavnoïy TSerkvi. Sinodal'nyi i novejsiiy periody. [History of the Russian Orthodox Church. Synodal and recent periods.] М. 216 s.
38. Shkarovskiy, M.V. (2007). Krest i svastika. Natsitskaya Germaniya i Pravoslavnaya TSerkov'. [Cross and swastika. Nazi Germany and the Orthodox Church.] М. 512 s.
39. Shkarovskiy, M.V. Prikhody Pskovskoïy missii // Sankt-Peterburgskie eparkhial'nye vedomosti. Vyp.26-27. [Parishes of the Pskov Mission] St. Petersburg Diocesan Gazette 26-26. Spb.
40. Yakunin, V.N. Russkaya Pravoslavnaya TSerkov' na okkupirovannykh territoriyah SSSR v gody Velikoïy Otechestvennoïy voiny 1941-1945. [The Russian Orthodox Church in the Occupied territories of the USSR during the Great Patriotic War of 1941-1945.] Samara. 226 s.
41. Engelhardt W. (1943). Klinzy. Bildnis einer Russidchen Stadt nach ihrer Befriung vom Bolshevismus. Berlin\$ Leipzig, 1943 – 136 s.

Об авторах

Дубровский Александр Михайлович – доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени акад. И.Г. Петровского (Россия), E-mail: alexdubr48@mail.ru;

Черняков Дмитрий Игоревич - учитель истории гимназии № 3, Брянск (Россия), E-mail: dm_br@mail.ru;

Кузько Никита Александрович - студент 4-го курса факультета истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени акад. И.Г. Петровского (Россия), E-mail: kuzkon20@gmail.com;

Зайцев Иван Андреевич - студент 4-го курса факультета истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени акад. И.Г. Петровского (Россия), E-mail: i-hah@bk.ru.

Dubrovsky Alexander Mikhailovich - Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University (Russia), E-mail: alexdubr48@mail.ru;

Chernyakov Dmitry Igorevich - teacher of history at gymnasium No. 3, Bryansk (Russia), E-mail: dm_br@mail.ru;

Kuzko Nikita Aleksandrovich - 4th year student of the Faculty of History and International Relations, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University (Russia), E-mail: kuzkon20@gmail.com;

Zaitsev Ivan Andreevich - 4th year student of the Faculty of History and International Relations, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University (Russia), E-mail: i-hah@bk.ru.

УДК 37/09

Ковалев С.А., кандидат исторических наук, соискатель-докторант, Донецкий национальный медицинский университет им. М. Горького, (ДНР).

РАБОЧИЕ КАДРЫ ДОНБАССА В 20–30-Е ГОДЫ XX В.

Рассмотрена необходимость формирования массового пролетариата и сущность развития профшколы в 20–30 годы 20в. Установлена взаимосвязь с основными процессами общественной жизни. Командная система оказалась неэффективной для динамичного развития. Однако она обеспечила предприятия необходимой рабочей силой. Современную инновационную политику на рынке труда следует осуществлять на основе положительного опыта.

Ключевые слова: профшкола, коренизация, классовый подход, соревнование, новаторы.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-01-63-73

В условиях современного рынка перспектива формирования отечественных рабочих кадров заключена в использовании положительного опыта начала XX в.: хозрасчетная бригада и “работа на пай”, ежедневные рапорты-расценки и восстановление премиального фонда мастера. Необходимо шире внедрять бригадно-кооперативные формы труда (сдельно-премиальная оплата и КТУ), акционировать предприятия, переводить их на аренду и широко пропагандировать опыт работы. Не допускать уравниловки в оплате и снижения качества подготовки молодых рабочих. При перепрофилировании предприятий принципиальное значение имеет изучение конъюнктуры рынка труда и переподготовка высвобождаемых рабочих. Предприятия должны иметь льготное налогообложение в счет подготовки кадров, а материальная заинтересованность учащихся может быть обеспечена их работой в малых предприятиях профтехучилищ. Все это - основа современной инновационной политики по формированию рынка рабочей силы.

В 20-е годы XX в. в Донбассе шли бурные процессы преобразования форм собственности и трудовых отношений. При этом низкий уровень квалификации рабочих тормозил ход коренных технических преобразований, осуществляемых на базе новой техники. Поэтому, массовая

подготовка рабочих приобрела важный характер. Всестороннему анализу процесса формирования и подготовки рабочих и посвящена эта статья. В феврале 1921 г. Укрглавпрофобр утвердил Положение о заводском ученичестве металлообрабатывающей промышленности. Его система определила трехгодичное обучение [1]. Вскоре в республике была создана система профтехобразования: стационарные школы ФЗУ (ГПУ), курсы, а также индивидуально-бригадное ученичество. Вопросы строительства фабрично-заводской школы нового типа впервые обсуждались на I-й Всеукраинской конференции по вопросам индустриально-технического образования (г. Харьков, сент. 1922 г.).

Школы ФЗУ создавались на предприятиях тяжелой индустрии, для обучения работавших там подростков. Фабзавучи функционировали как школы-клубы и имели численность учащихся 30-50 чел. Первые фабзавучи в Украине были открыты при Брянском металлургическом заводе в Екатеринославе, судостроительных заводах "Тремсуд и Наваль" в Николаеве [2]. Быстро распространялось массовое профессиональное образование рабочей молодежи и в Донбассе. Здесь школы ФЗУ открыли при Петровском (Енакиеве) и Юзовском металлургических заводах. В угольной промышленности к 1923 г. существовало 15 школ горпромуча (1110 уч-ся).

В 1923-1924 уч. году школами ФЗУ (ГПУ) было охвачено уже 70% подростков, работавших на заводах и 40% на рудниках.

Следует подчеркнуть, что руководство Наркомпроса УССР (Г. Гринько, Я. Ряппо) придерживалось в 20-е годы иной (боротьбистской) точки зрения на развитие массовой профшколы, чем была принята в РСФСР. В Украине пропагандировали идею "монизма" – единства профобразования, в отличие от политехнической школы. В 1924-1925 хоз. году школы ФЗУ (ГПУ) полностью перевели на содержание предприятий, что завершило становление новой системы профшколы. Уже со второй половины 20-х годов фабзавуч стал массовой формой обучения рабочих из молодежи. Важно отметить, что большинство школ ФЗУ (ГПУ) были самокупаемы и финансировались из местного бюджета [3]. Положение о школе ФЗУ 1924 г. установило два типа школ: для подготовки рабочих массовых профессий (2-3 г.) и для подготовки квалифицированных рабочих (3-4 г.). В педколлективах отражались основные процессы общественной жизни того времени: очищение от "носителей кулацкой психологии" [4] и украинизация профшкол. Развитие украинской школы в целом активизировалось с началом деятельности А.Я. Шумского (1924 г.). Основная база учащихся фабзавуча составляла 4 класса.

В 1925-1926 гг. проходила всесоюзная дискуссия о школе ФЗУ. Ряд руководителей считали, что фабзавуч дорог, поэтому его предлагали преобразовать в систему курсов ЦИТа и индивидуально-бригадное ученичество. Последнее было организовано на предприятиях в виде бригад по 10-15 чел. Срок обучения составлял 6 мес., после чего рабочему присваивали 3-4-й разряд. К 1923 г. на предприятиях создали систему дополнительного рабочего образования (ДРО) – для подготовки взрослых рабочих кратко-срочно-инструкторским методом. Она состояла из курсов предварительной квалификации, курсов повышения

квалификации, курсов мастеров и вечерних рабочих техникумов. Со второй половины 1921 г. бесплатное уравнильное распределение периода гражданской войны на предприятиях заменили натуральной зарплатой по труду в товарных рублях (хлеб, жиры, масло, крупы). Важно подчеркнуть, что реальная зарплата рабочих весной 1922 г. не превышала 10-15% от уровня 1914 г. [5].

На 1927-1928 уч. год по тресту "Югосталь" была установлена следующая сеть профученичества: школы ФЗУ – 2900 чел., бригадное ученичество – 1020 чел., курсы – 3850 чел. Интересно, что при годовой смете на одного учащегося – 477 руб., его самокупаемость равнялась 12600 руб. [6]. ДРО обеспечивало возможность рабочим повышать квалификацию и приобретать общеобразовательную подготовку. Это был самостоятельный вид обучения параллельный школе ФЗУ. Значительная роль в подготовке квалифицированных рабочих для промышленности и транспорта Украины принадлежала Центральному институту труда (ЦИТ ВЦСПС, рук. А.К. Гастев). Его методика психофизиологии труда (тренажа) заслуживает критики, но благодаря деятельности курсов и учебных баз акционерного треста "Установка" с 1925 по 1930 гг. в республике без больших материальных затрат было подготовлено 36 тыс. рабочих, в основном строителей и металлистов. Член коллегии Наркомпроса УССР А.К. Гастев писал: "НОТ основана на строго учтенном опыте. Пора перестать надеяться на заморское счастье. А ты сам сделай чудо у себя дома – победи с парой инструментов и твоей волей." [7].

В марте 1929 г. на основе постановления союзного правительства была осуществлена реформа профшколы. За органами просвещения сохранялся методический контроль. Укрглавпрофобр ликвидировали, а фабзавуч передали в подчинение Управления курсовой подготовки при ВСНХ УССР. Принимались подростки 14-16 лет. Были созданы два типа школ

ФЗУ: ШУМП – для подготовки рабочих низшей квалификации (2 г.) и универсалов – средней и высокой квалификации (3 г.). Реформа упростила и приблизила фабзавуч к бурно развивающемуся производству. В 1929 г. уже 97% детей обучалось на украинском языке. Наркомпрос УССР Н.А. Скрыпник внедрял украинский язык как часть политики большевиков по коренизации – укреплению власти за счет местного населения [8]. С 1921 по 1929 гг. количество школ ФЗУ в республике увеличилось с 32 (2 тыс. уч-ся) до 191 (23,4 тыс. уч-ся) [9].

Таким образом, в условиях НЭПа в Украине была определена основная форма подготовки квалифицированных рабочих: школа ФЗУ (ГПУ), дававшая политехнические знания, общеобразовательную подготовку и практические навыки. Реформа 1929 г. создала парадигму в виде близкого к оптимальному соотношению практического и теоретического обучения (1:1). Данный опыт может быть использован и в современный период. Тогда предприятиям передали 35 тыс. квалифицированных рабочих, фабзавуч стал признанной формой подготовки рабочей силы. В деятельности профшколы обеспечивалось гармоничное единство принципов демократии и госконтроля.

Одновременно продолжалась работа и по мотивации труда. Уже с октября 1923 г. зарплата рабочим начислялась в золотых рублях. Если в 1924 г. средняя зарплата рабочих в Украине составила 39 червонцев (что превысило довоенный уровень), то в 1928 г. она равнялась уже 71,7 руб., а в 1929 г. – 77 руб. [10].

После пересмотра темпов индустриализации и начала формирования антигуманной командной системы, охватившей все сферы общества, – силовые методы утвердились и в системе подготовки кадров. Теперь все проблемы решал Центр. Постепенно общеобразовательный курс в фабзавуче уменьшался. Несмотря на ускоренные темпы подготовки, удельный вес квалифицированных рабочих значительно

отставал от их общего прироста. Параллельно с укреплением бюрократической системы свертывалась и политика украинизации. Продолжалось обучение на предприятиях вновь поступивших рабочих без отрыва от производства. В частности бригадир получал за наставничество дополнительно 3% от зарплаты бригады.

По данным профессора З.Г. Лихолобовой, школы ФЗУ (ГПУ) за 4 года первой пятилетки подготовили только для Донбасса 30 тыс. горняков и 13 тыс. металлистов. Внимание обращалось на обучение машинистов врубмашин, электрослесарей. ШУМП готовили крепильщиков и бурильщиков [11].

В 1930 г. была развернута кампания по завершению перехода к обязательному начальному образованию и политехнизации школ. В связи с этим, с 1931 г. срок обучения в ФЗУ сократили до 2-х лет. В 1926 г. началась деятельность УкрНИИ педагогики по созданию научно-методической базы профшколы. За 1929-1932 гг. фабзавуч Украины подготовил 82320 рабочих, что составило 42% потребностей народного хозяйства [12]. Остальные рабочие были подготовлены курсовой сетью предприятий.

В апреле 1931 г. школы ФЗУ отметили 10-летний юбилей, чему посвящалась декада-смотр. Лучшими признали школы: Сталинского металлургического, Харьковского электромеханического заводов и Киевского завода "Большевик". Школа ФЗУ Сталинского завода была создана в 1920 г. по инициативе комсомольцев. За 10 лет этот фабзавуч прошел путь от выпусков 20-25 чел. до 800-900 чел. [13].

В июле 1931 г. проводилось Всеукраинское совещание работников школ ФЗУ, рекомендовавшее превратить их в комсомольские. В поисках активных форм обучения профтехшкола в 20-30 гг. широко использовала зарубежные методики, в частности Дальтон-план (США), а также отечественный опыт педологии. Рациональный компромисс коллективных форм обучения с индивидуальным

подходом к личности подростка вполне применим и сегодня. Тогда же, новаторство в педагогике было осуждено, что достойно лишь сожаления.

В начале 1932 г. по инициативе газеты "Комсомольская правда" и ВЦСПС был проведен I Всесоюзный смотр школ ФЗУ по совершенствованию учебного процесса, в котором участвовали 138 пед. коллективов Украины.

Нельзя не согласиться с анализом состояния народного образования в Донбассе, сделанным исследователем Л.С. Трубниковой. В условиях догматизма духовной жизни был удобен специалист с ограниченным интеллектом. Он легко вписывался в теорию "винтиков промышленности" и был надежен при реализации системой лозунга "обострения классово-борьбы". [14].

По мнению большинства исследователей с возвращением в Украину П.П. Постышева в январе 1933 г. началась форсированная подготовка кадров рабочего класса [15]. Тоталитарному режиму было проще подвергнуть молодое поколение идеологической обработке на принципах пролетарского интернационализма. Вот почему в 1933 г. в школах ФЗУ ввели должность помощника директора по политической работе. Функции помполита включали: организацию политучебы, культурно-массовой и идейно-воспитательной работы. Данная должность являлась номенклатурой парторганов, а помполит был первым заместителем директора. В том же 1933 г. покончил жизнь самоубийством бывший член Петроградского ВРК в октябре 1917 г., бывший наркомпрос Украины Н.А. Скрыпник. В последующий период система профшколы подверглась не только количественным, но и коренным качественным изменениям. Это было связано с завершением технической реконструкции народного хозяйства, становление командной системы.

Проблема подготовки рабочих кадров в период индустриализации объективно могла быть решена двумя путями:

исходя из необходимости обучения рабочих в конкретном регионе и ускоренной подготовкой рабочих массовых профессий. Утвердившаяся командно-административная система однозначно избрала второй путь.

Новый этап в развитии системы ФЗУ (ГПУ) был связан со второй реформой, начатой в сентябре 1933 г. Если в прежние годы фабзавуч развивался как профессионально-политехническая школа, с элементами общеобразовательных знаний, то теперь его преобразовали в профтехническую школу, выпускавшую малоквалифицированных рабочих массовых профессий. Такая подготовка рабочих была дешевле, быстрее, но ограничивала развитие личности подростков. Для инициаторов реформы главным было то, что, несмотря на имевшие место успехи, потребности промышленного производства в рабочей силе не удовлетворялись. Поэтому срок обучения в школах ФЗУ для массовых профессий теперь уменьшился с 2-х лет до 6 мес., а для рабочих сложных специальностей с 3-х лет до 1 года. Такая трансформация снизила качество обучения, Наркомпрос был отстранен от решения дидактических задач. Каждый из выпускников был обязан отработать не менее 3-х лет по полученной специальности. Реформа в корне перестроила весь учебный процесс. Теперь 80% учебного времени отводилось на производственное обучение и только 20% - на изучение спецдисциплин. Общеобразовательные предметы вообще исключались из учебных программ. Для укрепления материальной базы фабзавуч передавался Главному управлению учебных заведений НКТП СССР на Украине, отраслевым наркоматом, т.е. вновь в подчинение предприятий. Школы ФЗУ стали вспомогательными цехами заводов. Основным источником их комплектования как и раньше были подростки 15-16 лет, но теперь в первую очередь принимали детей рабочих-передовиков. Так называемый "классовый принцип" нанес

большой вред в конечном счете нуждам производства. Особенностью реформирования школ ФЗУ было также сокращение количества специальностей (с 365 до 55). Теперь центральной фигурой являлся не преподаватель спецдисциплин, а инструктор производственного обучения, как правило, сам имевший только начальное образование. Поэтому, руководство учебных заведений стали в большей степени волновать проблемы повышения квалификации инструкторов. С целью улучшения материального положения "фабзайчат" в 1934 г. ввели более высокую оплату их обучения. Учащиеся первого года по новой тарифной сетке (I р.) на холодных работах получали 57-61,5 руб. (ранее 30-35 руб.) [16]. Средняя зарплата рабочего в тяжелой промышленности Украины в 1934 г. формально составила 148,4 руб. [17]. Фактически же, хлебный кризис и голод 30-х годов заставили вновь ввести карточки на основные продукты питания (1928-1935 гг.). Уже в начале I пятилетки курс рубля упал и только в 1940 г. реальная зарплата рабочего достигла уровня 1928 г., т.е. 72 руб.

Определенное значение по обобщению передового опыта работы и повышению методического уровня фабзавуча имела деятельность опорных школ, созданных в 1934 г. при областных методкабинетах профтехобразования. Необходимо подчеркнуть, что реформа профшколы 1933 г. была неудачной. Погоня за "валом" привела к резкому снижению качества обучения, методический контроль со стороны отраслевых наркоматов был невысок. Разрыв производственного и политехнического обучения в принципе не соответствовал растущим требованиям к уровню знаний рабочих, обслуживавших современную технику. Краткие сроки обучения ограничивали резерв для подготовки сложных специальностей. В процессе трансформации фабзавуча латентно были заложены элементы волюнтаризма, обусловленные крепнувшей бюрократической системой

[18]. Последние 3-5 мес. учащиеся вынуждены были работать под руководством инструкторов непосредственно у станка и доучиваться. Выпускникам присваивали 4-5 разряды. Попыткой исправить допущенную ошибку явилось постановление правительства "О сроках обучения в школах ФЗУ" (авг. 1935 г.), разрешившее Наркомтяжпрому СССР продлить сроки обучения до 2 лет [1]). Однако, соотношение между производственным и теоретическим обучением осталось прежним (4:1). Вместе с тем, вновь ввели общеобразовательные предметы, а для сложных специальностей – третий год обучения.

В течение 2-й пятилетки школы ФЗУ Украины подготовили 220 тыс. чел. Только для Донбасса было подготовлено 80 тыс. рабочих [20]. Компартия тщательно готовила кадры "рабочей аристократии". Вместе с тем, фабзавуч дал путевку в жизнь и многим действительно талантливым людям. Выпускники фабзавуча тех лет стали в дальнейшем известны всей стране: И. Коробов – обермастер доменного цеха (г. Макеевка), И. Соchan – начальник прокатного цеха (г. Днепропетровск), П. Кривонос – начальник Юго-Западной железной дороги (г. Киев), В. Глушко и С. Королев – академики-ракетчики, С. Амет-хан – летчик-испытатель, Г. Пономаренко – ректор Донецкого госуниверситета.

Структурная перестройка системы профтехобразования 1935 г. повысила качество подготовки рабочей силы, но кардинально изменить ситуацию не смогла. К 1940 г. система ФЗУ себя исчерпала, количество школ и учащихся резко сократилась, подготовленное количество рабочих теперь лишь на 25% удовлетворяло запросы предприятий. За 1938-1940 гг. фабзавуч подготовил 165 тыс. чел. Ряд отраслей вообще не имел своих школ и предприятия довольствовались неквалифицированными рабочими, что приводило к авариям. В 1939 г. школы ФЗУ были цехами предприятий 21 наркомата, что

имело следствием низкое качество обучения и вело к сокращению количества учебных заведений. Все эти причины лежали в основе третьей реформы системы подготовки рабочих кадров, призванной решить противоречия между растущей потребностью промышленности в квалифицированных рабочих и низким уровнем организационного и дидактического руководства фабзавучем.

В октябре 1940 г. было создано Главное управление гострудрезервов при СНК СССР и аналогичные в республиках. Планировалось ускоренное обучение молодежи в ремесленных, железнодорожных училищах и школах ФЗО. Для подготовки квалифицированных рабочих создавались ремесленные училища: металлистов, химиков и железнодорожные училища – для подготовки помощников машинистов и слесарей (2 г.). В училища призывались подростки 14-15 лет. А для подготовки рабочих массовых профессий (угольной, строительной и др. отраслей) создавались школы ФЗО (6 мес.). В них призывали юношей 17-18 лет. Учащиеся находились на полном обеспечении государства, вводилась единая форма одежды.

С октября 1940 г. с помощью органов НКВД началась мобилизация в учебные заведения Гострудрезервов. Было проведено 2 призыва: 85% призывников для школ ФЗО составила сельская молодежь, а 60% контингента училищ – представители городской молодежи. За 2 месяца в Украине организовали 316 учебных заведений трудовых резервов. Если в школах ФЗО обучалось 63,8 тыс. чел., то уже первый призыв дал 115 тыс. чел. Указом от 28.12.1940 г. установили уголовную ответственность за самовольный уход из училища (школы) [21]. В мае 1941 г. первый выпуск трудовых резервов в Украине составил 80 тыс. чел. [22], что частично обеспечило ее промышленность резервом рабочих. Создание массовой системы подготовки рабочей силы способствовало общему подъему культурно-технического уровня рабочего класса Украины.

В результате анализа основных тенденций развития системы ПТО в СССР в 1929-1941 гг. можно сделать следующие выводы. Подход к решению проблемы воспроизводства рабочей силы определялся господствующей командной системой, монополией одной партии в сфере политики и экономики, идеологии и нравственности, методом "проб и ошибок". Соответственно: I реформа профшколы близка к оптимальной, II реформа была неудачна, а III реформа решила задачу подготовки рабочих половинчато, в количественном измерении.

С началом индустриализации активно велась работа и по подготовке рабочих без отрыва от производства. Но только в 1931 г. было завершено создание системы дополнительного рабочего образования (ДРО), охватившего всех взрослых рабочих. Она состояла из: курсов введения в производство, производственно-политехнических курсов, рабочих технических школ. В то же время Центральный институт труда был передан из ВЦСПС в подчинение ВСНХ, а затем в наркомат оборонной промышленности. Его установочные цехи стали прообразом современных учебно-курсовых комбинатов. К сожалению, в 1941 г. А.К. Гастев был репрессирован.

Как сказано выше, в 1932 г. фабзавуч удовлетворил потребности производства на 42%, остальная часть рабочих готовилась курсами ДРО. Последнее в годы первой пятилетки сыграло важную роль, но при этом имело выраженный общеобразовательный характер. Поэтому, в 1933-1936 гг. парторганизации на предприятиях реорганизовали сеть курсов. Одной из причин этого был провал реформы фабзавуча 1933 г. Теперь срок обучения взрослых сократился, а вся их подготовка унифицировалась вначале в виде производственно-технических курсов 1-2 ступени (6-10 мес.), а затем в виде курсов техминимума 1-2 ступени (30-120 час.), последним соответствовали стахановские школы передового опыта и курсов мастеров соцтруда (2-2,5 г.). Теперь курсовая сеть давала

подготовку только в интересах производства.

В 1936 г. в тяжелой промышленности Украины новой системой подготовки кадров было охвачено 500 тыс. чел., из них 224 тыс. чел. сдали гостехэкзамен [23]. В 1928-1940 гг. на территории Юго-Восточной Украины курсы мастеров соцтруда имели 56 предприятий с контингентом 50 тыс. чел. [24].

Таким образом, созданные в предвоенный период гострудрезервы и сеть курсов по обучению рабочих дали возможность обеспечить промышленность десятками тысяч рабочих, способствовали повышению их трудовой активности. Проблема за 20 предвоенных лет была разрешена лишь количественно (подготовлено и переподготовлено 5 млн. чел.), но качество их обучения было низким (стационарную школу прошла лишь 1,7 часть рабочих, (25-42% потребностей).

Большое значение по повышению профессионального уровня рабочих имела деятельность общественных организаций по технической пропаганде. В условиях сезонного отходничества основным каналом технической информации для рабочих были земляческие отношения. С 1927 г. широкую пропаганду стало осуществлять республиканское общество «Техника – массам». Повсеместно для ликвидации неграмотности рабочих на предприятиях работали технические станции. В 1932 г. провели Всеукраинскую техническую эстафету, в ходе которой создавались сотни бригад ДИП «догнать и перегнать».

Этносоциальный состав рабочих Украины значительно изменился в предвоенный период. В 1923 г. в Донбассе, в результате многомесячной задержки заработной платы начались массовые стачки рабочих ("волынки", 60тыс.чел.). Тогда органы ГПУ впервые привлекли к ответственности 10 рабочих [25]. Только в Донецкой области в 30-е годы репрессировали 50 тыс. чел. [26]. Интересно, что самую большую социальную группу из числа

репрессированных составляли рабочие – 40,5% [27]. Видимо в таком показателе отразился страх властей перед опытом стачечной борьбы рабочих, их организованностью.

Несмотря на значительный прилив рабочих из других республик, удельный вес украинцев в промышленности увеличился с 52% в 1921 г. до 66% в 1940 г. [28]. Развитие Донбасса спасало крестьян от голода и колхозных трудодней. При этом маргинализация рабочих, их крестьянско-люмпенское происхождение на 70–80%, позволило партийным функционерам ликвидировать рыночные отношения, дискредитировать инженерно-технических работников, легко манипулировать сознанием масс.

Постепенно рост уровня профподготовки рабочих наглядно проявлялся в ходе трудового соревнования и особенно движения новаторов, инициированного компартийной элитой. В 1927 г. на большинстве предприятий Украины действовали цеховые совещания, рассматривавшие вопросы экономии ресурсов и совершенствования технологии. Около 140 тыс. рабочих выдвинули на руководящие должности. Так, бывший коногон Е.Т. Абакумов возглавил Рутченковское шахтоуправление в Юзовке, где его помощником по политработе с 1920 г. был Н.С. Хрущев.

В марте 1925 г. ВУЦИК наградил орденом Трудового Красного Знамени УССР 26 шахтеров – Героев Труда: Н. Бурлуцкого, В. Елинаруенко и др. Политика выдвиженчества и репрессий привела к потере монолитности рабочего класса, снижению его квалификации. Возникло напряжение между властями и "субпролетариатом", пришедшим из презираемой, доколхозной деревни [29]. Сталин умело использовал то обстоятельство, что неграмотный человек стоит вне политики, имея слабое представление о демократии [30]. Энтузиасты-выдвиженцы верили вождю, но их личная судьба часто оказывалась трагичной. Кризисный социум порождал амбивалентность,

двойственность сознания.

Важным способом активизации масс были проводимые профсоюзами смотр-конкурсы. В 1931 г. союз горнорабочих провел смотр экономии горючего и энергии. В дальнейшем такие конкурсы стали основой подписания колдоговоров. Подготовленные рабочие стали движущей силой массового трудового соревнования, начавшегося в 1929 г. Его основу заложило движение ударников. Значительное место в трудовом творчестве рабочих заняла деятельность хозрасчетных бригад в 1931-1933 гг. В начале первой пятилетки между собой соревновались 262 предприятия (150 тыс. чел.) [31]. Однако элементы самоуправления и мотивации труда в бригадах в дальнейшем не нашли поддержки руководства. По мнению исследователя М. Ковалюка, "... планируя ускорение темпов, В.В. Куйбышев и его команда технократов надеялись, что рабочий класс без материального стимула обеспечит выполнение повышенных заданий" [32].

План 1928/29 хоз. года промышленность Украины выполнила на 104%, при этом брак составил 30-40%. Деловые предложения рабочих далеко не всегда принимались во внимание. Я. Дедалевский, в свое время высказал суждение, что методы соревнования обернулись в систему страшной эксплуатации человека государством [33].

Внедрение непрерывной работы врубных машин по методу инженера К. Карташова с 1931 г. значительно повысило производительность труда и материальную заинтересованность шахтеров - "работа на пай". Одной из форм технического творчества рабочих стало их рационализаторство.

В июле 1931 г. в "Рабочей газете" выступили прокатчики Керченского завода им. Войкова с инициативой о преодолении цеховщины и закреплении за ветеранами по 3-5 новичков. Их почин продолжили изотовцы. Изотовские школы содействовали развитию ударничества, обучению молодых рабочих. В

1933 г. на красноармейской шахте им. Димитрова врубмашинист И. Жуков и начальник участка И. Бридько также достигли высоких показателей, работая циклично новаторскими методами.

Следовательно, в годы предвоенных пятилеток промышленность Украины поднялась на качественно новый уровень развития. Решающей силой технической реконструкции народного хозяйства явились подготовленные за тот период многочисленные кадры рабочих, обладавшие не востребованным запасом технического и социально-политического потенциала. Повышение профессионального уровня рабочих опосредовано вело и к совершенствованию организации их труда: производственные совещания, хозрасчетные бригады, наставничество и новаторство. В то же время, если в 1924 г. американский рабочий получал в день 5-6 долл., английский - 2,2, немецкий - 1,5, то советский лишь 0,8 [34]. Годовая производительность труда в 1930 г. на одного рабочего была в 5-6 раз ниже по углю и стали чем в США [35]. Следует подчеркнуть, что смертельный травматизм в отечественной угольной промышленности на 1 млн. т добытого угля в 1935 г. составил 12,4 чел. (в США - 3,01 чел.) [36]. Индекс цен также увеличивался: в 1913-1922 гг. - в 1,7 млн. раз [37], в 1928-1932 гг. - в 2,6 раза, в 1928-1940 гг. - в 6,4 раза [38].

Таким образом, меры предпринятые руководством СССР в 1921-1941 гг. по профобучению и мотивации труда рабочих дали определенные положительные результаты. Но эти достижения не были долговременными, так как обеспечивались не экономическим регулированием, а в основном за счет отчуждения рабочих от результатов своей деятельности. Система профподготовки имела те же успехи и социальные болезни, что и весь общественный организм в целом. Равнодействующая диагональ, параллелограмма политических сил равнялась низкой производительности труда. Это основной показатель уровня

воспроизводства рабочей силы. Система профтехобразования оказалась неэффективной для решения качественных задач экономики - ибо действовала в условиях командной системы и однопартийности. В то же время она в значительной мере все-таки "утолила голод" промышленных предприятий в рабочей силе, содействовала решению задач технической реконструкции народного хозяйства Украины.

Следует подчеркнуть, что развитие отечественной профшколы в предвоенный период имеет много общего с современностью. Но если тогда рост производства и конвертируемый червонец содействовали ее укреплению, то сегодняшней экономической кризис несет опасность повторения негативного опыта реформы 1933 г., когда с целью массовой подготовки дешевой рабочей силы школы ФЗУ были переданы в подчинение предприятий и стали штамповать малограмотные "винтики промышленности". Производительность труда советских рабочих так и осталась в 2 раза ниже американских, а разрыв в номинальной зарплате рабочих и ИТР в 1940 г. составил 197% (в 1917 г. - 180%).

Фактически же он был еще больше. Ежемесячное потребление мяса индустриальным рабочим в 1940 г. составило 1,7 кг, что меньше чем в 1913 г. (2,4 кг) [39].

Выход из современного системного социально-экономического кризиса в Украине видится в глубоком этнополитическом анализе развития общества указанного периода, практических выводах из него. В 1920-30 годы проблемы профобучения, социального партнерства, мотивации труда решали за счет интеграции, акционирования и структурной перестройки производства, самокупаемости фабзавуча. Все это вызывало трудовой энтузиазм рабочих. Следует подчеркнуть, что по данным Минстата индекс производительности труда в промышленности Украины в 1997 г. составил 76%, 1990 г. - 100% [40]. Только в 1999г. прекратился спад производства, но его объем в 2000г. составил лишь 58% от 1990г. [41].

Особую актуальность профессиональное образование и мотивация труда рабочих имеют для восстановления Донбасса, сильно пострадавшего в ходе боевых действий с 2014г.

Список литературы

- 1.Верт Н. История советского государства. -М., 1995, 230с.
- 2.Вісник проффруху України. -1929, №24
- 3.Вопросы труда. -1930, №7-8
- 4.Гастев А. Поэзия рабочего удара. -М., 1971, 235с.
- 5.Гордон Л., Клопов Э. Что это было?. -М., 1989, 250с.
- 6.Даниленко В. Сталінізм на Україні. -К., 1991, 220с.
- 7.Дедалевський Я. Робітництво І більшовизм. - Роттердам, 1948, 25с.
- 8.Донецкий облгосархив. -ф.Р-1, оп.1, д.347, л.29.
- 9.Запорожский облгосархив. -ф.Р-785, оп.4, д.3, л.105.
- 10.Зевелев А. Истоки сталинизма. -М., 1990, 60с.
- 11.Индустриально-техническое образование. -Харьков, 1923, 23с.
- 12.История советского рабочего класса. -М., 1984, т.3, 350с.
- 13.Коваль М. Історія України. -К., 1992, 315с.
- 14.Коновалов М. Вирішальна сила соціалістичної реконструкції. -К., 1973, 155с.
- 15.Краснонос Ю. Формирование кадров рабочих угольной промышленности Украины. Дис. канд. ист. наук. -Донецк, 1995, 226с.
- 16.Культурне будівництво Української РСР. -К., 1940, 250с.
- 17.Лихолобова З. Рабочие Донбасса в годы первых пятилеток. -Донецк, 1973, 150с.
- 18.Опыт работы школы ФЗУ СМЗ. -Сталино, 1935, 35с.
- 19.Попов В., Шмелев Н. На развилке дорог. -Студенческий меридиан. -1989, №1.

20. Правда через роки. - Донецьк, 1995, 150с.
21. Промышленность и рабочий класс Украинской ССР в период построения фундамента социалистической экономики. - К., 1966, 316с.
22. Пузанов М., Терещенко Г. Очерки истории ПТО в УССР. - К., 1980, 150с.
23. Робітнича освіта, 1932, №4, 45с.
24. Ряппо Я. Проблема профессионализма и политехнизма в советской школьной системе. - Харьков, 1929, 27с.
25. Сборник законов СССР. - М., 1945, 250с.
26. Семененко В. Історія Східної України. - Харків, 1995, 250с.
27. Сталин И. Статьи и речи об Украине. - К., 1936, 250с.
28. Статистичний щорічник України за 1997р. - К., 1999, 350с.
29. Тощенко Ж. Прекариат. - М., 2018, 250с.
30. Трубникова Л. // Новые страницы истории Донбасса. - кн.2, Донецк, 1992, 120с.
31. Україна. - К., 2001, 250с.
32. Харьковский облгосархив. - ф.Р-3858, оп.1, д.125, л.105.
33. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВОВУ Украины). - ф.166, оп.2, д.309, л1-2, ф.1252, оп.1, д.57, л.5, ф. 1280, оп.1, д.50, л16.
34. Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦГАОО Украины). - ф.7, оп.3, д.1433, л.57.
35. Шаповал Н. Большевизм и Украина. - Прага, -1926, 30с.
36. Шарпаций В. Діяльність М. Скрипника на чолі наркомату освіти України. Автореферат дис. канд. іст. наук. - Запоріжжя. -1994, 22с.

WORKERS IN DONBASS IN THE 20-30S OF THE XX CENTURY

The necessity of mass proletariat formation and the essence of the professional school development in 1920-1930 have been considered in the article. Interconnections with main processes of public life such as enthusiasm, class approach and corenization have been cleared up in the article. Command system proved to be non-effective in solving problems dynamic development. But still it provided enterprises with manpower. The modern innovation policy in manpower market should be formed on the basis of the positive experience.

Keywords: vocational schools, indigenization, class approach, competition, innovators.

References

1. Vert N. Istoriya sovetskogo gosudarstva [History of the Soviet State]. - М., 1995, 230p.
2. Trade union newsletter Ukraine. -1929, №24.
3. Labour issues. -1930, №7-8.
4. Gastev A. Poeziya rabocheho udara [Poetry of the working stroke]. - М., 1971, 235p.
5. Gordon L., Klopov E. Chto eto bylo? [What it was?]. - М., 1989, 250p.
6. Danilenko V. Stalinism of Ukraine. - К., 1991, 220p.
7. Dedalevsky J. Workers and Bolsheviks. - Rotterdam. -1948., 25p.
8. Donetsk Regional Archives. -f. R-1, in.1, b.347, p.29.
9. Zaporizhya Oblast Archive. -f. R-785, in.4, b.3, p.105.
10. Zevelev A. Istoki stalinizma [Origins of Stalinism]. - М., 1990, 60p.
11. Industrial'no-tehnicheskoe obrazovanie [Technical and industrial education]. - Khar'kov, 1923, 23p.
12. Istoriya sovetskogo rabocheho klassa [History of the soviet working class]. - М., 1984, v.3, 350p.
13. Koval M. History of Ukraine/-К., 1992, 315p.
14. Konovalov M. The decisive force of socialist reconstruction. - К. 1973, 155p.

15. Krasnonosov J. Formirovanie kadrov rabochih ugol'noi promyshlennosti Ukrainy [Formation of personnel of workers of the coal industry of Ukraine]. Dis. kand. ist. sci. -Donetsk, 1995, 226p.
16. Cultural construction of the Ukrainian SSR. -К., 1940, 250p.
17. Likholobova Z. Rabochie Donbassa v gody pervykh pyatiletok [Laborers of the Donbasse during the first five years]. -Donetsk, 1973, 150p.
18. The experienced the school of FZU SMZ. -Stalino, 1935, 35p.
19. Popov V., Schmelev N. Na razvilke dorog [At a fork in the road]. -Student meridian. -1989, №1.
20. But over years. -Donetsk. -1995, 150p.
21. Industry and working class of the Ukrainian SSR in the period of building the foundations of the socialism economy. -К., 1966, 316p.
22. Puzanov M., Terechenko G. Ocherki istorii PTO v USSR [Essays on the history of TVET in the Ukrainian SSR]. -К., 1980. 150p.
23. Working education. -1932, №4, 45p.
24. Ryappo J. Problema professionalizma i politehnizma v sovetskoj shkol'noi sisteme [Problem of professionalism and polytechnism in the soviet school system]. -Kharkiv., 1929, 27p.
25. Collection of Laws of the USSR. -М., 1945, 250p.
26. Semenenko V. History of Eastern Ukraine. -Kharkiv, 1995, 250p.
27. Stalin J. Stat'i i rechi ob Ukraine [Articles and speeches about Ukraine]. -К., 1936, 250p.
28. Statistical year book Ukraine for 1997. -К., 1999, 350p.
29. Toshenko J. Precariat [Precariat]. -М., 2018, 250p.
30. Trubnikova L. // Novye stranicy istorii Donbassa [New pages in the history of Donbass]. -b.2, Donetsk, 1992, 12p.
31. Ukraine. -К., 2001, 350p.
32. Kharkiv regional state archive. -f. R-3858, in.1, b.125, p.105.
33. Central'nyi gosudarstvennyi arhiv vysshih organov vlasti i upravleniya Ukrainy (CGAVOVU Ukrainy) [Central State Archive of the Supreme Authorities and Administration of Ukraine (CSASAA of Ukraine)]. -f.166, in.2, b.309, p.1-2, f.1252, in.1, b.57, p.5, f.1280, in.1, b.50, p.16.
34. Central'nyi gosudarstvennyi arhiv obschestvennykh ob'edinenii Ukrainy (CGAOO Ukrainy) [Central State Archive of Public Associations of Ukraine (CSAPA of Ukraine)]. -f.7, in.3, b.133, p.57.
35. Shapoval N. Bol'shevizm i Ukraina [Bolshevism and Ukraine]. -Prague, 1926, 30p.
36. Sharpathy V. Activity M. Skripnika in charge of Peoples commissariat of education Ukraine. Abstrakt of the sis for candidate of sciences in History. -Zaporizhzhia. -1994, 22p.

Об авторе

Ковалев Сергей Александрович - кандидат исторических наук, докторант–соискатель ДонНМУ, ДНР, shakhtar1509@mail.ua.

Kovalev Sergey Aleksandrovich - candidate of historical sciences, doctoral candidate DonNMU, DNR, shakhtar1509@mail.ua.

УДК 904: 72.470.26

Кулаков В.И., доктор исторических наук, Институт археологии РАН, (Россия)

ТИПОЛОГИЯ И ХРОНОЛОГИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ УРН ЭСТИЕВ И ПРУССОВ

Сосуществование нескольких типов урн в погребальных древностях эстиев и пруссов свидетельствует о том, что в сознании членов общин (очевидно – в основном женщин) существовали прототипы урн, имевшие для (вынужденных) керамистов значение этно-культурных ориентиров. Упомянутые обитатели Янтарного берега начала нашей эры именовались германцами *Aestii* (древнегерм. - ”живущие на востоке”). Низкое качество урновой керамики, их слабый обжиг характеризуют незначительную профессиональную подготовку членов родового коллектива, вынужденных заниматься формовкой сосудов лишь по необходимости подготовить урну к похоронам родственника. Крупные размеры основной части типов урн нашего массива являются, очевидно, результатом неких культовых норм. Прах с костра и кремнированные останки погребённого вместе с его инвентарём занимают малую часть объёма урны и не обязательно находились у её дна. Существовавшие в традициях населения Янтарного берега на протяжении полутысячелетия, урна, как выяснилось, могут содержать информацию хронологического и этно-культурного характера, а не просто фиксироваться археологами как вместилище праха погребённых.

Ключевые слова: Балтия, эстии, пруссы, погребения, урны, типология.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-01-74-89

Одной из форм массовых находок на могильниках эстиев римского времени и пруссов в начале эпохи Великого переселения народов являются погребальные урны. Упомянутые обитатели Янтарного берега начала нашей эры именовались германцами *Aestii* (древнегерм. - ”живущие на востоке”). Их землю многие историки именовали вплоть до IX в. “Эстланд” (та же “Восточная Страна”). Упомянутые Тацитом, эстии являлись носителями древностей самбийско-натангийской группы западнобалтской культуры. Погребальные урны являлись одним из ведущих признаков упомянутых древностей. Ещё в сер. XIX в., на заре прусской археологии, члены Общества «Пруссия», проводившие раскопки могильников Самбии, стали обращать на необычно крупные по своим размерам погребальные урны (рис. 1). Считалось, что эти урны, достигавшие высотой более 50 см, изготавливались из глинистой земли с примесью дроблёного гранита и орнаментировались по кромке венчика [12. S. 134]. Первый опыт типологии урн первой пол. I тыс. лет н.э. предпринял отец прусской археологии Отто Тишлер в кон. XIX в.

Эта типология, осуществлённая на материале могильника Dollkeim/Коврово, была представлена лишь в графической версии и лишена аргументации (рис. 2). Ранее Г. Берендт обратил внимание на динамику высот урн, в ряде случаев стандартизованных (рис. 3,8-12). А. Хенше, один из первых исследователей погребальных древностей исторической Пруссии, сказал: «Тщательное изучение разнообразных форм урн может в нашей провинции (К.В. – Вост. Пруссия) совершенно по особенному служить познанию погребений во временном и этническом аспектах» [13. S. 157]. Несмотря на это заявление, никто из представителей старой прусской археологической школы не взялся за изучение столь важного аспекта археологии Янтарного края. Более того, в кон. XIX в. в ряде случаев при раскопках погребений из урн выбирались находки, а сами погребальные сосуды, серьёзно повреждённые раскопщиком, оставались пустыми *in situ* [5. с. 179]. Кстати, урны подвергались и другой форме разрушения: их верхние части фрагментировались ввиду эрозии почвы или же в результате распашки.

В послевоенное время «ведрообразные» урны или урны типа Grebieten, как их называли немецкие археологи, не были типологизированы и ведущим в Польше исследователем западнобалтских древностей римского времени Войцехом Новаковски. В своей базовой монографии 1996 г. он, предельно кратко их охарактеризовав (выс. более 50 см, плохой обжиг, отсутствие фрагментов урн на поселениях), отнёс «ведрообразные» (т.е. с усечённо-коническим туловом) урны к фазам B2/C1 – C1a (т.е. – до нач. III вв. н.э. включительно) [14, S. 60].

В своём ответе на монографию В. Новаковски я, отметив появление биконических урн у предков эстиев ещё в железном веке, на что обратил внимание ещё Вильгельм Герте [10. Abb. 120, f], выделил лишь три типа урн [1. рис. 104].

Интересен сам факт возможности типологизации сосудов, призванных вмещать останки кремированных членов общин, обитавших в древности на Янтарном берегу и в его окрестностях. Отпечатки пальцев, выявленные на венчиках и туловах некоторых урн (преимущественно обнаруженных на могильниках Hünenberg/Гора Великанов и Lauth/Б. Исаково) позволяют сделать вывод о том, что урны (или их часть) изготавливались к церемонии захоронения женщинами (родственницами умершего ?) (рис. 4). Разнообразие форм урн и их размеров может составить впечатление ненормированности их формообразования. Однако анализ вместимости праха эстиев и пруссов приводит к выводу о существовании в сознании их изготовителей неких эталонов форм и размеров погребальных сосудов.

В настоящей статье привлечены данные 73 урн, обнаруженных в ходе раскопок на 7 грунтовых могильниках I-V вв. н.э., расположенных в западной части совр. Калининградской обл. (рис. 11). Приведённые выше термина «ведрообразные» урны или урны типа Grebieten соответствуют лишь части исследованного массива урн. Согласно их параметрам и

форме тулова эти сосуды типологизированы следующим образом:

1. Тип R(yszard) W(olągiewicz) Ib (с хрупчатой нижней частью тулова) (рис. 5) представлены шестью сосудами (рис. 4). Они имеют относительно стандартную высоту (ок. 20 см), отличаются отогнутым под острым углом венчиком, у которого в его верхней части загиб отсутствует. Примерное соответствие высоты и ширины тулова сосуда – 1 : 1. Орнамент на сосудах отсутствует. Возможно, хрупчатость части поверхности урны предназначена для предохранения рук несущего сосуд родственника от высокой температуры кремированных останков при переносе их с погребального костра в могилу. Хрупчатая поверхность также не способствует соскальзыванию рук носителя с поверхности керамического сосуда. У двух сосудов верхняя граница хрупчатой поверхности ограничена рельефным валиком (рис. 5,4,5). Данный тип урн, близкий вельбарской погребальной керамике, типологизирован в рамках схемы Ришарда Волонгевича [16. гус. 3] и находит аналогии в керамическом материале германцев среднего течения р. Эльбы на фазе B2 [6, с. 99]. Дата данного типа урн по сопутствующему погребальному инвентарю – фазы B2 – B2/C1.

2. Тип «с S-видным профилем» (возможный дериват вельбарского типа RW II) представлен в нашем массиве урн 11 сосудами (рис. 6). Пределы их высот – от 10 см до 24 см, соотношение высоты и диаметра тулова сосуда – 1 : 1,5. Венчик – изогнутый, отогнут наружу. У двух сосудов (рис. 6,4,9) на плечике присутствуют одиночные и двойные налесты, предназначенные для фиксации рук или верёвок при транспортировке урны с костра в могилу [3. с. 129]. Поверхность сосуда искусственно огрублена лишь у двух образцов (рис. 6,7,8).

По аналогии с вельбарскими сосудами типа RW II, урны эстиев типа «с S-видным профилем» датируются фазами B2-C1. При этом выделяющаяся среди остальных урн

данного типа урна из погр. G-43 могильника Grebieten, относится, соду по сопровождающему инвентарю, к первой пол. V в. н.э. (фаза D2) [11. Taf. VIII].

3. Тип «биконические», самый многочисленный в нашем материале, представлен 26 сосудами (рис. 7). Общий признак, выделяющий данный вид урн – наличие зглаженного или острого ребра в верхней трети тулова сосуда. Данная специфика формы сосуда имеет сугубо технологическое происхождение. Для упрощения процесса ручной лепки сосуда его тулово формировалось из двух частей, имевших форму усечённого конуса и соединявшихся при формовке своими широкими частями. Пределы высот сосудов данного типа – от 20 до 55 см. Соотношение высоты и диаметра тулова – примерно 2 : 1. Некоторые сосуды данного типа (рис. 7,13,24) по своей форме и параметрам близки местным урнам раннего железного века, показывая длительную традицию местного керамического производства. Представлены варианты сосудов данного типа: Вар. 1 – с венчиком без отгиба (рис. 7,1-17). Ребра у тулова имеются и острые, и сглаженные. Вар. 2 – с отогнутым венчиком. В обоих вариантах урн представлены формы с нарочито огрублённой внешней поверхностью (рис. 7,4,9,12) или же с внешним глиняным набросом, т.е. – с хроповатостью (рис. 7,21). Горизонтальные налипные валики по плечу тулова известны преимущественно у урн вар. 1 (рис. 7,1,3,7,9-12,17). Этот признак, а также параметры данных урн позволяют предполагать связь части сосудов нашего массива с западногерманской погребальной керамикой железного века и занесение традиции их изготовления от населявших в начале эпохи Великого переселения народов о. Борнхольм остатков племени бургундов [6. с. 99]. По сопутствующему в погребении материалу данный тип урн датируется фазами C2 – D2. Отдельные сосуды архаичной формы (рис. 7,13,24) могут датироваться более ранним временем. С начала V в. высота урн дан-

ного типа, которые и были довольно неадекватно названы в своё время «ведрообразными» (тип Grebieten), возрастает до 50 см и изредка выше. Для древностей прусской культуры раннего этапа её развития характерны исключительно такие урны. Причины изготовления в позднеримское время урн небольшой высоты (ок. 20 см) требуют дополнительного изучения.

4. Тип O(stpreußische) A(ltertümer) XVIII,30 [15, Taf. XVIII,30] («тюльпановидные») (рис. 8) представлен в нашем массиве урн тремя сосудами. Данный тип примыкает по своей форме тулова к типу «биконические», при дальнейшем процессе изучения может быть обозначен как его подтип. Правда, расширение тулова у сосудов типа RW XXVIII,3 находится не в верхней трети тулова, а по его центру (рис. 8). У двух из трёх сосудов этого типа поверхность хроповатая, имеются парные горизонтальные валикообразные налпы. По сопутствующему в погребении материалу данный тип урн датируется фазами C2 – D2.

5. Тип K6 («горшки», «биконические маломерные») (рис. 9) – представлен четырьмя сосудами исключительно могильника Lauth/Б. Исаково. Высота сосудов в основном 10 см, соотношение высоты и диаметра тулова 1: 1. Аналоги этим сосудам в древностях Самбии римского времени отсутствуют, они могут быть особой формой урн населения окрестностей совр. Калининграда. Дата урн данного типа, судя по найденным вместе с ними в погребальных комплексах арбалетовидным фибулам с подвязной ножкой – фаза C1.

6. Тип OA XXVIII,1,3 («цилиндрико-конические») – представлены в нашем массиве урн 12 экземплярами (рис. 10). Верхняя часть тулова (выше плечика) имеет цилиндрическую форму со слабо отогнутым венчиком. Нижняя часть тулова – усечённо-коническая. Основной стандарт высоты урны – ок. 20 см. Искусственное огрубление внешней поверхно-

сти сосуда не отмечено. Некоторые сосуды снабжены пальцевыми вдавлениями по верхней кромке венчика. Судя по отпечаткам пальцев, их размеры были небольшими, ногти были аккуратно обрезаны. Всё это указывает на принадлежность этих пальцев женщинам, изготовлявшим эти сосуды. Строго говоря, этот «пальцевый орнамент» – в сущности своей не орнамент, а технологический след от работы по уплотнению и выравниванию венчика перед обжигом урны. Отдельные сосуды данного типа имеют или локальные выступы, или горизонтальные валиковые налёпы или декор в виду оттисков штампа (рис. 10,3). Судя по сопутствующему материалу данный тип урн относится к фазам D1 и D2, тем самым относясь к материалам прусской культуры её ранней фазы развития.

Очевидных генетических связей между типами урн, представленных в данной статье, не прослеживается. Особо крупными размерами отличаются, сосуды, представленные в позициях 2, 4, 6 и связанные в основном с древностями пруссов. Возможно, близость размеров этих урн и является показателем их связей между собой. Это предположение подтверждается тем, что указанные типы урн встречаются на одних и тех же могильниках, т.е. члены соответствующих общин могли делиться между собой опытом по изготовлению этих сосудов.

Представленная типологизация урн эстиев и ранних пруссов показывает разные источники их происхождения. Если в массе своей поздний тип биконических урн (C2-D2), находит прототип в местной керамике раннего железного века, то урны типов RW Ib (B2-B2/C1) и типа OA XVIII,30 созданы под влиянием древнегерманских керамических традиций. Присутствие этого этно-культурного элемента на Янтарном берегу доказываемое данными погребального обряда уже с фазы B2 [6. с. 19-24]. Лишь два типа урн (RW Ib и «с S-видным профилем») начинают изготавливаться в раннеримское

время. Эти керамические формы для изготовления вручную были достаточно сложны. Можно с осторожностью предположить применение при их формовке поворотной дощечки. Остальные формы погребальной керамики начинают создаваться в позднеримском времени (фаза C2). В целом традиция урновой кремации распространилась на Янтарном берегу в результате прибытия сюда групп германцев после Готских войн [1. с. 242]. Позднейший вариант урн – цилиндрико-конические – соответствует началу эпохи Великого переселения народов и связан уже с древностями прусской культуры на ранней фазе её развития. К началу VI в. урновая кремация на прусских могильниках прекращается. Урны сменяют сосуды для переноса костей с костра в могилу – «временные урны» биконической формы. Различный диапазон высот урн большинства представленных в статье типов в определённой мере может быть связан на самом деле с неточным указанием масштаба рисовальщиком этих сосудов.

Сосуществование нескольких типов урн в погребальных древностях эстиев и пруссов свидетельствует о том, что в сознании членов общин (очевидно – в основном женщин) существовали прототипы урн, имевшие для (вынужденных) керамистов значение этно-культурных ориентиров. Устойчивость форм урн этих типов показывает культовый пиетет, который испытывали к ним обитатели Янтарного берега. Низкое качество урновой керамики, их слабый обжиг характеризуют незначительную профессиональную подготовку членов родового коллектива, вынужденных заниматься формовкой сосудов лишь по необходимости подготовить урну к похоронам родственника. Крупные размеры основной части типов урн нашего массива являются, очевидно, результатом неких культовых норм. Прах с костра и кремированные останки погребённого вместе с его инвентарём занимают малую часть объёма урны и не обязательно находились у её дна.

Существовавшие в традициях населения Янтарного берега на протяжении полутысячелетия, урны, как выяснилось, могут содержать информацию хронологического

и этно-культурного (а может быть – и социального) характера, а не просто фиксироваться археологами как вместилище праха погребённых.

Список литературы

1. Кулаков В.И. История Пруссии до 1283 г., М.: «Индрик», 2003 - 364 С.
2. Кулаков В.И. Доллькайм-Коврово. Исследования 1992-2002 гг., Минск: Институт истории НАН Беларуси, 2007 - 335 С.
3. Кулаков В.И. Сосуды с налечами в древностях эстиев на материале могильника Lauth/Б. ИС с. 117-141.
4. Кулаков В.И. Hünenberg-«Гора Великанов». Могильник III-V вв. н.э. на севере Самбии // Światowit. Supplement Series B: Barbaricum, tom 10, Warszawa: Drukarnia Janusz Bieszczad, 2014 - С. 199-363.
5. Кулаков В.И. Методика раскопок старших представителей прусской археологической школы (могильники Dollkeim/Коврово и Warnikam/Первомайское) // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римского влияния и Великого переселения народов, ч. 1, Тула.: Гос. Музей-заповедник «Куликово поле», 2015 - С. 178-189.
6. Кулаков В.И. Сокровища Янтарного края. Показатели инокультурных влияний на древности Самбии и Натангии в I-IV вв. н.э., Калининград: «Калининградская книга», 2016а – 359 С.
7. Кулаков В.И. Гребитен. Новые данные о старых раскопках // Университетский научный журнал, СПб: Санкт-Петербургский университетский консорциум, 2016б - С. 15-27.
8. Кулаков В.И. Могильник бывший Tengen (окрестности Brandenburg/Ушаково) // Балтийский альманах, № 18, Калининград: ГБУК «Калининградская областная научная библиотека», 2019 - С. 92-98.
9. Berendt G. Zwei Gräberfelder in Natangen und zwar Tengen bei Brandenburg und Rosenau bei Königsberg, Königsberg, 1874 – S. 2-14.
10. Gaerte W. Urgeschichte Ostpreußens, Königsberg: Gräfe und Unzer Verlag, 1929 - 406 S.
11. Heydek J. Das Gräberfeld der Römischen Periode zu Grebieten, Kr. Fischhausen, besonders die südliche Hälfte // Prussia, Bd. 34, Königsberg: Ostpreußische Zeitungs- und Verlag-Druckerei, 1888 - S. 228-236.
12. Hensche W. Einiges zur Kenntniss der Todtbestattung bei den heidnischen Preussen // SPÖG, 2. Jg., Königsberg: Gräfe und Unzer Verlag, 1862 - S. 131-138.
13. Hensche A. Das Gräberfeld bei Fürstenwalde // SPÖG, 10. Jg., Königsberg: in Commission bei W. Koch, 1869 - S. 147-158.
14. Nowakowski W. Das Samland in der Römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit den Römischen Reich und der barbarischen Welt. Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Sonderband 10, Marburg-Warszawa: Druk, 1996 - 169 S.
15. Tischler O., Kemke H. Ostpreussische Altertümer aus der Zeit der grossen Gräberfelder nach Christi Geburt, Königsberg: In Kommission bei Wilh. Koch, 1902 - 46 S.
16. Wołagiewicz R. Chronologia ceramiki kultury wielbarskiej w świetle dotychczasowego stanu badań // Archeologia Polski, t. XXXII, z. 1, Warszawa: Wydawnictwo Instytutu historii kultury materialnej, 1987 - S. 169-203.

Архивные материалы:

17. Архив ИА РАН, Ф.1, Кулаков В.И., Отчет о работе Балтийской экспедиции в 1993 г., № 17585.
18. Архив ИА РАН, Ф. 1, Р. 1. Скворцов К.Н., Раскопки на восточной окраине г.

Калининграда (грунт. мог. Б. Исаково/Лаут) в 1998 г., № 21982.

19. Архив ИА РАН, Ф. 1, Р. 1. Скворцов К.Н., Отчёт по охранным раскопкам грунтового могильника Лаут-Б. Исаково Самбийско-Натангийской археологической экспедицией в 2002 г., № 25795.

20. Архив ИА РАН, Ф. 1, Р. 1. Скворцов К.Н., Отчёт по охранным раскопкам грунтового могильника Лаут-Б. Исаково Самбийско-Натангийской археологической экспедицией в 2003 г., № 25796.

21. Архив ИА РАН, Ф. 1, Р. 1. Скворцов К.Н., Отчёт по охранным раскопкам грунтового могильника Лаут-Б. Исаково Самбийско-Натангийской археологической экспедицией в 2004 г., № 25797.

Подписи к рисункам:

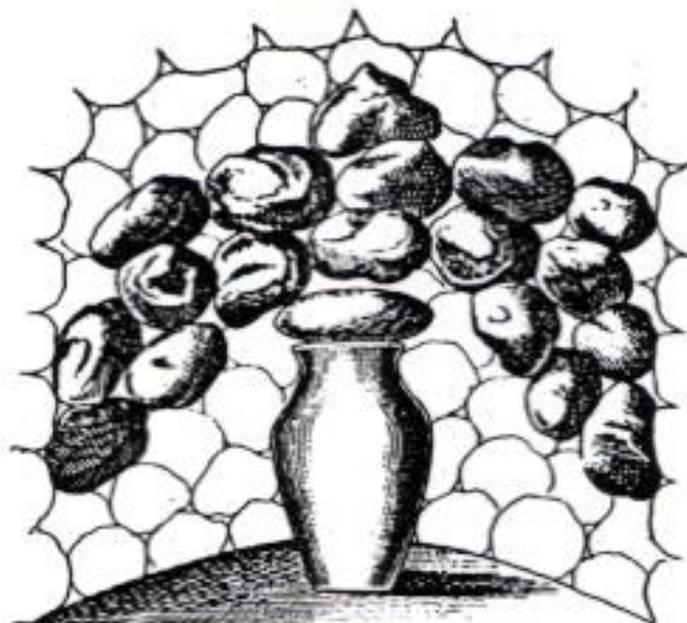
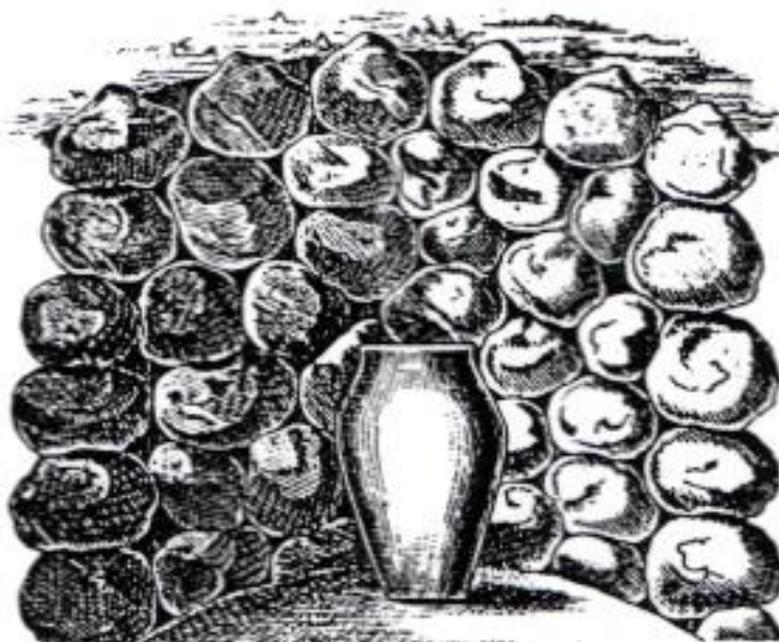

Рис. 1. Первые публикации урн, обнаруженных при раскопках могильника Hünenberg/Гора Великанов [12. Taf. IV,2,3].

- 1 - D-45
- 2 - Do-163
- 3 - Do-146
- 4 - Do-127
- 5 - Do-160
- 6 - Do-161

Рис. 2. Часть типологии урн О. Тишлера [15. Taf. XXVIII].

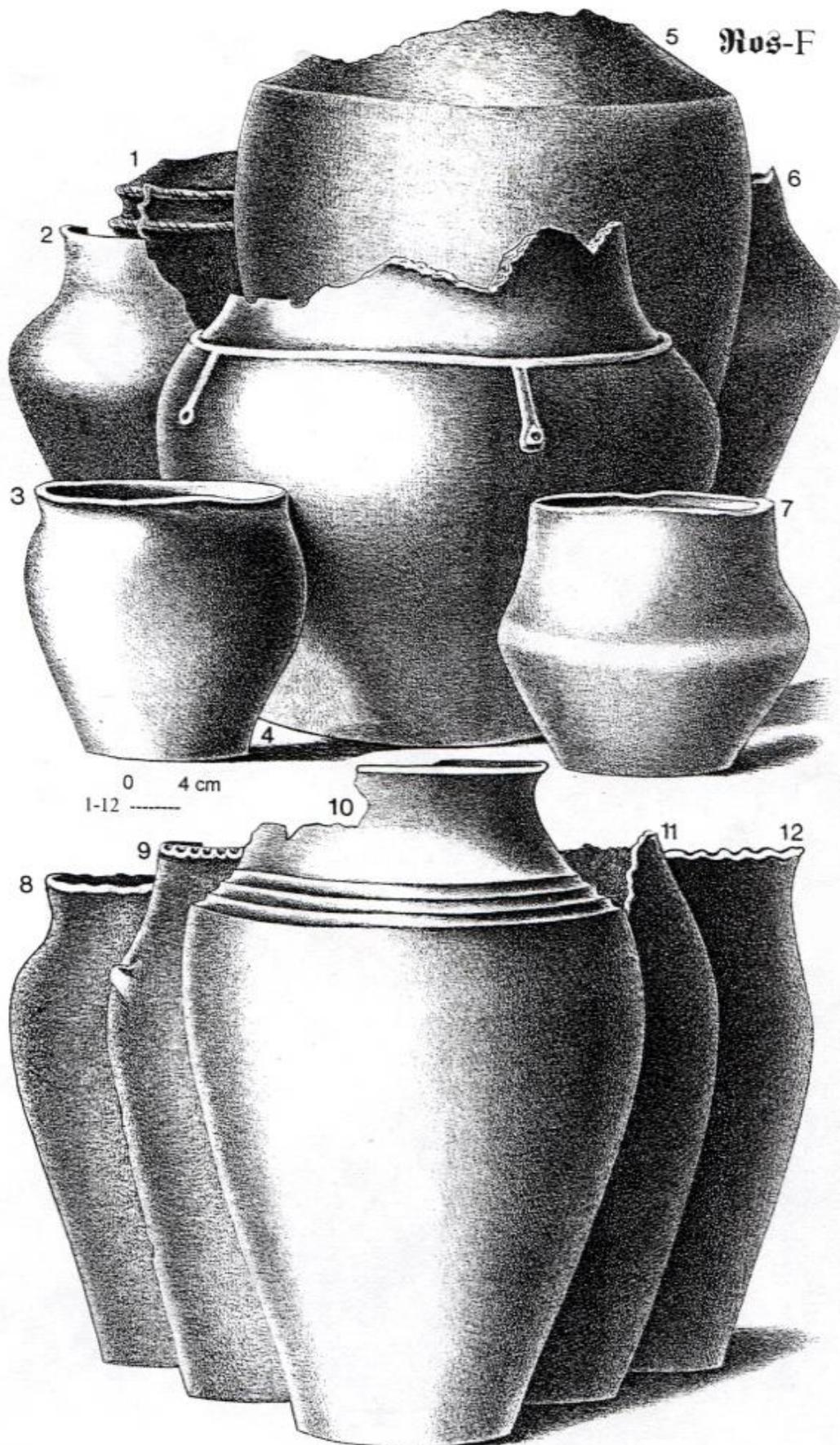

Рис. 3. Диапазон высот урн из могильника Rosenau/Аллея отважных - ул. Дзержинского, Калининград, раск. летом 1873 г. [9. Taf. IV, V].

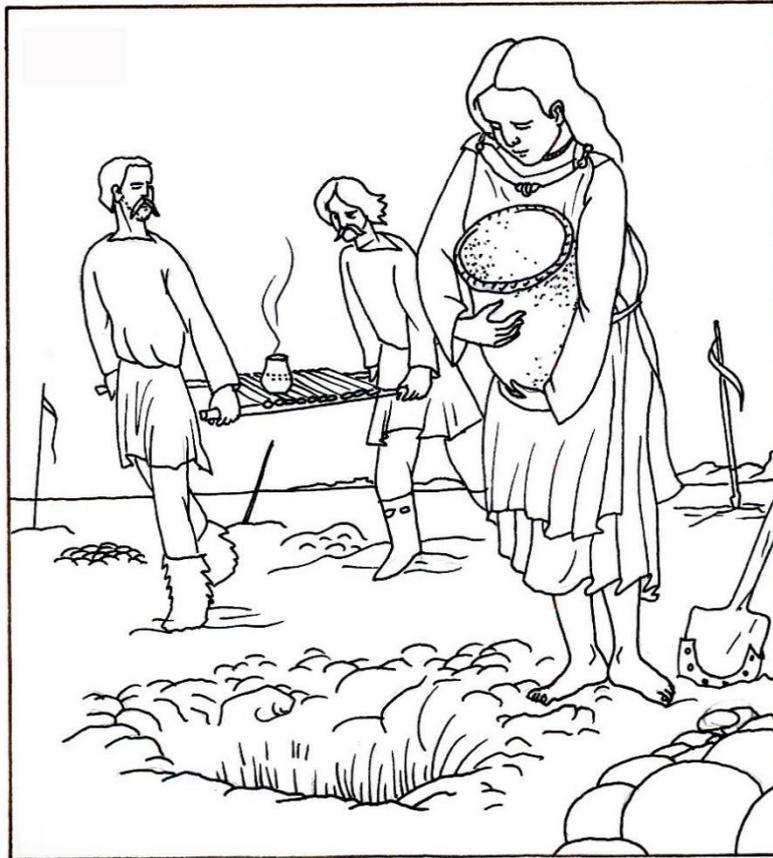

Рис. 4. Реконструкция процесса доставки урны к могиле.

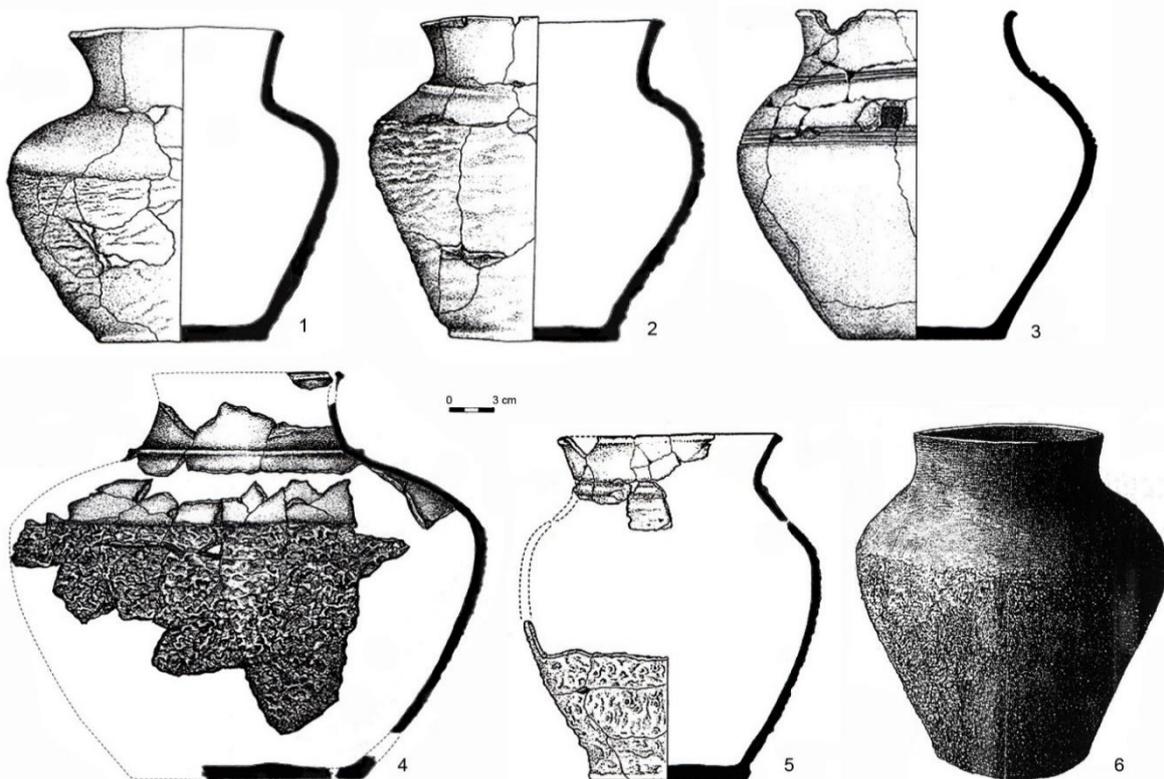

Рис. 5. Тип RW Ib (с хрупчатой нижней частью тулова): 1 – погр. L-7 могильника Lauth/Б. Исаково; 2 - погр. L-8 могильника Lauth/Б. Исаково; 3 - погр. L-200 могильника Lauth/Б. Исаково; 4 - погр. L-6 могильника Lauth/Б. Исаково; 5 - погр. L-6 могильника Lauth/Б. Исаково; 6 – погр. Do-15 Dollkeim/Коврово (1, 2, 4, 5 - 18. № 21982; 3 – 20; 6 – 15. S. 15).

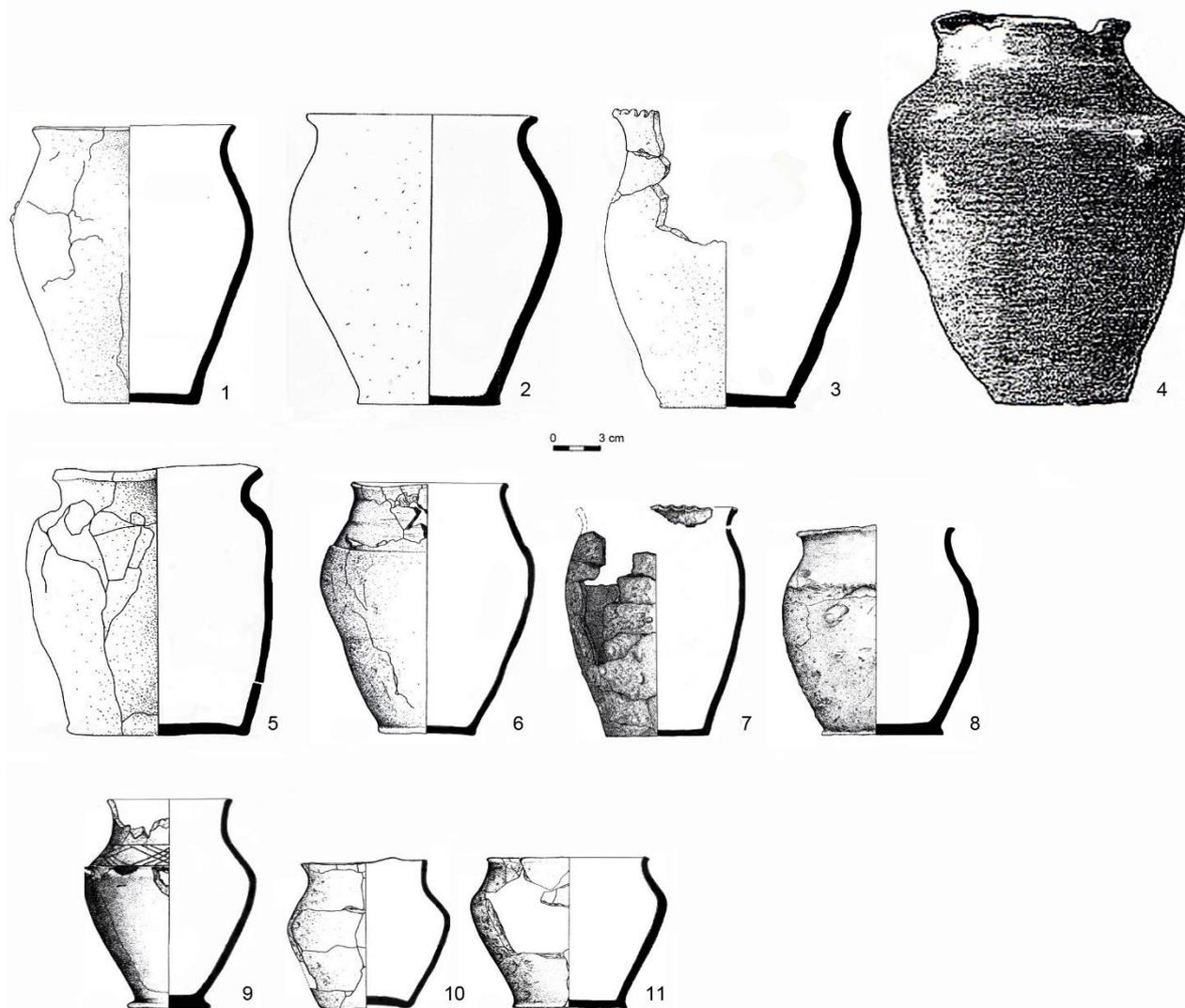

Рис. 6. Тип «с S-видным профилем»: 1 – погр. Do-364 могильника Dollkeim/Коврово; 2 – погр. Do-251 могильника Dollkeim/Коврово; 3 - погр. Do-254 могильника Dollkeim/Коврово; 4 – погр. G-43 могильника Grebieten; 5 - погр. Do-361 могильника Dollkeim/Коврово; 6 – погр. L-26 могильника Lauth/Б. Исаково; 7 - погр. L-152 могильника Lauth/Б. Исаково; 8 - погр. L-183 могильника Lauth/Б. Исаково; 9 - погр. L-12 могильника Lauth/Б. Исаково; 10 - погр. L-28 могильника Lauth/Б. Исаково; 11 - погр. L-21 могильника Lauth/Б. Исаково (1-3, 5 – 2. рис. 221, 5, 11, 208; 4 – 11. Taf. VIII,n; 6, 9, 10, 11 – 18. № 21982; 7 - 19; 8 - 206).

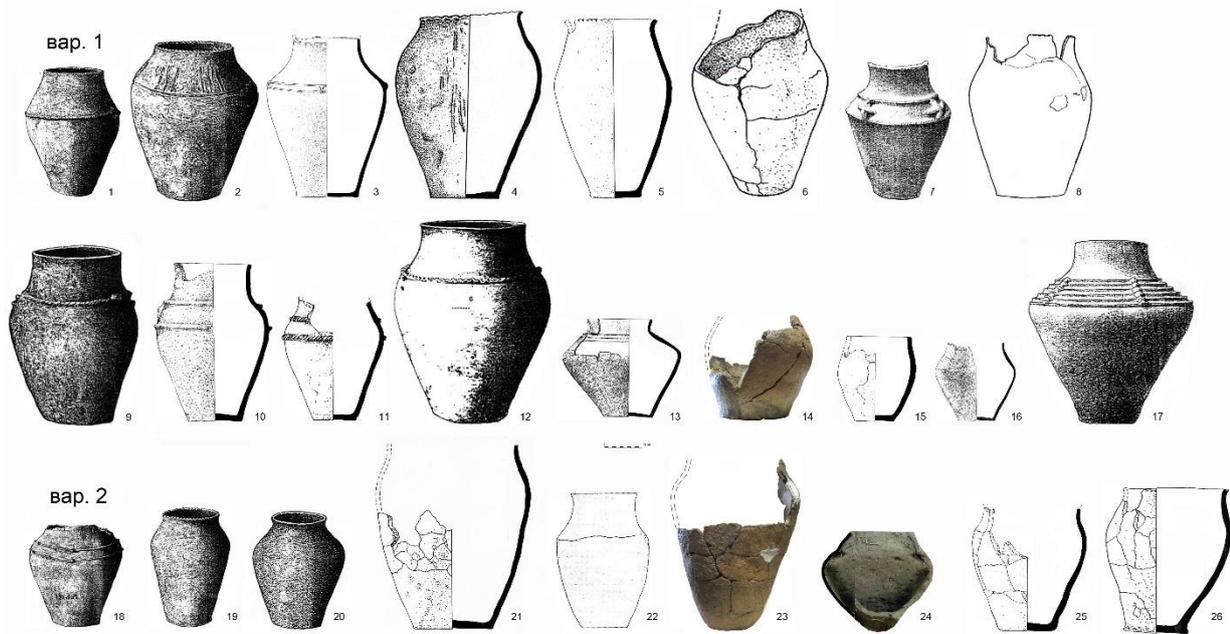

Рис. 7. Тип «биконические»: 1 – погр. Do-41 могильника Dollkeim/Коврово; 2 - погр. Do-46a могильника Dollkeim/Коврово; 3 – погр. H-54k могильника Hünenberg/Гора Великанов; 4 – погр. Do-256 могильника Dollkeim/Коврово; 5 – погр. 39k могильника Hünenberg/Гора Великанов; 6 - погр. H-35k могильника Hünenberg/Гора Великанов; 7 – погр. G-93b могильника Grebieten; 8 – погр. H-59k могильника Hünenberg/Гора Великанов; 9 – погр. Do-70 могильника Dollkeim/Коврово; 10 - погр. H-177 могильника Hünenberg/Гора Великанов; 11 - погр. H-181 могильника Hünenberg/Гора Великанов; 12 - погр. Do-160 могильника Dollkeim/Коврово; 13 - погр. L-211 могильника Lauth/Б. Исаково; 14 – погр. Wa-106 могильника Warnikam/Первомайское; 15 - погр. H-191 могильника Hünenberg/Гора Великанов; 16 - погр. L-262 могильника Lauth/Б. Исаково; 17 - погр. G-94 могильника Grebieten; 18 - погр. Do-85 могильника Dollkeim/Коврово; 19 - погр. Do-43 могильника Dollkeim/Коврово; 20 - погр. Do-56 могильника Dollkeim/Коврово; 21 - погр. Do-299 могильника Dollkeim/Коврово; 22 - погр. G-52 могильника Grebieten; 23 - погр. Wa-97 могильника Warnikam/Первомайское; 24 - погр. Wa-96 могильника Warnikam/Первомайское; 25 - погр. Do-255 могильника Dollkeim/Коврово; 26 - погр. 70 могильника Hünenberg/Гора Великанов (1, 2, 9, 12, 18, 19, 20 – 15. S. 17, 21, 24, 19, 20; 3, 5, 6, 8 – 17. № 17585; 4, 21, 25 - 2. рис. 16, 92, 13; 7, 17 – 11. Taf. VII; 10, 11, 15, 26 – 4. рис. 60, 63, 64, 39; 13 – 20. № 25797; 14, 23, 24 – 5. рис. 9, 8; 16 - 21; 22 – 7.б, рис. 8).

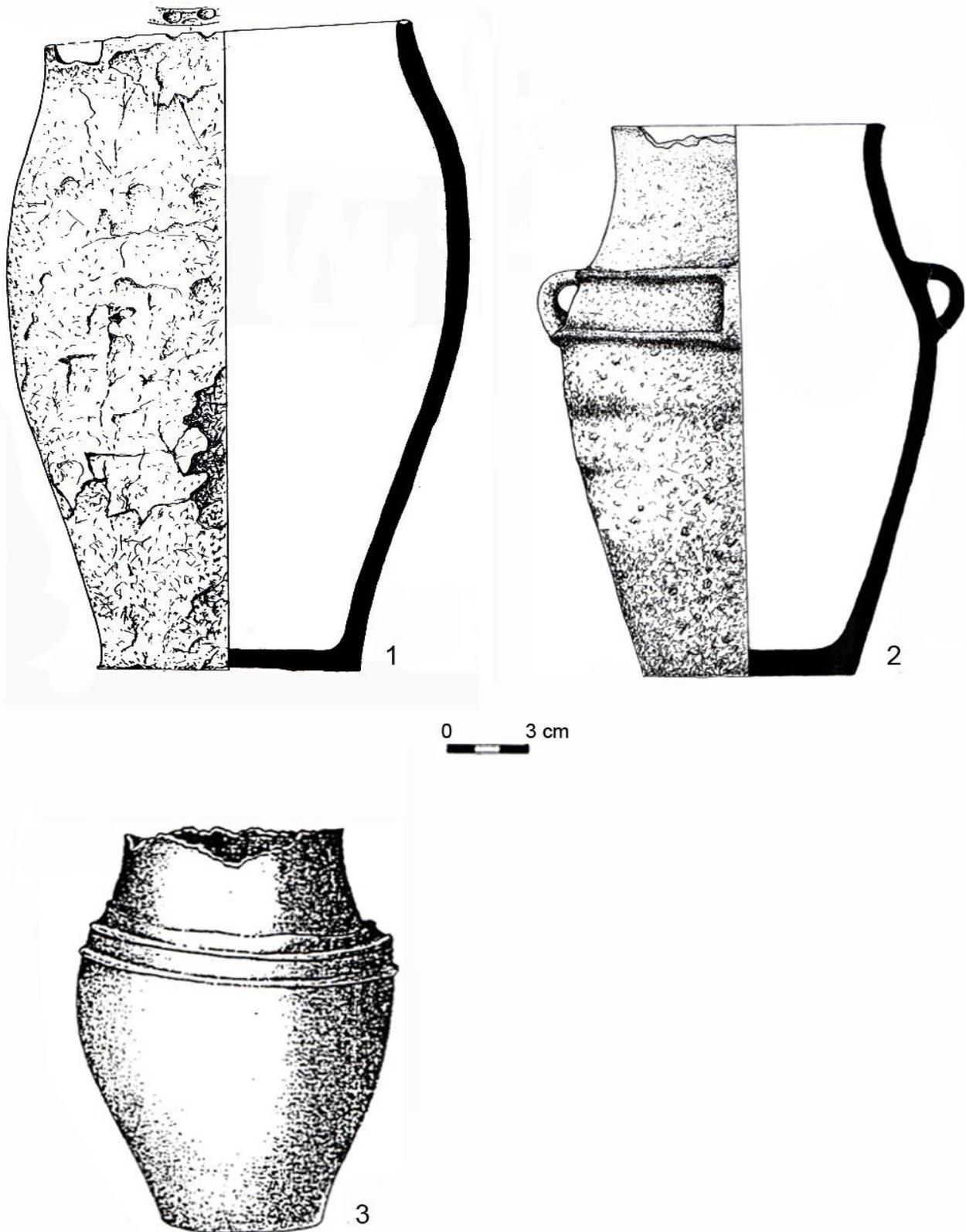

Рис. 8. Тип ОА XVIII,30 (с плавным расширением тулова): 1 – погр. Н-192 могильника Hünenberg/Гора Великанов; 2 - погр. Н-198 могильника Hünenberg/Гора Великанов; 3 – погр. Те-32 могильника Tengen (1, 2 – 4. рис. 66; 3 – 8. рис. 5).

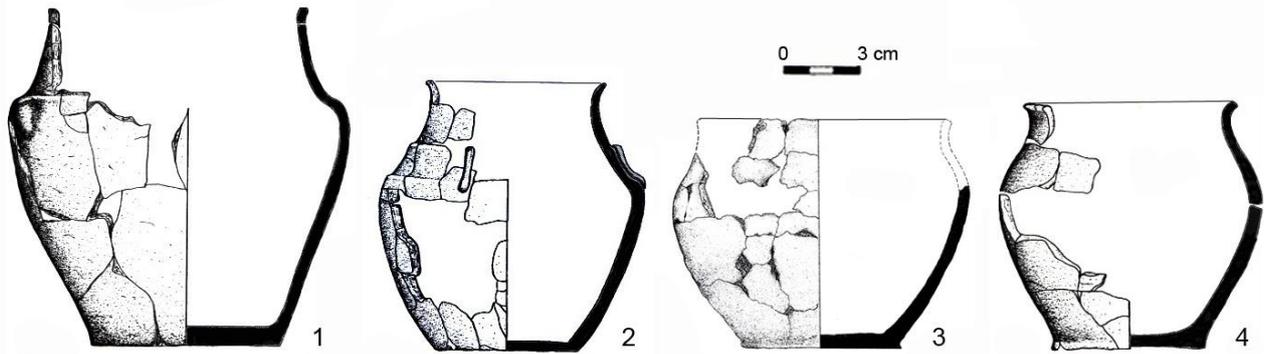

Рис. 9. Тип К6 («горшки»): 1 – погр. L-57 могильника Lauth/Б. Исаково; 2 - погр. L-37 могильника Lauth/Б. Исаково; 3 - погр. L-179 могильника Lauth/Б. Исаково; 4 - погр. L-60 могильника Lauth/Б. Исаково (1, 2, 4 - 18; 3 – 20. № 25796).

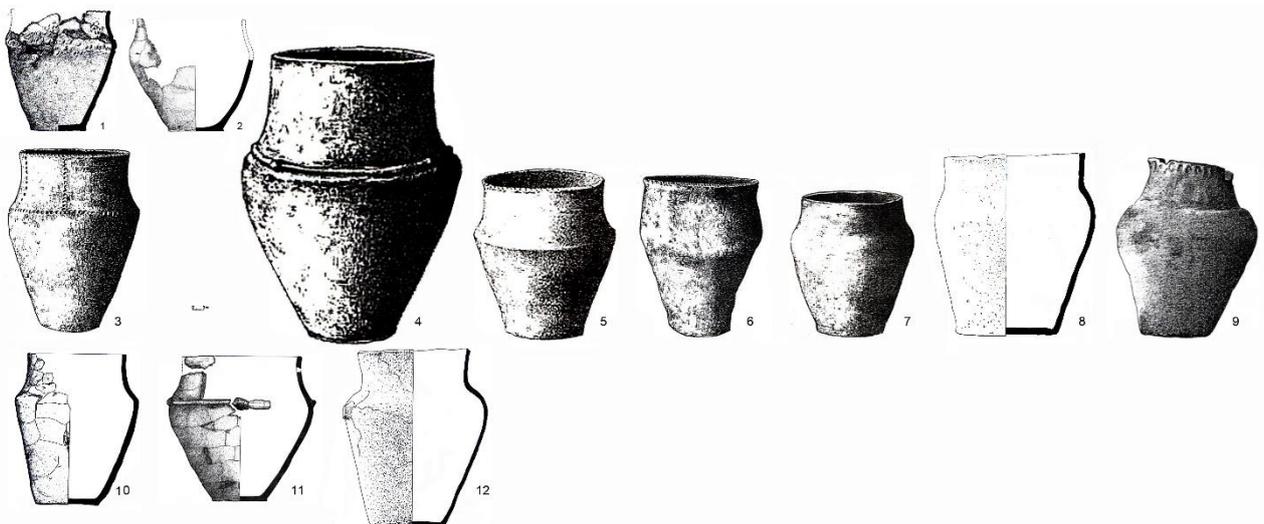

Рис. 10. Тип ОА XXVIII,1 (цилиндро-конические): 1 – погр. L-198 могильника Lauth/Б. Исаково; 2 – погр. L-192 могильника Lauth/Б. Исаково; 3 – погр. Do-163 могильника Dollkeim/Коврово; 4 - погр. Do-146 могильника Dollkeim/Коврово; 5 - погр. Do-127 могильника Dollkeim/Коврово; 6 - погр. Do-45 могильника Dollkeim/Коврово; 7 - погр. Do-161 могильника Dollkeim/Коврово; 8 - погр. Do-366 могильника Dollkeim/Коврово; 9 – погр. G-82 могильника Grebieten; 10 - погр. L-34 могильника Lauth/Б. Исаково; 11 - погр. L-158 могильника Lauth/Б. Исаково; 12 - погр. Do-370 могильника Dollkeim/Коврово (1, 2, 11 - 20; 3, 4, 5, 6, 7 – 15. S. 24, 23, 22, 19-20; 8 – 2. рис. 209; 9 – 11. Taf. IX; 10 - 18; 11 - 18; 12 – 2. рис. 219).

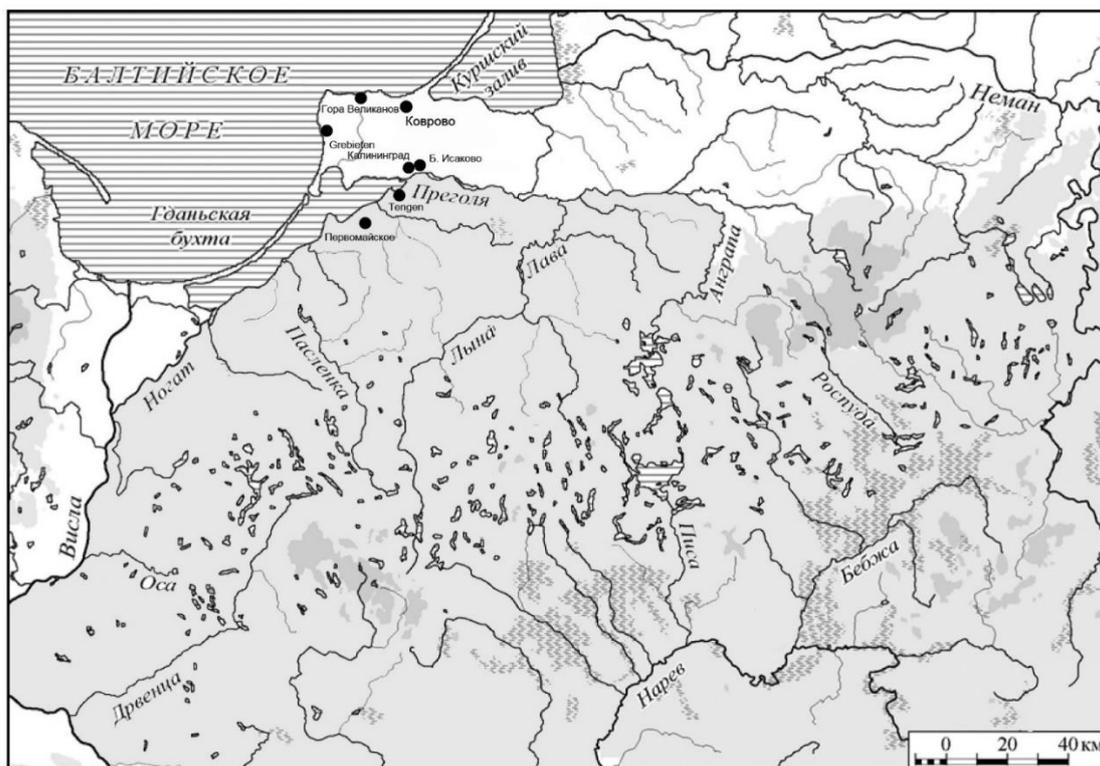

Рис. 11. Расположение на карте юго-восточной Балтии памятников грунтовых могильников, упомянутых в статье.

Сокращения:

М. - Москва

СПб – Санкт-Петербург

SPÖG – Schriften für Physikalisch-Ökonomischen Gesellschaft zu Königsberg

TYOLOGY AND CHRONOLOGY OF AESTIAN AND PRUSSIAN FUNERAL URNS

The coexistence of several types of urns in the funerary antiquities of the Aestians and Prussians testifies to the fact that in the imagination of community members (obviously, mainly women), there were prototypes of urns that were of ethno-cultural significance for (forced) ceramists. The aforementioned inhabitants of the Amber Coast at the beginning of our era were called Aestii by the Germans (ancient German - "living in the east"). The low quality of urn ceramics and their weak firing characterize the insignificant professional training of members of the tribal collective, who are forced to mold vessels only when necessary to prepare the urn for the funeral of a relative. The large sizes of the main part of the types of urns in our array are obviously the result of some cult norms. Ashes from the fire and cremated remains of the deceased, together with his inventory, occupy a small part of the urn's volume and were not necessarily at its bottom. Existing in the traditions of the population of the Amber Coast for half a millennium, the urn, as it turned out, can contain information of a chronological and ethno-cultural nature, and not just be recorded by archaeologists as a repository of the ashes of the buried.

Keywords: Baltic, Aestians, Prussians, burials, urns, typology.

References

1. Kulakov V.I. History of Prussia until 1283, М.: "Indrik", 2003 - 364 p.
2. Kulakov V.I. Dollkheim-Kovrovo. Research 1992-2002, Minsk: Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, 2007 - 335 pp.
3. Kulakov V.I. Vessels with moldings in the antiquities of the Aestians based on material from the Lauth / В. IS s. 117-141.
4. Kulakov V.I. Hüenberg - "Mountain of the Giants". Burial ground III-V centuries. AD in the north of Sambia // Światowit. Supplement Series B: Barbaricum, tom 10, Warszawa: Drukarnia Janusz Bieszczad, 2014 - pp. 199-363.

5. Kulakov V.I. Methods of excavation of senior representatives of the Prussian archaeological school (burial grounds Dollkeim / Kovrovo and Warnikam / Pervomayskoye) // Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in the era of Roman influence and the Great Migration, part 1, Tula : State. Museum-reserve "Kulikovo field", 2015 - pp. 178-189.

6. Kulakov V.I. Treasures of the Amber Land. Indicators of foreign cultural influences on the antiquities of Sambia and Natangia in the 1st-4th centuries. AD, Kaliningrad: "Kaliningrad Book", 2016a - 359С.

7. Kulakov V.I. Grebiten. New data on old excavations // University scientific journal, St. Petersburg: St. Petersburg University Consortium, 2016b - pp. 15-27.

8. Kulakov V.I. Burial ground of the former Tengen (environs of Brandenburg / Ushakovo) // Baltic Almanac, No. 18, Kaliningrad: GBUK "Kaliningrad Regional Scientific Library", 2019 - pp. 92-98.

9. Berendt G. Zwei Gräberfelder in Natangen und zwar Tengen bei Brandenburg und Rosenau bei Königsberg, Königsberg, 1874 – S. 2-14.

10. Gaerte W. Urgeschichte Ostpreußens, Königsberg: Gräfe und Unzer Verlag, 1929 - 406 S.

11. Heydek J. Das Gräberfeld der Römischen Periode zu Grebieten, Kr. Fischhausen, besonders die südliche Hälfte // Prussia, Bd. 34, Königsberg: Ostpreußische Zeitungs- und Verlag-Druckerei, 1888 - S. 228-236.

12. Hensche W. Einiges zur Kenntniss der Todtbestattung bei den heidnischen Preussen // SPÖG, 2. Jg., Königsberg: Gräfe und Unzer Verlag, 1862 - S. 131-138.

13. Hensche A. Das Gräberfeld bei Fürstenwalde // SPÖG, 10. Jg., Königsberg: in Commission bei W. Koch, 1869 - S. 147-158.

14. Nowakowski W. Das Samland in der Römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit den Römischen Reich und der barbarischen Welt. Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Sonderband 10, Marburg-Warszawa: Druk, 1996 - 169 S.

15. Tischler O., Kemke H. Ostpreussische Altertümer aus der Zeit der grossen Gräberfelder nach Christi Geburt, Königsberg: In Kommission bei Wilh. Koch, 1902 - 46 S.

16. Wołagiewicz R. Chronologia ceramiki kultury wielbarskiej w świetle dotychczasowego stanu badań // Archeologia Polski, t. XXXII, z. 1, Warszawa: Wydawnictwo Instytutu historii kultury materialnej, 1987 - S. 169-203.

Archival materials:

17. Archive of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, F.1, Kulakov V.I., Report on the work of the Baltic expedition in 1993, No. 17585.

18. Archive of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, F. 1, P. 1. Skvortsov K.N., Excavations on the eastern outskirts of Kaliningrad (soil grave B. Isakovo / Lauth) in 1998, No. 21982.

19. Archive of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, F. 1, R. 1. Skvortsov K.N., Report on security excavations of the Laut-B. Isakovo earth burial ground. Isakovo Sambia-Natangan archaeological expedition in 2002, No. 25795.

20. Archive of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, F. 1, R. 1. Skvortsov K.N., Report on security excavations of the Laut-B. Isakovo earth burial ground. Sambia-Natangan archaeological expedition in 2003, No. 25796.

21. Archive of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, F. 1, R. 1. Skvortsov K.N., Report on security excavations of the Laut-B. Isakovo earth burial ground Sambia-Natangan archaeological expedition in 2004, No. 25797.

Об авторе

Кулаков Владимир Иванович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии эпохи Великого переселения народов и эпохи раннего средневековья Института археологии РАН (Россия), e-mail: drkulakov@mail.ru.

Kulakov Vladimir Ivanovich – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the Department of Archeology of the Great Migration Period and the Early Middle Ages Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (Russia), e-mail: drkulakov@mail.ru

Лупанова Е.М., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела «Музей М.В. Ломоносова» в составе Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия).

ФОРМИРОВАНИЕ РЫНКА ПИЛЕННЫХ ДОСОК В РОССИИ XVIII В.

В статье рассматривается история распространения пиленых досок в России. Новый вид материала появился для удовлетворения потребностей, отсутствовавших в более ранний период времени. Позже возникли другие области применения. Наконец, отчасти рынок сбыта создавался искусственно ради развития новейшей технологии. Использование пиленых досок с одной стороны диктовалось развитием, с другой стороны определяла дальнейшую судьбу российской торговли, водного и сухопутного транспорта, жилищного строительства и быта.

Ключевые слова: история технологий, повседневность, деревообработка, рынок сбыта.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-01-90-101

Введение. Рубеж XVII-XVIII вв. в России отмечен рядом новаций – культурных, технологических, политических. В ряду прочих стоит распространение пил и пиленных мельниц. Они стали играть ответственную им роль в общем процессе изменения уклада жизни. Этот факт широко известен и стоит в одном ряду с началом разработки горных месторождений, развитием промышленности, модернизацией армии и многими другими.

На первый взгляд эта история достаточно простая и типичная. Царь-реформатор прививал западную технологию, её встречали, если не враждебно, то скептически, монарх настойчиво продолжал насаждать её, используя систему предписаний в сочетании с личным примером и суровыми запретами старых традиций; процесс продолжили с неравномерной интенсивностью и успехом его преемники. В результате в течение десятилетий новые изобретения прочно вошли в жизнь, постепенно превратившись в неотъемлемую часть уклада быта. Однако при вдумчивом отношении всё оказывается сложнее.

Постановка вопроса. Хотя казенные мельницы и существовали, на них не было государственной монополии. Пилы работали не только на реализацию царских проектов, но и на продажу. Купцы и

помещики заводили свои мельницы. Для того чтобы пиленные мельницы вошли в повседневную жизнь, они должны были находить сбыт.

Вопрос «зачем в городском или крестьянском хозяйстве доски» приходит в голову не сразу только потому, что за три столетия пиленные доски прочно вошли в жизнь, и мы с трудом представляем себе загородный быт без этого материала. Однако веками в России при строительстве обходились тесом, пиленные доски имели по сравнению с ним целый ряд недостатков. Проблема недостатка или отсутствия рынка сбыта пиленых досок не раз затрагивалась в историографии [24; 38], но до сих пор остается открытым вопрос, когда, как и почему этот рынок сформировался.

Роль государства и частной инициативы. Распространение пил и мельниц было частью государственной политики всего XVIII в., однако первые лесопилки появились в Архангельской губернии задолго до распоряжений Петра I. Их устроителями были англичане и голландцы, экспортировавшие древесину. Обработка материала вблизи места заготовки позволяла увеличить объемы перевозок и доходность торговли [10, с.168]. В 40-е гг. XVII столетия появились первые русские хозяева ле-

сопилок – купцы Баженины выкупили построенные иностранцами механизмы. В последующие десятилетия семья следила за совершенствованием технологии, заботилась о своевременном ремонте и модернизации оборудования, успешно развивала торговлю.

Позже Пётр I потребовал быстрого распространения пил и мельниц, поскольку для форсированного строительства военных судов было необходимо огромное количество досок. В этих условиях только распространение новых технологий позволяло добиться нужных темпов заготовок.

Цель производства досок Бажениными, казалось бы, была та же, что у Петра I – судостроение и экспорт. Не случайно их верфь привлекала к себе пристальное внимание царя, он посещал её во время первого визита в Архангельск, за несколько лет до закладки первых кораблей регулярного флота. Ниже мы подробнее остановимся на использовании пиленых досок в судостроении, а сейчас важно отметить, что с момента закладки Азовской флотилии распространение пил (и позже – мельниц) стало частью государственной политики. Царь распорядился о приобретении за границей 256 пил, кумпанства должны были заготавливать доски только при помощи новой технологии, а за использование тёса предписывался штраф.

В течение следующих десятилетий предпринимались различные меры, направленные на запрет тёса и распространение технологии пиления. Был опробован широкий диапазон мер воздействия – от штрафования поставщиков тёса до предоставления различных льгот за введение мельниц. В преамбулах к этим указам обычно говорилось о том, что пилы и мельницы необходимы для «бережения лесов»: из одного бревна можно получить 1-2 тёсанные доски или 5-6 пиленых. Аргументом в пользу новой технологии также была экономия сил и времени.

Если считать государственную политику основной движущей силой процесса распространения технологий, то наибольших успехов добились Петр I и Екатерина II. За время каждого из этих двух царствований количество пиленных мельниц увеличилось в 20 раз (с 2 до 40 и с 25 до 483 соответственно). Вместе с тем, нельзя утверждать однозначно, что это были успехи государственных мер, а не результаты тех социально-экономических и/или культурных процессов, о которых речь пойдет ниже [24; 36; 39].

Технологии изготовления и качество материалов. Расхожие в указах формулировки о том, что заготовки при помощи пил требуют меньших трудозатрат, вызывают сомнения. Эта официальная версия не раз подвергалась критике: «...времени тем не выигрывается» [26, с.121-122], – писал о ручных пилах автор, предваряя описание пиленной «машины» оригинальной конструкции. Объективно говоря, экономия была, действительно, спорной. Приблизненно, из одного и того же бревна можно выдолбить лодку почти таких же размеров, какая получится при распиле того же бревна на доски и изготовления из них лодки. Отличия будут в остойчивости, судоходности, внешнем виде, прочности, долговечности, но не в ощутимой экономии материала.

Существенным недостатком большинства пил была необходимость работать в паре, тогда как топором управлялся один человек. Топор был проще в изготовлении и привычнее для использования. Редкий русский кузнец знал, как изготовить пилу, поэтому этот, на начальных этапах исключительно импортный, инструмент и стоил значительно дороже. Заточка топора может производиться при помощи камня, для заточки же пилы требуется еще один инструмент – редкий, дорогостоящий и сравнительно сложный в изготовлении трехгранный напильник. Его использование в свою очередь также требует специальных навыков. Даже этнографические материалы XX в. свидетельствуют о

том, что «пилы были, мастеров же по их направлению было мало» [12, л.3, 12-об].

Изготовление тёсаных досок по сравнению с пилением сейчас кажется менее экономичным процессом – и с точки зрения сложности навыка, и с точки зрения затрат времени и сил. Однако вековая традиция и привычки меняли взгляд наших предков на прямо противоположный.

Качества материалов, получавшихся в результате пиления и тёски, зачастую также не способствовали признанию выгод новой технологии. Пила прорезала ствол напрямую, без учета направления волокон, что ослабляло материал. Топор «зачеканивал» поры древесины, делая ее более прочной, упругой и устойчивой к гниению по сравнению с сырым материалом. При таких очевидных преимуществах тёса было сложно объяснить, в чём же заключаются выгоды приобретения пиленных досок.

Торговля и транспорт. Конечной целью амбициозных внешнеполитических проектов Петра I являлось увеличение доходов от внешней торговли [17]. Вывоз лесоматериалов активно развивался. С начала XVIII в. логика этого процесса перестала быть чисто экономической и приобрела также политическую подоплеку и теоретико-идеологическое обоснование. Протекционизм и поощрение вывоза готовой продукции стали важными составляющими государственной политики. Активное строительство, скачкообразное увеличение государственных заказов и развитие торговли с Европой стимулировали оживление внутренних связей: в молодую столицу везли уральский металл, казанские дубы, вычегодскую соль и многие другие товары [16, 20]. Не всегда и не везде была возможной доставка по воде.

Строительство телег и саней стало одной из ранних потребностей, для которых русский крестьянин стал покупать доски. Изготовление корпуса этих простых транспортных средств не требовало

особой упругости или водостойкости материала. Основную нагрузку при ударах несли жерди. При этом массу конструкции желательно было минимизировать. При увеличении потребностей в сухопутных перевозках покупка пиленных досок становилась очевидно выгодной.

XVIII в. – это время повышения мобильности. Помимо активизации торговли и связанных с ней сухопутных перевозок, следует помнить об образовательных путешествиях. Сначала они носили подчас принудительный характер, а затем вошли в моду, стали восприниматься как обязательная часть образовательного процесса и нормальной жизни молодого дворянина [4; 5; 23; 33]. Длительное пребывание богатого молодого человека в Москве или Петербурге обычно тоже было связано с постоянными передвижениями, которые считалось приличным осуществлять при помощи транспортных средств. Отсюда распространение их разнообразных видов – кареты, коляски, брички, дрожки – все они, также как и крестьянские телеги, должны были быть как можно легче; к упругости и устойчивости экипажа к ударам не предъявлялось особых требований. Зато ценилась ровная поверхность и наличие богатых украшений. С конца XVIII в. предпринимались попытки государственной организации пассажирских перевозок [3]. Тяга к постоянным путешествиям как неотъемлемой части русской культуры XIX в. получила свое оформление в литературном образе «птицы-тройки» [34]. Все требования, связанные с повышением мобильности населения, с большим успехом могли быть удовлетворены пилеными материалами, чем тёсаными.

Судостроение. Хотя для государственного судостроения использовалось большое количество пиленных материалов, крестьяне, издавна промышленявшие водными перевозками, скептически относились к новшеству. Особенно упорно сопротивлялся столичным предписаниям русский Север – регион с самым развитым традиционным судостроением и первый, в

котором появились пильные мельницы.

В судостроении качественные отличия тёса от пиленых досок были принципиально важными. От прочности, упругости и устойчивости к гниению зависел срок службы судна, а подчас – и само выживание находившихся на нем людей. Помимо прочих деталей технологии заготовления материалов и строительства, староманерные северорусские суда имели ряд преимуществ перед регулярными, благодаря тому, что они строились из тёса, и составные части соединялись между собой не нагелями, а сшивались более гибкими устойчивыми к внешним воздействиям жилами морского зверя, вицей (кручеными стволами молодых деревьев) или жгутами мочала. Благодаря выработанной веками традиции, суда при столкновении с подводными камнями или другими преградами реже разбивались и дольше служили. Естественным было нежелание перенимать менее практичные технологии. Столь же естественной была невозможность применения выработанных на Севере традиций для строительства крупных боевых кораблей [6, с.109-110; 13, с.278].

Даже через 150 лет после петровских распоряжений о запрете староманерных судов П.А. Богославский предварял каждый раздел в своей книге почти одинаковым по содержанию введением:

...постройка мореходных и купеческих судов производится так называемыми вольными мастерами... Эти плотники-мастера принадлежат к сословию мещан и вольных мастеров, людей, большей частью безграмотных, не имеющих никакого понятия о чертежах и разбивке плана, и строят свои суда, руководствуясь одним практическим навыком, одною наглядностью. Хотя в управлении... и находятся чертежи для строения и вооружения купеческих судов и штатный корабельный мастер (в чине офицера), но до сего времени не видно ни одного судна, построенного по означенным чертежам; и

к штатному корабельному мастеру обращаются не за советами относительно правильной постройки, а для подписи свидетельства, что судно построено из хорошего леса, имеет надлежащее скрепление и годно к мореходству [7, с.101].

В русском регулярном флота суда, построенные из архангельской лиственницы были рекордсменами по срокам службы. Обшитые же по западноевропейской технологии досками корабли подчас начинали гнить уже на стапелях [14; 15].

Строительство и обустройство зданий. До появления досок люди веками строили жилища и крепости при помощи топора, в основном из бревен. На некоторые части конструкции, такие как, например, кровлю, шли тёсанные доски. Крыша дома, как и корпус коча, должна была обладать прочностью и хорошими водоотталкивающими свойствами. Пилёные доски для этого не годились, тёс был вытеснен со временем только кровельным железом и черепицей. Не могли доски вытеснить бревна и как основной материал для сооружения стен. Полы в традиционных жилищах были земляными, потолки отсутствовали. Такие технологии строительства были распространены повсеместно. И.В. Гёте писал как мать наставляла Маргариту содержать дом в порядке: «И учит посыпать, узоры выводя, / Песком весь чистый пол каморки тесной».

Появление досок стимулировало распространение европейской моды на внешнюю и внутреннюю обшивку зданий. Наиболее зажиточные и образованные жители всегда пользовались уважением в местной среде. И вековые традиции, и правовые нормы возлагали на них груз ответственности за менее успешных односельчан. Помещики, священники, купцы, зажиточные крестьяне хранили запасы зерна, обычно достаточные для недопущения голодной смерти соседей, организовывали крупные строительства и совместную защиту своего пространства от раз-

бойничьих шаек, предоставляли возможность заработка, выступали с авторитетным мнением в случае споров, задавали тон местным модам, нравам и обычаям. Если такой человек не изначально обладал особым социальным статусом (владелец имения, священник), то община выбирала его сельским старостой или главой артели. Такие отношения считались нормальными в традиционном обществе, получили правовое оформление в Новое время, тогда же получили разработку в художественной литературе и публицистике как представления о рачительном помещике (хозяине, управляющим).

Социальные отношения связаны с технологиями использования досок в строительстве не только тем, что через местные элиты распространялась практика обшивки зданий и изысканного декоративного оформления. Увеличение количества досок способствовало распространению половиц, со временем – поднятию жилого помещения над уровнем земли и совершенствованию системы отопления. Во времена господства топора покрытие пола расколотыми вдоль и пригнанными друг к другу брёвнами было доступно лишь единицам, встречалось в царских палатах, было особым шиком в боярских домах. В редком хозяйстве находилось достаточно сил и времени на обустройство подобных «излишеств». Проблема вредного воздействия сырого и холодного пола на здоровье становилась острее по мере продвижения русских на север.

Что влекло русских в холодные неприветливые края? В Средние века манили источники соли. Она стоила очень дорого и могла быть средством получения огромного состояния. Многие солеварницы были основаны монахами, искавшими, помимо материальных выгод, собственные ценности, далекие от мирской суеты – уединение в тиши, преодоление соблазнов, укрощение плоти посредством жизни в тяжелых условиях. Со второй половины XVI в. Архангельск стал развиваться как порт, это привлекло туда новых

переселенцев. Факты о налаживании торговли с Англией при Иване Грозном и о появлении в жилищах в тот же период половиц и обшивки потолков досками известны настолько широко, что упоминаются в некоторых школьных учебниках [20, с.31]. Однако обычно рассматриваются в отрыве и друг от друга, и от географического фактора.

Баженины, как одна из самых зажиточных и уважаемых купеческих семей Архангельской области, не могли быть равнодушны к вопросам быта и выживания в суровом климате. Налаживание производства досок в количестве, достаточном для обеспечения местного населения половицами и потолками, а также дополнительного утеплителя в виде внешней и внутренней обшивки, было частью решения важного вопроса увеличения продолжительности активной жизни, частью несения той самой социальной ответственности, о которой говорилось в предыдущем абзаце. Именно с появлением досок появляется и становится северорусский тип избы с высоким подклетом. Примерно тогда же появились двери. Со временем их стали ставить не только на входе в жилище, но и между жилыми помещениями.

За появлением ровных поверхностей стен, дверей, потолка и полов последовали росписи и резные украшения, которые впоследствии стали восприниматься как неотъемлемые и исконно русские элементы национальной культуры. Административные здания первыми обрели обшивку досками и стали распространять этот обычай сначала среди тяготевавших к вестернизации помещиков, затем – и среди других слоев населения. Зажиточные сельские жители стали щеголять друг перед другом кружевными ставнями и наличниками, сёла – храмами. Получило развитие производство дверей с картинами, вырезанными на досках. Петр I сам упражнялся в их изготовлении на токарном станке. На одной из внутренних дверей в Летнем Дворце-Музее Петра I

можно увидеть несколько его картин на тему «Распятия Христа».

Ряд поделок из дерева удобнее делать из пиленых досок, чем из теса. Так распространялась мода на европейскую мебель с ровными гладкими поверхностями. Они воспринимались как элементы роскошной комфортной жизни – уклада, осуждаемого в традиционной культуре и являющегося стимулом приложения усилий в культуре Нового времени [8; 35, с.491-550]. Изготовление шкафов, буфетов, кроватей, стульев снова не обходилось без пиленых досок. Спрос на мебель европейского образца увеличился так, что его трудно было удовлетворить без использования новых технологий. От шкафов и кроватей не требовалось такой прочности и упругости как от судов или крыш. В течение примерно двадцати десятилетий рубленую и долбленую мебель вытесняли из быта привычные нам сейчас предметы. Сначала это происходило в среде вестернизированной элиты, затем распространялось на городскую и помещичью культуру, наконец – переходило на уровень широкого использования во всех слоях общества.

В целом, доски на мебель и мелкие изделия – это некий очень небольшой процент пиловавшихся материалов, но они подчас влияли на повседневные практики и на развитие торговли ощутимее, чем крупные государственные проекты.

Таким образом, доски в строительстве были средством:

1. Повышения качества жизни, средством приспособления к холодному климату, защиты дома от потери тепла и от излишней влажности;

2. Повышения социального статуса хозяина;

3. Средством художественного самовыражения строителя и заказчика.

Искусственный рынок сбыта. До сих пор речь шла о тех сферах использования древесины, где доски со временем нашли бы устойчивый спрос и без давления государства. Однако нетерпеливому

преобразователю этого казалось недостаточно для достижения желаемых темпов распространения новой технологии. Поэтому наряду с «естественными» потребностями появлялись искусственные.

Примером тому является «похоронная политика». Известный указ 1723 г. «О непогребании священникам никого в дубовых гробах» [31, т.7, №4377] обычно трактуется как часть политики охраны лесов, тем более что в тот же день была подписана Инструкция Обер-Вальдмейстеру (главному лесничему империи) [31, т.7, №4379]. Однако экономия была мнимой: «С 1723 года покойника, принесенного на кладбище в гробу дубовом или сделанном из сосновой колоды, перекладывали в уставной – дощатый» [2, с. 286]. То есть для одного захоронения теперь требовалось два гроба, и потребности в материалах увеличивались. Зато создавался новый рынок сбыта пиленых досок.

Мелкие поделки. Говорят, что жизнь складывается из мелочей. Отходы, оставшиеся при строительстве крупных деревянных сооружений, шли на разные поделки – от плошек до детских игрушек. На примере народной музыкальной культуры хорошо прослеживается влияние смены технологии обработки древесины на характер мелких изделий.

В литературе обычно можно прочитать, что рубеже XVII-XVIII вв. домру вытесняет балалайка. Изменение предпочтений обычно объясняется тотальным истреблением домр по указу Алексея Михайловича 1648 г. [1; 25; 27; 37]. При этом делается интересная оговорка – на ранних этапах существования балалайки ее корпус делали круглым, а в чем заключались ее отличия от домры, умалчивается. Было бы странным, если бы все неугодное русским царям так легко истреблялось одним указом и показательным сжиганием пяти доверху груженных телег «дьявольских сосудов». М.И. Имханицкий и А.Е. Лебедев считают, что домра – инструмент более древний, и полностью забытый после

1648 г., изготавливался профессиональными мастерами при царском дворе, а балалайка – более поздний любительский вариант [18, с.28-31; 22, с.192-194]. Другая точка зрения заключается в том, что балалайка представляет собой результат слияния домры с гусями – от первой был заимствован корпус, от вторых – способ игры [9, с.51], что, на самом деле, очень сомнительно – традиционные способы извлечения звука на гусях и балалайки существенно отличаются. На сайте Интерактивного музея музыки выражено мнение (наиболее обоснованное на наш взгляд), что домра и балалайка являются двумя поздними модификациями одного и того же вида некоего древнего струнно-щипкового инструмента [19].

Не вдаваясь в подробности обоснованности этих точек зрения, а также того или иного названия¹, обратим внимание на технологии изготовления корпуса. Для домры его делали так же, как для древнерусского гудка или гуслей – выдалбливали, другие детали (а иногда также и плоские корпуса без голосника) были резными и струганными [28; 29; 30]. Когда сама процедура долбления стала осознаваться как излишне трудоемкая, заменяемая более экономичной, форма корпуса изменилась вполне естественным образом: прямые дощечки («клёпки») проще и удобнее соединить в корпус треугольной формы, чем гнуть и соединять в полусферу. В XVIII в., когда шёл процесс распространения пиления, формы корпуса балалаек отличались разнообразием. Они

были круглыми, овальными, треугольными, трапециевидными и «из кривого куска дерева» [32, с.60].

В качестве документального подтверждения высказанных суждений могут служить музейные предметы. В фондах Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН хранится пять балалаек. Русских народных инструментов под названием «домра» нет, только шесть казахских домбр. Предметы под названием «балалайка» отражают каждую стадию развития инструмента, этнографам удалось «поймать» эти значимые исторические моменты: инструмент первой половины XIX в. имеет долбленный корпус в форме полуцилиндра (МАЭ № 2911-412), четыре более поздних сделаны из дощечек. При этом две из них имеют форму, промежуточную между «андреевскими» домрой и балалайкой – имеют закругления, одна из них больше напоминает треугольник (МАЭ № 2911-413), чем вторая (МАЭ № 73-24). Наконец, из дощечек изготовлены две балалайки с треугольным корпусом – одна с плоским (МАЭ № 1048-161), другая – с полым внутри уплощенным (МАЭ № 73-23). В фондах Российского этнографического музея хранится детская игрушечная балалайка начала XX в. Она имеет долбленный корпус.

Заключение. Пилёные доски имели ряд существенных недостатков по сравнению с тёсом. Их производство в России началось с частной инициативы северных крестьян и перенимания западноевропейской технологии. Следующий этап в ее

¹ Это вопрос чисто филологический. Филологи не отрицают, что слово «домра» старше, чем «балалайка». Сейчас отличия между домрой и балалайкой очевидны для интересующихся музыкальными традициями, ведущими свою историю от оркестра В.В. Андреева. В более широкой среде, не исключая профессионального сообщества историков и этнографов, слово «балалайка» хорошо всем знакомо и часто употребляется, а музейные предметы с названием «домра» можно встретить только в собраниях, специализирующихся на истории музыки. Важно здесь помнить также об истории современной оркестровой домры:

«В 1895 году один из участников Андреевского кружка балалаечников А.С. Мартынов вывез из Вятской губернии 3-струнный музыкальный инструмент с резонаторным корпусом полусферической формы. Он представлял собой один из типов народной балалайки, но был ошибочно принят за образец древнерусской домры, подвергнут усовершенствованию, в результате чего появилось семейство оркестровых разновидностей... в народном музыкальном быту они не употребляются» [11, с.82-83]. В большинстве дошедших до наших дней изображений домры по форме больше напоминают европейские лютни [18, с.19-22].

распространения был связан с настойчивой государственной политикой, в которую вносили свои коррективы устоявшиеся традиции, соображения удобства, экономические процессы, представления о престиже и моде.

Сфера использования пиленых досок определялась развитием:

- торговли,
- военно-морского флота,
- сухопутного транспорта,
- жилищного строительства и благоустройства,

- мелкого ремесленного производства.

Хотелось бы закончить статью не точкой, а многоточием и выразить надежду, что изложенные материалы станут стимулом для дальнейших размышлений на тему формирования рынка сбыта пиленых материалов; новых идей о том, какие были искусственные способы стимулирования процесса, и какие элементы повседневного быта не могли бы появиться без технологии, казавшейся 300 лет назад европейской диковиной.

Благодарю стажера-исследователя лаборатории экологической и технологической истории Высшей школы экономики П.С. Покидько за помощь в постановке вопроса и в определении исследовательского поля.

Список литературы

1. Агажанов А. Русские народные музыкальные инструменты. М.; Л.: Музгиз, 1949. 58 с.
2. Анисимов Е.В. Петр Великий: личность и реформы. М.: Питер, 2009. 446 с.
3. Бекасова А.В. Дилижансы на дорогах России XIX в.: от замысла – к практике воплощения // *Quaestio Rossica*. 2017. Т.5. №1. С. 32–55.
4. Белякова Н.Ю. Реальные и вымышленные «путешествия» XVIII века: грани соприкосновения // *Герценовские чтения 2006. Актуальные проблемы социальных наук*. СПб.: б.и., 2006. С. 162-164.
5. Берелович В. Образовательные стратегии русских аристократов и воспитание сирот Голицыных (1782–1790) // *Европейское просвещение и цивилизация России*. М.: Наука, 2004. С. 318–330.
6. Бернштам Т.А. Поморы. Формирование группы и система хозяйства. Л.: Наука ЛО, 1978. 176 с.
7. Богославский П. А. О купеческом судостроении в России, речном и прибрежном. Т.1. - СПб.: Мор. уч. ком., 1863. 188 с.
8. Бугров К.Д. «Экономия» и добродетель: этический регулятор помещичьего хозяйства и российской политической мысли XVIII – начала XIX в. // *История: факты и смыслы*. 2019. №1. С. 7-18.
9. Васильев Ю.А., Широков А.С. Рассказы о русских народных инструментах. М.: Сов. Композитор, 1986. 88 с.
10. Велувенкамп Я.В. Нидерландские предприниматели в России. 1550–1785. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006.
11. Вертков К.А. Русские народные музыкальные инструменты. Л.: Музыка, 1975. 280 с.
12. Волков Н.Н. Зимние занятия вепсов // *Архив МАЭ РАН*. Ф.13. Оп.1. Д.13.
13. Дубровин Г.Е., Огороков А.В., Старков В.Ф. и др. История северорусского судостроения. СПб.: Алтейя, 2001. 402 с.
14. Гребенщикова Г.А. Екатерина II и развития военного флота России // *Вопросы истории*. 2005. №4. С. 150-155.
15. Гребенщикова Г.А. Строительство Военно-Морского флота на Чёрном море в

30-50-е гг. XIX века. Дисс. ...к.и.н. СПб., 2004.

16. Захаров В.Н. Внутренняя торговля в России при Петре I // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. №4. С. 91-101.

17. Захаров В.Н. Три века внешней торговли России - от Белого моря к Чёрному // Лазаревские чтения. Причерноморье: история, политика, география, культура. Севастополь: филиал изд-ва МГУ, 2019. С. 12-16.

18. Имханицкий М.И. У истоков русской народной оркестровой культуры. М.: Музыка, 1987. 190 с.

19. Интерактивный музей музыки. URL: <https://musicmuseum.by/domra/> (дата обращения 17.03.2021)

20. Истомина Э.Г. Пути сообщения и транспорт в России в XVI - начале XX в. // Историческая география России: территория, население, экономика: очерки. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2013. С. 166-229.

21. История России. Учебник для учащихся общеобразовательных учреждений. 7 класс / ред. Р.Ш. Ганелин. М.: Вентана-Граф, 2013. 320 с.

22. Лебедев А.Е. Развитие русских народных музыкальных инструментов: пути и перспективы // Современное культурно-образовательное пространство гуманитарных и социальных наук. Материалы VIII Международной научной конференции. Саратов: Саратовский источник, 2020. С. 191-200.

23. Лер С. Воспитание российского дворянства: от практики образовательных путешествий в Западную Европу к национальным корням культуры (семейства Голицыных и Апраксиных в 1780-1812 гг.) // Quaestio Rossica. 2015. №2. С. 158-171.

24. Любомиров П.Г. Из истории лесопильного производства в России в XVII, XVIII и начале XIX вв. // Исторические записки. М., 1941. С. 222-249.

25. Махан В.В. Домра в России: истоки и возрождение. Дис. ... к. искусствоведения. М., 2017.

26. Местмахер И. О пользе махины, которою один человек может пилить дрова // Труды Вольного экономического общества. 1790. Ч. XL. С. 121-127.

27. Писняк Г. Андреевская певунья. Из истории домры // Музыкальная жизнь. 1971. №11. С. 21.

28. Поветкин В.И. Музыкальный инструментарий древнего Новгорода // Живая старина. 1997. №2. С. 46-49.

29. Поветкин В.И. Новгородские гусли и гудки // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982. С. 295-322.

30. Поветкин В.И. Звонкие струны древних новгородских гуслей (из опыта восстановительных работ) // Новгородский исторический сборник. Л.: Наука, 1989. С. 51-62.

31. Полное собрание законов Российской Империи. СПб: тип. 2 отд. СЕИВК, 1833.

32. Просветов А.В. Искусство игры на балалайке в доандреевский период // Искусствознание: теория, история, практика. 2015. №1(11). С. 59-62.

33. Ратников К.В. «Модное просвещение» в зеркале русской сатиры второй половины XVIII столетия // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2019. С.62-72.

34. Сазонова Л.И. Литературная родословная гоголевской птицы-тройки // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2000. Т.59. №2. С. 23-30.

35. Седов П.В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 603 с.

36. Стришенец Н.М. Лесопильное механизированное производство Украины

XVI–XVII вв. // Лесной журнал. 1973. № 4. С. 167–168.

37. Фаминцын А.С. Домра и сродные ей танбуровидные музыкальные инструменты русского народа // Скоморохи на Руси. СПб.: Алетейя, 1995. С. 313–535.

38. Фомин Ю. Лесопильное производство в России // Технологии строительства. 2005. № 6. С. 109–114.

39. Цейтлин М.А. Лесная промышленность в России и СССР. Л.: Печатный труд, 1940. - 156 с.

FORMATION OF THE MARKET FOR SAW BOARDS IN RUSSIA XVIII CENTURY

The article is devoted to the history of sawn timber dispensing in Russia. The new kind of material appeared for the satisfaction of needs, which had not existed earlier. Then other ways of usage were performed. At last the outlet was partly affectedly formed to encourage the new technology. The usage of sawn timber from one side was determined, from the other side determined the development of Russian trade, water- and land-transport, house-building and everyday life.

Keywords: history of technologies, everyday life, wood-processing, outlet.

References

1. Agazhanov A. Russkie narodnye muzykal'nye instrumenty [Russian folk musical instruments]. Moscow; Leningrad: Muzgiz, 1949. 58 s.

2. Anisimov E.V. Petr Velikii: lichnost i reform [Peter the Great: personality and reforms]. Moskva: Piter, 2009. 446 s.

3. Bekasova A.V. Dilizhansy na dorogah Rossii XIX v.: ot zamysla – k praktike voploshcheniya [Diligence on Russian roads in the 19th century]. In: *Quaestio Rossica*. 2017. T.5. №1. S. 32–55.

4. Belyakova N.Yu. Real'nye i vymyshlennye «puteshestviya» XVIII veka: grani soprikosnoveniya [Real and make-believe “travels” of the 18th century] In: *Gercenovskie chteniya 2006. Aktual'nye problemy social'nyh nauk*. St.Petersburg: b.i., 2006. S. 162–164.

5. Berelovich V. Obrazovatel'nye strategii russkih aristokratov i vospitanie sirot Golitsynyh (1782–1790) [Education strategies of Russian aristocrats and education of orphans Golitsyns (1782–1790)]. In: *Evropejskoe prosveshchenie i civilizaciya Rossii*. Moscow: Nauka, 2004. S. 318–330.

6. Bernshtam T.A. Pomory. Formirovanie gruppy i sistema khoziaistva [Pomors. The formation of group and household system]. Leningrad: Nauka LO, 1978. 176 s.

3. Bogoslavskii P. A. O kupecheskom sudostroenii v Rossii, rechnom i pribrezhnom [About the merchants' shipbuilding in Russia, river and sea]. T.1. – St.Petersburg.: Mor. uch. kom., 1863. 188 s.

8. Bugrov K.D. «Ekonomiia» i dobrodetel: eticheskii regulator pomeshchichego khoziaistva i rossiiskoi politicheskoi mysli XVIII – nachala XIX v. [“Economy” and virtue: the ethic regulator of local household in Russian political thought] In: *Istoriia: fakty i smysly*. 2019. №1. S.7–18.

9. Vasil'ev Yu.A., Shirokov A.S. Rasskazy o russkih narodnyh instrumentah [Esseys on Russian folk instruments]. Moscow: Sov. Kompozitor, 1986. 88 s.

10. Veluvenkamp Ia.V. Niderlandskie predprinimateli v Rossii. 1550–1785 [Netherlands merchants in Russia]. Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia, 2006.

11. Vertkov K.A. Russkie narodnye muzikalnye instrumenty [Russian folk musical instruments]. Leningrad: Muzika, 1975. 280 s.

12. Volkov N.N. Zimnie zaniatiia vepsov [Winter businesses of the Veps]. In: *Arkhiv MAE RAN*. F.13. Op.1. D.13.

13. Dubrovin G.E., Okorokov A.V., Starkov V.F. i dr. Istoriya severorusskogo sudostroeniya [History of Russian ship-building]. St.Petersburg.: Alteya, 2001. 402 s.
14. Grebenshchikova G.A. Ekaterina II i razvitiia voennogo flota Rossii [Catherine 2d and navy development in Russia]. In: *Voprosy istorii*. 2005. №4. S.150-155.
9. Grebenshchikova G.A. Stroitelstvo Voенно-Morskogo flota na Chernom more v 30-50-e gg. XIX veka [The navy-building at the Black sea in 1830-1850-es]. Diss. ...k.i.n. SPb., 2004.
16. Zaharov V.N. Vnutrennyaya torgovlya v Rossii pri Petre I [Internal trade of Russia during Peter the 1st's reign]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki. 2020. №4. S. 91-101.
17. Zaharov V.N. Tri veka vneshnej torgovli Rossii - ot Belogo morya k Chyornomu [Three centuries of Russian external trade - from the White sea to the Black one]. In: *Lazarevskie chteniya. Prichernomor'e: istoriya, politika, geografiya, kul'tura*. Sevastopol': filial izd-va MGU, 2019. S.12–16.
18. Imhanickiy M.I. U istokov russkoi narodnoi orkestrovoi kul'tury [At the sources of Russian folk culture of orchestra]. Moscow: Muzyka, 1987. 190 s.
19. Interaktivnyj muzej muzyki [Interactive museum of musical instruments]. URL: <https://musicmuseum.by/domra/> (17.03.2021)
20. Istomina E.G. Puti soobshcheniya i transport v Rossii v XVI - nachale XX v. [Communications and transport in Russia in the 16 – early 20th centuries]. In: *Istoricheskaya geografiya Rossii: territoriya, naselenie, ekonomika: ocherki*. Moscow: In-t ros. istorii RAN, 2013. S.166–229.
21. Istoriia Rossii. Uchebnik dlia uchashchikhsia obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii. 7 klass / red. R.Sh. Ganelin [History of Russia. Schoolbook for the 7th class]. Moscow: Ventana-Graf, 2013. 320 s.
22. Lebedev A.E. Razvitie russkikh narodnykh muzykal'nykh instrumentov: puti i perspektivy [The development of Russian musical instruments; ways and perspectives]. In: *Sovremennoe kul'turno-obrazovatel'noe prostranstvo gumanitarnykh i social'nykh nauk. Materialy VIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Saratov: Saratovskij istochnik, 2020. S. 191–200.
23. Ler S. Vospitanie rossiiskogo dvoryanstva: ot praktiki obrazovatel'nykh puteshestvii v Zapadnuyu Evropu k nacional'nym kornyam kul'tury (semeistva Golicynykh i Apraksinykh v 1780–1812 gg.) [Educating of Russian noblemen: from the practice of educational travels to the Western Europe to the national roots of culture (the families of Golicyns and Apraksins in 1780–1812)]. In: *Quaestio Rossica*. 2015. №2. S. 158–171.
24. Liubomirov P.G. Iz istorii lesopilnogo proizvodstva v Rossii v XVII, XVIII i nachale XIX vv. [From the history of timber-business in Russia in the 17th, 18th and early 19th centuries] In: *Istoricheskie zapiski*. Moscow, 1941. S. 222–249.
25. Mahan V.V. Domra v Rossii: istoki i vrozozhdenie [Domra in Russia: the sources and rebirth]. Dis. ... k. iskusstvovedeniya. Moscow, 2017.
26. Mestmakher I. O polze makhiny, kotoroiu odin chelovek mozhet pilit drova [On the use of machine, with which one man can saw wood]. In: *Trudy Volnogo ekonomicheskogo obshchestva*. 1790. Ch. XL. S. 121–127.
27. Pisnyak G. Andreevskaya pevun'ya. Iz istorii domry [The singer of Andreev. From the history of domra]. In: *Muzykal'naya zhizn'*. 1971. №11. S.21.
28. Povetkin V.I. Muzykal'nyj instrumentarij drevnego Novgoroda [Musical instruments of ancient Novgorod]. In: *Zhivaya starina*. 1997. №2. S. 46-49.
29. Povetkin V.I. Novgorodskie gusli i gudki [The gusli and gudki of Novgorod]. In: *Novgorodskij sbornik. 50 let raskopok Novgoroda*. Moscow: Nauka, 1982. S. 295-322.

30. Povetkin V.I. Zvonkie struny drevnih novgorodskih guslei (iz opyta vosstanovitel'nyh rabot) [Sonorous sound of string ancient gusli of Novgorod (from the experience of restorations)]. In: *Novgorodskiy istoricheskiy sbornik*. Leningrad: Nauka, 1989. S. 51-62.
31. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii [Full assemble of Russian laws]. St.Petersburg: tip. 2 otd. SEIVK, 1833.
32. Prosvetov A.V. Iskusstvo igry na balalaike v doandreevskij period [The art of playing the balalaika before Andreev's period]. In: *Iskusstvoznanie: teoriya, istoriya, praktika*. 2015. №1(11). S. 59-62.
33. Ratnikov K.V. «Modnoe prosveshchenie» v zerkale russkoi satiry vtoroj poloviny XVIII stoletiya [“Fashionable enlightenment” in the mirror of Russian satire of the second half of the 18th century]. In: *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenii. Ural'skiy region*. 2019. S.62-72.
34. Sazonova L.I. Literaturnaya rodoslovnaya gogolevskoi pticy-troiki [Literature history of Ggol's “bird - three-horse carriage”]. In: *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*. 2000. T.59. №2. S.23-30.
35. Sedov P.V. Zakat Moskovskogo tsarstva. Tsarskii dvor kontsa XVII v. [The decline of Russian stardom. The court of tsars in the late 17th century] St.Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2006. 603 s.
36. Strishenec N.M. Lesopil'noe mekhanizirovannoe proizvodstvo Ukrainy XVI–XVII vv. [Mechanized wood industry of Ukraine in the 16–17th centuries]. In: *Lesnoi zhurnal*. 1973. № 4. S. 167–168.
37. Famincyn A.S. Domra i srodnye eye tanburovidnye muzykal'nye instrumenty russkogo naroda [Domra and relative musical instruments of Russian nation]. In: *Skomorohi na Rusi*. St-Petersburg.: Aleteya, 1995. S. 313-535.
38. Fomin Yu. Lesopil'noe proizvodstvo v Rossi [Wood industry in Russia]. In: *Tekhnologii stroitel'stva*. 2005. № 6. S. 109-114.
39. Tseitlin M.A. Lesnaya promyshlennost' v Rossii i SSSR [Wood industry in Russia and USSR]. Leningrad: Pechatny trud, 1940. - 156 s.

Об авторе

Лупанова Евгения Михайловна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела «Музей Ломоносова» в составе Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия), E-mail: lupanova@kunstkamera.ru

Lupanova Yevgenia Mikhailovna – Candidate of Sciences (History), Senior researcher of the Department «M. V. Lomonosov's museum» Museum for anthropology and ethnography RAS (Russia), E-mail: lupanova@kunstkamera.ru

УДК 94(410).085

Марченков Р.Р., аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия).

УСЛОВИЯ И ДИНАМИКА ТРАНСФОРМАЦИИ ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА ВЕЛИКОБРИТАНИИ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Данная статья освещает внутренние особенности британского офицерского корпуса накануне и в период Второй мировой войны. В ней затрагиваются вопросы социального состава и путей комплектования офицерства. Описывается динамика трансформационных процессов данной категории военного сегмента в условиях войны.

Ключевые слова. Великобритания, Вторая мировая война, офицерский корпус, меритократическая система, комплектование офицерства, образовательная среда.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-01-102-110

Вступая во Вторую мировую войну, офицерский корпус представлял из себя социально-профессиональный слой, на который наложили отпечаток как собственная длительная история, так и события XX века. Историческая практика обусловила ассоциирование офицерства в европейских странах в качестве связующего звена между дворянством и остальными сословиями, что придавало ему элитарность [1; с 3 - 4]. По сравнению с большинством стран, перешедших на республиканскую форму правления, парламентская монархия в Великобритании способствовала определенному сохранению духа консерватизма. Исходя из этого можно заключить, что и элитарное восприятие офицерства как отдельной социальной категории сохранялось.

Согласно историко-социальным исследованиям П.Раззеля, расширение социальной базы армии на рубеже XIX – XX веков связано с ведением экзаменационных требований и отменой системы покупки званий, способствующей активному привлечению в ряды офицерского корпуса других сословий. В то же время в британский офицерский корпус с изначально значительной представленностью дворянства сильные коррективы внесла Первая мировая война. Большие потери офицеров из

высоких сословий заполнялись выходцами из широких масс населения. Иницированный процесс пополнения рассматриваемой армейской категории имел успех. В то же время он не смог распространиться на все рода войск. Гвардейские и кавалерийские части – давние излюбленные места службы аристократии – смогли сохранить высокий процент представителей высокого сословий. Однако впоследствии начавшийся процесс механизации, в том числе реформирования кавалерийских частей в танковые бригады, нарушал данную идилию. Так, Королевский бронетанковый корпус наряду с инженерными частями перед Второй мировой войной являлся у высокого сословия наименее социально престижным местом службы. Подобное восприятие позволило наполнить Королевский бронетанковый корпус офицерами из широких слоев населения.

Пехотные соединения в такой морской державе как Соединенное Королевство котировались значительно ниже. События Великой войны, в частности большие потери и особенности нахождения на передовой, не добавляли блеска пехотным частям в сознании будущих офицеров, а также способствовали снижению желания населения связывать себя с

военной карьерой в целом [15, р. 248-260]. С военно-техническим развитием в социальной иерархии поднялась и артиллерия. От проходящих службу в артиллерии офицеров требовалась значительная образовательная подготовка. В этой связи наряду с повышением требований, увеличивался и престиж. На данное обстоятельство также обращает внимание британский исследователь офицерского корпуса королевства Э.Клайтон, отмечая, что порядка 90% офицеров-артиллеристов являлись выпускниками известных государственных школ [10, р. 194]. В ходе войны значительно возрос авторитет королевских военно-воздушных сил в глазах населения в целом. По оценке английского военного историка М.Хейстингса, пика популярности ВВС достигли во время «битвы за Англию» и вытекающих из нее бомбардировок Британских островов. Авиация стала одним из наиболее важных оплотов королевства, чья деятельность была всегда на виду. При этом в британских ВВС по сравнению с Люфтваффе отсутствовал культ ассов [7, р. 89 - 90]. Что касается классовости в королевских военно-воздушных силах, то необходимо выделить характерную для них меритократическую систему отбора офицеров. С ростом потребностей в летном составе, акцентом на авиацию в военной доктрине, а также ввиду исчерпания резервов выпускников государственных школ в 1936 году был сформирован добровольческий резерв королевских Военно-воздушных сил с привлечением широких слоев населения. К началу войны он насчитывал 5 тыс. человек, которые по мере «выбивания» старого состава занимали его место, в особенности после первого года войны [13, р. 28]. В свою очередь, британский военный деятель Э.Дж. Кингстон-Маклори отмечает, что в королевских ВВС главным требованием было личное умение пилотирования самолета [2, с. 72 - 73]. Данное высказывание, разумеется, стоит оценивать через призму

симпатии Э.Дж. Кингстон-Маклори к своему роду войск. Однако высказанный им тезис имеет право на существование. Упомянутый автор, помимо прочего, акцентирует внимание на относительно молодом составе военно-воздушных сил Соединенного Королевства [2, с. 73], что может указывать на большее преобладание либеральных взглядов касательно имперского военного устройства.

Что касается более высокого уровня офицерства – генералитета, то исследователи социального состава британского офицерства П.Раззелл и С.Отли едины в оценке. Высшие эшелоны офицерского корпуса сохранили немалый процент представителей высокого сословия вплоть до Второй мировой войны. В 1930-х годах данная категория составляла около 40% от общей численности офицерства. В качестве наиболее известных представителей данной категории выделяются фельдмаршалы Б.Монтгомери, Х.Александр, Э.Айронсайд [14, р. 213 - 239] [15, р. 248 - 260].

На наличие антимеритократической системы в военной среде также указывают слова военного министра Хор-Белиши (1937-1940): «Я всегда считал, что армия должна быть частью нации, что в армии должна быть такого рода карьера, когда каждый молодой человек мог, вступая в армию, знать, что он будет продвигаться по службе соответственно своему характеру и способностям, независимо от социального положения и средств... Мне не раз приходило на ум, что мы должны сделать армию демократичной для того, чтобы сражаться за демократию» [3, с. 77]. Сохранению представительства знати в офицерстве, помимо прочего, способствовала действующая система образования. Во-первых, в работах таких исследователей, как Д.Френч, С.Отли и Э.Клайтон отмечается, что на процесс поступления в военные вузы (как следствие, комплектование офицерского корпуса) оказывало влияние наличие среднего

образования, полученного в престижных государственных школах. Выпускникам этих учебных заведений, являющимся преимущественно выходцами из состоятельных семей, предоставлялся приоритет при поступлении [14, р. 213 - 239] [10, р. 195] [12, р.32]. В частности, Д.Френч отмечает, что в британских военных вузах Сандерхерсте и Вулвиче в годы войны значительная часть курсантов обладала полученным ранее в государственных школах образованием. Причем данная практика сохранилась и после 1945 года [12, р. 32]. Другой стороной военного образования являлась ее платная основа, в связи с чем представители широких слоев населения, как правило, не могли позволить своим детям подобную «роскошь». Однако существовал и другой путь. Речь идет о предоставлении грантов на обучение и поблажек для сыновей военнослужащих. Данный подход способствовал формированию отдельной категории так называемых потомственных военных [14, р. 213 - 239]. При этом наибольшая скидка на обучение присуждалась сыновьям военнослужащих прослуживших в армии не менее 10 лет или погибших [5]. С.Отли представляет сводные статистические данные о происхождении курсантов ведущих военных учебных заведений Соединенного Королевства Вулвича и Сандерхерста по состоянию на 1939 год, согласно которым показатель выходцев из военных семей составляет 39.8% от общего числа курсантов для Сандерхерст и 54.1% для Вулвича. Приведенные статистические данные демонстрируют колоссальный процент потомственных военных среди курсантов. Стоит заметить, что при ознакомлении с аналогичной информацией за период с конца XIX века до начала Второй мировой войны удельный вес выходцев из военных семей также значителен [14, р. 213 - 239].

В то же время Э.Клайтон указывает на трудности, связанные с невысоким денежным довольствием и сменой места

службы, в семьях офицеров. Вследствие этого сыновья зачастую воспитывались родственниками [10, р. 195]. В контексте невысокого денежного довольствия британского офицерского состава финансовое благополучие не могло являться главным преимуществом службы. В данном контексте можно заключить, что потомственные офицеры представляли собой действительно особую категорию с семейными традициями. Данное обстоятельство может накладывать определенный оттенок консерватизма на данную категорию, а, помимо прочего, и на все офицерство.

Другой отличительной стороной британского офицерского корпуса являлась широкая представленность ирландцев. Ирландский исследователь С.О'Конор со ссылкой на представителей так называемых потомственных военных англо-ирландского происхождения указывает на дополнительную причину следования сыновей по стопам отцов. Альтернативой военной службе выступало множество гражданских университетов, однако обучение в них носило платный характер, что вступало в конфликт с ограниченностью средств. В свою очередь, связи отцов и предоставление льгот для выходцев из военных семей предоставляли юношам неплохой старт в будущее. Наряду с этим он отмечает колоссальную роль государственных школ в поставке кадров в британскую армию. В связи с этим особо выделяются религиозные государственные школы, в которых, кроме духовного воспитания, преобладали сильные военные традиции [13, р. 49, 56]. Данное обстоятельство следует рассматривать с точки зрения наличия религиозного различия между преимущественно католической Ирландией и в основном протестантским Соединенным Королевством (в том числе Северной Ирландией). В этой связи представляет интерес наличие католических школ-интернатов в Англии и их связи с ирландским государством. В качестве основных подобных

заведений на первый план выходят колледжи Стоунхерст, Амплфорт и Даунсайд в Англии, через которые проходил поток ирландцев-католиков. Сильные военные традиции в них сложились благодаря заслугам выпускников в предшествующих военных действиях. Кроме того, при указанных колледжах функционировал Объединенный кадетский корпус, в частности в Стоунхерсте членство в нем являлось обязательным для воспитанников. Что касается протестантских религиозных заведений в независимом ирландском государстве, то они отличались особым политическим воспитанием, выступая рупором английского соседа. Согласно культивированному в них мировоззрению, свободная Ирландия представлялась как равноправный британский доминион, по примеру Канады и Австралии [13, р. 62 - 70]. Таким образом, религия объединяла протестантов-ирландцев с британским миром. Наиболее популярным в этом плане учебным заведением являлся колледж святого Колумба в окрестностях Дублина. Примечательным является и то, что в период осложнения британо-ирландских отношений в 1930-е годы колледж был заверен в приверженности британской стороны в сотрудничестве с желающими послужить на благо Британской империи выпускниками [13, р. 64 - 70].

Таким образом, учебные заведения обеих христианских течений стояли у истоков комплектования английского офицерского корпуса ирландцами. В этом контексте следует обратить внимание на статистику, согласно которой в 1940 году среди поступивших в британскую армию ирландцев отмечалось 42% католиков и 48% протестантов [13, р. 30].

В свою очередь, в качестве следующего ключевого звена в системе подготовки военных кадров выделяются ведущие английские высшие военные учебные заведения - Вулвич и Сандхерст. Так, Вулвич специализировался на подготовке так называемого научного звена, требующего более широких знаний в точных науках

(артиллерия, инженерные войска, танковые части и связисты) [14, р. 213 - 239]. Э.Клайтон констатирует приверженность Вулвича классическому «джентльменскому кодексу»: поощрение спорта и в особенности верховой езды (в частности, в целях осуществления охоты). К преподаванию общих дисциплин в Вулвиче привлекались гражданские специалисты. Критериями для поступления в вузы являлись сдача вступительных экзаменов, наличие среднего образования, возраст от 18 лет [10, р. 195 - 197]. От военнослужащих вооруженных сил в чине унтер-офицеров, изъявивших желание стать офицерами, требовалось наличие не менее шести-месячного срока службы в войсках и специального аттестата, удостоверявшего наличие у них военного образования в пределах 1 курса военного училища. Срок обучения таких кандидатов сокращался до года. В рамках овладения курсантами практическими навыками предусматривалась стажировка в войсках на различных должностях, начиная с самой низшей [6, с. 73 - 74].

Широкой практикой пользовалась отправка офицеров (как правило, младшего состава) на курсы повышения квалификации в вузах в зависимости от профиля деятельности (ознакомление с новыми видами стрелкового оружия, вопросы снабжения, организация связи и химзащита) [10, р. 197]. Причем курсы повышения квалификации проходили не только в военных заведениях, но и на базе Кембриджского университета [6, с. 73 - 74]. В этой связи следует подчеркнуть занятие гражданскими учебными заведениями важной ниши в поставке кадров для армии. В качестве доказательства активного пересечения вектора военной подготовки с ведущими гражданскими вузами страны может послужить почерпнутая с архивных материалов переписка британских представителей с начальником разведывательного управления Военного министерства о посылке английских офицеров, знающих

иностранные языки, на курсы военной разведки при Кембриджском университете. Стартовавшая зимой 1939-1940 годов инициатива заключалась в лингвистическом обучении офицеров, а также расширении их знаний в области геополитики и страноведения. Длительность указанных курсов составляла восемь недель, а кандидаты обязаны были обладать минимум двумя европейскими языками на уровне хорошо и удовлетворительно [4].

Связующим звеном между гражданским и военным мирами выступал Корпус военной подготовки (КВП), представляющий из себя добровольную организацию при учебных заведениях, подчиняющуюся Военному ведомству. КВП подразделялся на младшее отделение Объединенный кадетский корпус - и старшее - Университетский корпус подготовки офицеров (аналог военных кафедр). Младшее отделение было представлено рядом элитных привилегированных частных средних школ, обладающих своей военной историей. Что касается старшего отделения, то военные кафедры при вузах традиционно являлись весомым «игроком» в процессе комплектования офицерского корпуса, в особенности в военный период. Несмотря на то что обучение на военных кафедрах при университетах пользовалось значительной популярностью в студенческой среде, с военной службой связывала себя достаточно малая часть выпускников. Наряду с этим предполагалось, что выпускники военных кафедр сформируют в британском обществе значительный резерв потенциальных офицеров. В данном случае следует особо подчеркнуть слово «потенциальных», поскольку по окончании вуза выпускник, прошедший военную подготовку и хорошо себя проявивший, лишь рекомендовался для аттестации на офицерский чин [9, р. 702-721] [8].

Запоздалый процесс расширения армии посредством введения всеобщей воинской повинности в июле 1939 года и

комплектования новых дивизий сказался на карьерном росте армейских офицеров. Наряду с этим данные факторы обнажили значительную нехватку офицерского состава, резервы которого были ограничены. В этом контексте следует обратить внимание на формирование в 1939 году после продолжительных дебатов Женского вспомогательного корпуса в Территориальной армии [10, р. 197 - 199]. Расширение офицерского корпуса сказалось на дистанцированности офицеров Регулярной и Территориальной армий, поскольку первые выказывали определенное презрение к своим коллегам [12, р. 231]. Данное отношение следует воспринимать через призму профессионализма, присущего Регулярной армии, а также комплектования Территориальных сил преимущественно по остаточному признаку

Отечественный исследователь А.Некрич также отмечает нехватку в кадровых офицерах в момент расширения армии в период «странной войны»: «Во многих частях, за исключением командира части, не было ни одного кадрового офицера рангом выше младшего лейтенанта». В свою очередь, некадровые офицеры, по его оценке, не обладали в большинстве своем опытом управления подчиненными, а также обучения их. Вдобавок проблемный характер носил недостаток в грамотных штабных офицерах [3, с. 76 - 77].

Недостаток кадров в преддверие войны являлся отнюдь не единственной проблемой офицерского корпуса, который испытывал на себе неблагоприятные веяния внутривойсковой конъюнктуры. После Первой мировой войны в обществе преобладали антимилитаристские настроения. На фоне социально-экономических проблем имперские традиции офицерства вызывали негативное восприятие у населения. В свою очередь, многие солдаты вступали в армию из-за безработицы или в качестве альтернативы тюремному заключению ввиду совершения преступлений мелкого характера [10, р. 198].

В этой связи офицерский корпус, хотя и не выделялся, как было указано ранее, в лучшую сторону в плане заработной платы, все-таки весьма контрастировал с солдатской средой.

Военные неудачи в начальный период войны отразились на значительном росте критики в отношении армии, которой в вину ставился консерватизм. В сравнении с королевскими ВВС и ВМС Сухопутные войска рассматривались как неэффективные и неподготовленные к современным вызовам. Результатом сложившейся обстановки вместе с кризисом морального духа среди военнослужащих явилась серия направленных на повышение эффективности Вооруженных сил изменений, затрагивающих социальное обеспечение военнослужащих, сферу подготовки и улучшение взаимоотношений офицеров и солдат, в том числе посредством изменения системы отбора офицеров. Переформатирование армии из профессиональной и комплектуемой на добровольной основе в Вооруженные силы военного времени провоцировало внутренние проблемы. Так, если ранее офицерский состав исходя из собственных взглядов и исторически сложившейся системы отношений задавал общий тон, то в текущих условиях повышенное внимание общественности и более образованные призывники ставили под сомнение сильную дистанцированность офицерского состава от подчиненных. В частности, недовольство у новых призывников вызывали офицерские привилегии [11, р. 121 - 147].

Поражение Британских экспедиционных сил в 1939 - 1940 годах обусловило начало медленного поступательного процесса изменений в британской армии. По сути, начался последовательный переход от офицерства, авторитет которого базировался на классовой принадлежности и землевладельческом положении к высокому профессионализму, рассматриваемому впоследствии как основное требование к

офицеру. Офицеры подразделений, в которых были заинтересованы в сохранении классового ценза, теперь были обязаны соответствовать все более апробированным профессиональным стандартам, необходимым для военных операций XX века. Данные требования все больше предъявлялись как к сержантскому составу, от которых зависели армейские офицеры в проведении различного рода операций, так и к более образованному рядовому составу. Так, малое количество рядовых оставалось неграмотным, а после 1945 года данная категория практически сошла на нет. Кроме того, некоторые военные и почти все послевоенные операции имели политический характер, что, в свою очередь, требовало все большего профессионализма ввиду большой ответственности. Однако значительный процент призывников военного времени с хорошим образованием, несмотря на возможную прикладную пользу от полученных ранее опыта и знаний, имел и негативный оттенок. Речь идет об осложнении отношений британских офицеров и призывников военного времени в ходе войны на почве образования [10, р. 202, 219]. В данных условиях, как представляется, авторитет командира ставился под определенное сомнение в глазах подчиненных. В то же время ряд факторов в ходе войны оказали воздействие на изменение вектора восприятия офицерского корпуса и направление его в положительную плоскость. В этом плане стоит выделить развитие службы социального обеспечения армии, динамику военных успехов в Северной Африке с октября 1942 года, а также личную харизму фельдмаршала Б.Монтгомери. В целом же дисциплина в британской армии оценивается Э.Клайтоном как удовлетворительная, за исключением случаев в период французской кампании 1940 года [10, р. 220 - 221].

В данном контексте переход к меритократической практике отбора офицеров способствовал нивелированию отрицательных факторов, влияющих на общее

восприятие офицерства. Потребность армии в большем количестве офицерских кадров и общеустоявшееся мнение о том, что эвакуация из Дюнкерка выявила серьезные недостатки в отборе и подготовке офицеров, привели впоследствии к созданию Комиссии по отбору при Военном ведомстве. Под эгидой комиссии на территории страны осуществлялись практические тесты на лидерство, а также собеседование с кандидатами в течение трех дней, привлечение в качестве советника психиатров и ряда представителей Корпуса военной подготовки. Данные изменения привели к открытому меритократическому подходу в пополнении офицерской среды, увеличению качества деятельности Корпуса военной подготовки в течение длительного периода 1940 - 1944 годов, когда большая часть армии находилась в Великобритании, а также более прикладной подготовке [10, р. 203 - 204]. Учитывая, что для присвоения офицерского звания требовалась рекомендация от командиров, под чьим руководством курсанты проходили стажировку [13, р. 56], то с началом войны стажировка в действующих частях в определенной степени должна была способствовать меритократическому подходу.

Динамика развития военно-технической составляющей и рост армии привели к нехватке грамотных управленцев на уровне батальона, что вылилось в соперничество подразделений за способных офицеров [12, р. 36 - 37]. К концу войны фронтовые части редко имели в своем составе более трех регулярных офицеров. В связи с острой нехваткой руководящих кадров в данных частях канадские и американские офицеры были приданы к некоторым британским батальонам [10, р. 203 - 204]. Оценивая качество подготовки британских офицеров, Э.Клайтон в лучшую сторону выделяет артиллеристов, обладавших навыками обращения с разнообразными орудиями [10, р. 217].

Британское руководство посредством акцента на профессионализме,

личных качествах и заслугах потенциальных и действующих офицеров стремились решить проблему эффективности Вооруженных сил. Однако в прямой зависимости от качества находится другой важный показатель – количество. Сама по себе общая дивизионная численность действующей армии была значительно меньше, чем в Первую мировую войну. В то же время значительных людских ресурсов требовали Королевские Военно-воздушные и Военно-морские силы, а также обширная география военного присутствия [10, р. 203]. В этом плане востребованность в живой силе сказалась на росте численности Женского вспомогательного корпуса в Территориальной армии. В свою очередь, качество последнего оставляло желать лучшего до организации в феврале 1941 года курсов профессиональной подготовки. Женский вспомогательный корпус обладал мягким дисциплинарным уставом, а до участия в боевых действиях привлекались исключительно женщины-офицеры [10, р. 219]. С другой стороны, перестройка военных вузов на количество в целом является характерной для военного периода. Британские высшие военных учебные заведения, сократившие сроки подготовки, в этом плане не являются исключением. В начале войны Королевская военная академия в Вулвиче была закрыта и впоследствии так и не вернулась к подготовке офицерских кадров. В рамках Королевской военной академии в Сандхерсте были выделены два перегруженных направления военной подготовки: для пехотных частей и бронетанковых подразделений [10, р. 204].

Эхо предвоенного подхода к роле пехоты не замедлило сказаться на процессе управления войсками. Ограниченные по численности пехотные части в текущих условиях преобразовались в крупные соединения, что, в свою очередь, предоставляло вызов для организации штабной работы ввиду отсутствия опыта управления

значительными силами [10, p. 219]. В этом плане для руководящего состава были организованы курсы управления дивизиями [10, p. 217]. Для множества действующих офицеров, в особенности способных, война предоставила возможность быстрого карьерного роста. Многие лица в начале войны служившие в звании капитана окончили войну подполковниками [10, p. 204].

В заключение следует отметить, что Вторая мировая война спровоцировала изменения в офицерском корпусе, затронув сферу обучения, вербовки, общественного восприятия. В начальный период войны авторитет армии достиг надира ввиду сильной публичной критики за устаревшие

взгляды на войну, однако более поздние военные успехи и переход к меритократической практике исправили общественное мнение. Кроме того, важность ценности жизни подчиненных вышла на новый уровень по сравнению с Великой войной ввиду минимизации рисков значительных потерь [10, p. 222]. В то же время изменения не коснулись ирландского следа в английском офицерстве. Так, ряд зарубежных исследователей (Э.Клайтон и С.О'Конор) особо подчеркивают роль и вес ирландских добровольцев в королевских вооруженных силах на протяжении первой половины XX века, в особенности в период Второй мировой войны [10, p. 221] [13, p. 49].

Список литературы

1. Волков С.В. Русский офицерский корпус. Москва: Воениздат, 1993.
2. Кингстон-Макклори Э. Дж. Руководство войной. Анализ роли политического руководства и высшего военного командования. М.: Издательство иностранной литературы, 1957.
3. Некрич А.М. Внешняя политика Англии в годы Второй мировой войны. 1939-1941 гг. Акад. Наук СССР. Институт истории. М.: Издательство во Академии Наук СССР, 1963.
4. Российский государственный военный архив. Фонд 1378к, опись № 1, дело № 21.
5. Российский государственный военный архив. Фонд 1378к, опись № 1, дело № 177.
6. Харламов В.И. Офицерский корпус между двумя мировыми войнами // Харламов В.И. / Пространство и Время, № 1, 2011.
7. Хейстингс М. Вторая мировая война. Ад на земле. М.: АНФ, 2015.
8. Bodleian Libraries University of Oxford. URL: https://www.bodleian.ox.ac.uk/_data/assets/pdf_file/0003/192738/Officer-Training-Corps-OT.pdf (дата обращения: 28.04.2020).
9. Bridgeman M.C. The Officers Training Corps // Royal United Services Institution. Journal. 1938. Vol 83, № 532. Pp. 702-721.
10. Clayton A. The British Officer. Leading the Army from 1660 to the Present. New York: Routledge Taylor & Francis Group, 2007.
11. Field G. «Civilians in Uniform»: Class and Politics in the British Armed Forces, 1939-1945 / International Labor and Working-Class History No 80: Cambridge University Press, 2011.
12. French D. Military Identities. The Regimental System, the British Army, and the British People, c. 1870-2000. Oxford. 2005.
13. O'Connor S. Irish Officers in the British Forces, 1922-45. Government of Ireland Postdoctoral Fellow, Trinity College Dublin: PALGRAVE MACMILLAN, 2014.
14. Otley C.B. The educational background of British Army officers. // Sociology, vol. 7, 2.May 1, 1973.
15. Razzel P.E. Social Origins of Officers in the Indian and British Home Army: 1758-1962. British Journal of Sociology, vol 14 №7. September, 1963.

CONDITIONS AND DYNAMICS OF THE TRANSFORMATION OF THE OFFICER CORPS OF THE GREAT BRITAIN IN THE SECOND WORLD WAR

This article covers the internal features of the British officer corps before and during the Second World War. The author touches upon the issues of social composition and ways of recruiting officers. The article describes the dynamics of transformation processes in this category of the military segment in war.

Keyword. Great Britain, World War II, officer corps, meritocratic system, recruitment of officers, education.

References

1. Volkov S.V. Russian officer corps. Moscow: Voenizdat, 1993.
2. Kingston-McCloughry E.J. The direction of war; a critique of the political direction and high command in war. Moscow: Foreign literature publishing house, 1957.
3. Nekrich A.M. Foreign policy of England during the Second world war. 1939-1941. Acad. Sciences of the USSR. Institute of history, Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1963.
4. Russian state military archive. Fund 1378k, inventory № 1, case № 21.
5. Russian state military archive. Fund 1378k, inventory № 1, case № 177.
6. Kharlamov V. I. Officer corps between two world wars // Kharlamov V. I. / Space and Time, No. 1, 2011.
7. Hastings M. Second world war. Hell on earth, Moscow: ANF, 2015.
8. Bodleian Libraries University of Oxford. URL: https://www.bodleian.ox.ac.uk/_data/assets/pdf_file/0003/192738/Officer-Training-Corps-OT.pdf (дата обращения: 28.04.2020).
9. Bridgeman M.C. The Officers Training Corps // Royal United Services Institution. Journal. 1938. Vol 83, № 532. Pp. 702-721.
10. Clayton A. The British Officer. Leading the Army from 1660 to the Present. New York: Routledge Taylor & Francis Group, 2007.
11. Field G. «Civilians in Uniform»: Class and Politics in the British Armed Forces, 1939-1945 / International Labor and Working-Class History No 80: Cambridge University Press, 2011.
12. French D. Military Identities. The Regimental System, the British Army, and the British People, c. 1870-2000. Oxford. 2005.
13. O'Connor S. Irish Officers in the British Forces, 1922–45. Government of Ireland Postdoctoral Fellow, Trinity College Dublin: PALGRAVE MACMILLAN, 2014.
14. Otley C.B. The educational background of British Army officers. // Sociology, vol. 7, 2.May 1, 1973.
15. Razzel P.E. Social Origins of Officers in the Indian and British Home Army: 1758-1962. British Journal of Sociology, vol 14 №7. September, 1963.

Об авторе

Марченков Роман Робертович - аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: rollan16@yandex.ru

Marchenkov Roman Robertovich - PhD student, Department of general history and international relations of the Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University (Russia), E-mail: rollan16@yandex.ru

Меер Е.С., кандидат исторических наук, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева (Россия)

ПРОБЛЕМА КЛАССОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ФРАНЦУЗСКОЙ БУРЖУАЗИИ В ТРУДАХ АМЕРИКАНСКОГО ИСТОРИКА С. МАЗЫ

В статье рассматривается современный эпизод из истории ревизии образа французской буржуазии в англоязычной историографии. Автор показывает, что в конце XX – начале XXI вв. американский историк Сара Маза поставила проблему идентичности данного класса в период времени с 1750 по 1850 г. и выдвинула гипотезу для размышлений – о его несуществовании в социальном воображаемом. В ходе исследования прослеживается, как историк приходит к постановке этого вопроса, раскрывается сущность социо-культурного подхода С. Мазы, демонстрируются оценки ее взглядов со стороны научного сообщества.

Ключевые слова: французская буржуазия, американская историография, Сара Маза, классовая идентичность, социальное воображаемое, социо-культурный ревизионизм, дискурс, историческая имагология, гендерная история.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-01-111-120

Споры о связи буржуазии и французской революции активно ведутся в англоязычной историографии с 1950 гг. благодаря историкам-ревизионистам. На рубеже XX – XXI вв. мы можем наблюдать выход дискуссий по проблеме на новый уровень. Ранее ревизионисты пересматривали капиталистический облик французской буржуазии (дореволюционной, революционной или постреволюционной), интересы, мотивацию, ценности составляющих ее групп [1, с.142–143; 2, с.105–112]. В последние десятилетия под влиянием новых направлений в исторических исследованиях речь идет уже и о ревизии представлений о классе на уровне идентичности.

С данной инициативой выступила историк Сара Маза, но данный аспект ее научного творчества еще не получил освящения в современной российской историографии. В данной статье мы попытаемся на основе дискурсивного анализа оценить ее вклад в постановку и решение проблемы в контексте тех рефлексий, которые вызвали ее взгляды в историческом научном сообществе. В качестве источников нами использовались монография С. Мазы о мифе французской буржуазии, опубликованная в 2003 г., ряд ее статей по

данной проблеме, рецензии самого историка на труды по идентичной тематике, рецензии других специалистов на ее книгу, исследования, в которых обсуждаются ее позиции.

Сара Маза представляет собой интересный пример ученого, совместившего в себе разные идентичности. Женщина, американка еврейского происхождения, она выросла во Франции и закончила университет в Провансе в 1973 г., а позже связала свое дальнейшее образование, научную и профессиональную карьеру с

США, став магистром истории в 1975 г., защитив диссертацию в Принстонском университете в 1978 г. и работая в течение многих лет в Северо-западном университете в Иллинойсе [17, р.193–194; 19]. Она сама признает, что эта многогранность социально-культурного опыта делает ее близкой тому пересмотру, который она попыталась осуществить в отношении классовой идентичности французской буржуазии.

Французская буржуазия – предмет ее третьей по счету монографии, и изучение этого класса является третьим этапом в научной карьере исследовательницы.

Пристальное внимание данная тема получает в ее статьях с начала 1990-х гг., а после публикации книги о мифе французской буржуазии в 2003 г., в последующее десятилетие, несмотря на очередную смену научных интересов, она распространяет свое ревизионистское видение во Франции и на страницах англоязычной справочной литературы.

Ее симпатии к историкам-ревизионистам отчетливо прослеживаются в статье 1989 г. «Политика, культура и истоки французской революции», в которой она обсуждает течения в ревизионизме и первый том издания «Французская революция и современная политическая культура», один из продуктов политико-культурного подхода. Между тем, отдавая ему должное, она считает его ограниченным и предсказывает в скором времени возврат к социальной истории на новом уровне. Сама она заявляет об интересе к социальным образам, созданным в культуре, которой пренебрегли Франсуа Фюре и его последователи. Но пока отчетливо видно, что она еще не начала своей ревизии идентичности буржуазии как класса, ибо она отмечает, что в предреволюционной Франции с 1760-х гг. театр и живопись создавали образ добродетельной семьи среднего класса (именно это С. Маза уже очень скоро станет отрицать) [16, р.721–722].

Непосредственный интерес к проблеме французской буржуазии историк проявила в ходе дискуссий на страницах журнала «Французские исторические изучения» в 1992 г. В статье «Женщины, буржуазия и общественная сфера: ответ Даниэлю Гордону и Дэвиду Беллу» при обсуждении понятия «буржуазная культура» у марксистского социолога Юргена Хабермаса С. Маза призвала обратиться к ее изучению. Она проявила интерес к выводам «нового левого» историка Колина Джонса [17, р. 228] о развитии «гражданского» профессионализма среди разных категорий буржуазии в условиях развития коммерциализации и сферы потребления

в предреволюционной Франции. Этим она вызвала недоумение у ревизионистов Д. Белла, который сомневается в необходимости возвращения буржуазного в исследование социо-культурных изменений [4, р. 954–956], и Д. Гордона, который не понял, пытается ли она восстановить марксистскую надстройку или нет, но счел, что она, видимо, ниспровергает ревизионизм [9, р. 951]. У С. Мазы же, на наш взгляд, речь идет о попытке отделить буржуазную культуру от капиталистических и индивидуалистических ценностей. Что интересно, в этой работе она утверждает, что в предреволюционной Франции были люди, склонные называть себя «буржуа», что, вероятно, следует трактовать как признание ею наличия соответствующей положительной классовой идентичности, что позже она делать перестанет [18, р. 937–942].

В последующее десятилетие станет понятно, что С. Маза, ученица Мишеля Вовеля [17, р. х], не сможет быть идентифицирована с левыми историками и займет место в ревизионистском списке исследователей. «Социальное воображаемое», а не «буржуазная культура» станет ключевым термином в ее монографии 2003 г. «Миф французской буржуазии...». Эта книга является вкладом в социо-культурную историю, может быть оценена как продукт лингвистического поворота и осуществляет дискурсивный анализ. Речь идет об изучении репрезентаций, и с этой точки зрения это исследование может быть отнесено к исторической имагологии. Кроме того, по мере возможностей, историк использует и гендерный подход [17, р. 7–11]. В отличие от политико-культурного ревизионизма Ф. Фюре, ее социо-культурный ревизионизм базируется на признании связи между социальной реальностью и воображаемым, во всяком случае это является намерением С. Мазы [17, р.117–118].

Автор использует в основном печатные источники – словари, памфлеты,

трактаты, хроники, труды историков, политических мыслителей, переписку, газеты, полицейские отчеты, протоколы судебных заседаний, декреты, а также литературные произведения (романы, пьесы), столь ею любимые и т.д. Они написаны, за редким исключением, мужчинами и для мужской аудитории, что особо подчеркивает С. Маза [17, p.10, 210–241].

Это исследование, как и другие модели ревизионизма, исходит из отрицания мифа [17, p.12]. В данном случае, опровергается существование буржуазии как класса на основе критерия отсутствующего самосознания. Сами представители буржуазии существуют, но не признают себя членами данного класса, не идентифицируют себя как таковые, не оформляют идентичность посредством языка, не имеют своего нарратива. Образ буржуазии выступает, с точки зрения автора, «козлом отпущения», конструктом, содержащим преимущественно негативные коннотации, враждебным Другим [15, p.22–23; 17, p. 5–7, 13].

С. Маза пытается объяснить на протяжении века (с 1750 по 1850 г.), как это работает. В своей книге, статье на французском языке 2007 г. и разделе, посвященном классу в «Оксфордском справочнике Старого порядка» (2012 г.) она рассматривает французскую буржуазию в рамках трех периодов – дореволюционного, революционного и постреволюционного.

С. Маза показывает, что в дореволюционном социальном воображаемом буржуазия не находится в центре общественного дискурса, это место прочно занимает дворянство, именно о его судьбе и его роли идут споры, именно оно является то героем, то злодеем истории. Исследовательница не отрицает имевшихся нейтральных определений класса, но подчеркивает, что буржуазия преподносилась как двойник дворянства, обладающий его недостатками (например, привилегиями как верхушка городского общества), но не его достоинствами (например,

культурой поведения), поскольку воспринималась как переходная категория, «чудовище», «полукровка», по словам С. Мазы. Положительные коннотации образа, когда они имеются, связаны с домашним, частным миром (например, качественной едой и вином), а не с общественной сферой. Поскольку домашнее пространство ассоциируется с женскими образами, буржуазность является феминной, но не маскулинной, и только в таком виде одобряется [13, p.128, 135–136; 15, p.24–25; 17, p. 21–36, 194–195].

Кроме дворянства, в центре социального дискурса в предреволюционной Франции находилась проблема роскоши. Здесь С. Маза вновь обращается к материалу К. Джонса, доказывающему, что перед революцией активно происходил процесс коммерциализации и развития сферы потребления, но показывает на уровне социального воображаемого, что общество увязывало эту проблему не с развитием капиталистического класса, а с существующим перемещением сельских жителей в города, причем считалось, что портилось от роскоши все население, вне зависимости от класса. В качестве решения для проблемы социальный дискурс предлагал нации развитие сентиментальных семейных связей, стирающих классовые границы (поэтому «буржуазная драма» не может быть оценена как таковая), и идеализированный образ сельского мира [13, p.136–137; 15, p.25–26; 17, p.11, 41–68].

Что касается французской революции, то на уровне социального воображаемого она не сделала буржуазию героем, ибо социальное противостояние описывалось как разворачивающееся между аристократией и третьим сословием. Последнее же воплощало нацию, которая в дискурсе оставалась неделимой. Если же буржуазия появлялась в нем, то в основном в негативном ключе как двойник дворянства («буржуазная аристократия»), снова как негативный Другой [13, p.134;

15, р.26–27; 17, р.11, 68–101].

В период Реставрации у либеральных историков и депутатов Франсуа Гизо, Огюстена Тьерри, Пьера Поля Руйе-Коллара, Мартина де Грея и других автор наконец находит положительную буржуазную идентичность, формирование которой она связывает с переходом монархии к реакции в 1820-е гг. после убийства герцога де Берри, т.е. с конкретной политической ситуацией, что означает, что социальное может конструироваться через политическое, идея, которую С. Маза особо подчеркивает. Именно при принятии ограничительного избирательного закона 1820 г. начинаются дискуссии, в ходе которых активно привлекается историческая аргументация и пересказывается эпопея восхождения коммун. При этом С. Маза показывает, что у О. Тьерри (ученика Сен-Симона) предреволюционная буржуазия сродни производительному третьему сословию, а идеалом для Ф. Гизо является класс государственных служащих, а не капиталистов. Стоит признать, что в случае депутата Мартина де Грея С. Маза приводит отличные образцы воспевания именно капиталистической буржуазии. Что касается буржуазной монархии Луи-Филиппа, то автор считает, что время, когда была сделана заявка на такую идеологию, было временем и ее поражения. Буржуазия собрала негативные коннотации от правых и левых сил, от писателей и художников – материализма, эгоизма, обогащения, бездуховности и не смогла стать идеалом для французского общества. Альтернативой подобному образу в социальном воображаемом стал идеал служения государству, который у автора ассоциируется с профессионализмом на благо всего общества, а не с преследованием индивидуальных выгод буржуазией. Этот идеал восходит к дворянской меритократии Старого порядка и активно развивается во Франции с 1793 г., особенно при наполеоновской империи [13, р. 137; 15, р.23, 27–37; 17, р. 5–6, 13,

130–133, 138–192, 195, 197]. Те самые ценности, которые С. Маза в 1992 г. вписывала в рамки буржуазной культуры, теперь остались у нее за рамками буржуазной идентичности.

Важно учесть, что историк придерживается мнения, что капитализм был маргинальным для Франции до 1850 гг. Только тогда, по ее мнению, наконец происходит промышленный переворот. Этот момент она считает важным в объяснении того, почему на протяжении века не появляется позитивная идентичность капиталистов [17, р. 103, 108, 163–164]. С другой стороны, она задается вопросом, отчего капиталистические ценности приобретают столь негативную окраску, если капитализм не играет существенной роли. С. Маза отмечает, что литераторы, которые создавали отрицательный образ, были зависимы по своему положению от деловых людей и испытывали к ним неприязнь. Историк особо подчеркивает, что материалистический Другой был необходим, чтобы оттенить универалистский образ государственного служащего [17, р.130, 183].

Не совсем понятно, появляется ли положительная идентичность класса, по мысли С. Мазы, за чертой изучаемого ей века, когда промышленная революция все-таки прошла и по идее должно было появиться индустриальное общество. Создается впечатление, что негативный образ буржуазии – это типичная ситуация французского общества до сих пор. Но это не характерно для англоязычных стран, особенно для США, считает историк, где средний класс с гордостью признает себя [17, р. 2].

У исследовательницы буржуазная идентичность является проблемной для Франции. Она представляет для французов негативный конструкт, как и евреи, особенно в XIX в., или американцы во времена Де Голля. Эти Другие, признает автор, имеют свои различия, но могут и пересекаться по содержанию [17, р. 25, 199–203].

Помимо буржуазии С. Маза рассматривает в своей работе понятие «средний класс», фигурирующий в отношении французской буржуазии в основном в англоязычной литературе и крайне редко во Франции. Она показывает мифичность среднеклассового сознания в этой стране, за исключением 1820-х гг., так как, и до революции, и в ходе ее и после буржуазия не оказывается в середине французского общества [15, р.30; 17, р.39, 67–68, 100–101,196].

В намерения С. Мазы входило спрогнозировать обсуждение [15, р.23], а ее ключевой тезис об отсутствии буржуазии как класса во Франции выступает как крайняя гипотеза [17, р. 5–6], красная черта, переступив которую, дальше идти уже некуда, ибо это максимальный предел ревизии. В этом контексте реакции, проявленные в историческом научном сообществе, рефлексии, предложенные исследователями в данной области, представляют особый интерес.

Имеющиеся отклики были опубликованы англоязычными историками. Все рецензенты, за исключением американского историка Сисси Феачилдс [7, р. 159], поняли, что С. Маза не отрицает само существование людей, составляющих класс. При этом никто из авторов не готов выйти за красную линию и рискнуть отказаться от существования класса французской буржуазии, даже понимая всю смутность границ ее социального бытия.

Есть разные варианты возражений. Например, американская исследовательница Кристин Адамс указывает на примеры, приведенные в работе самой С. Мазы, которые противоречат ее тезису, например, случай с анонимным революционным автором, который хвалит «производительную буржуазию» [3, р.629–630]. Американский историк Джил Хасэн действует в том же направлении. Пример с буржуазной национальной гвардией, кажется нам, как и рецензенту, доказатель-

ством скорее в пользу существования положительной идентичности буржуазии в революционную эпоху. С другой стороны, фраза жирондиста Жерома Петиона из опубликованного в 1791 г. письма, которую анализирует С. Маза и к которой обращается Дж. Хасэн, по нашему мнению, свидетельствует все же о негативном образе буржуазии, уподобляемой дворянству, от которого дистанцируется и сам Петион [11, р.271].

С. Феачилдс, специалист по французской розничной торговле, как нам кажется, указывает на то, что можно найти не просто позитивную идентичность, а именно связанную с капиталистической буржуазией лавочников, когда она предлагает найти другое социальное воображаемое в иных источниках, нежели предложенных С. Мазой (речь идет о провинциальных газетах и дебатах по упразднению гильдий, введению новой налоговой системы и земельного кредита) [7, р.161].

Неомарксистский историк из Канады Генри Хеллер написал целую статью в ответ на книгу С. Мазы, в которой он анализирует дискурс, чтобы показать, что именно в течение революции появляется сознание французской буржуазии, конструктивное, и более того ассоциированное с капиталистами, что класс существовал и в реальности, и в голове. На наш взгляд, как и в случае с С. Мазой, ее оппонент не всегда удачен в своих примерах, но есть и убедительные, как в случае с обсуждением письма Петиона. Во всяком случае дискурс фельяна Андре Шенье о буржуазии (среднем классе) как «истинном народе» по сравнению с дворянством и массами, которую этот политик превозносит, выглядит хорошей иллюстрацией для возражений Г. Хеллера. А определенный образ капиталистов, ради которых была сделана революция, имеется у этого политика, если верить канадскому историку, в «Размышлениях о духе партии» [12, р. 204–206]. Самый излюбленный пример Г. Хеллера, который он

рассматривает как свой самый сильный, это дискурс Пьера Луи Редерера, бывшего жирондиста, в работе «Дух революции 1789 г.», которая была написана к концу 1815 г., но опубликована только в 1831 г. Именно у него он находит образ «экономической буржуазии» – капиталистов в городе и деревне, подчеркивая ее привязку вместе с «неэкономической буржуазией» к революции [12, р. 208–211]. Случай с фельяном А. Барнавом из промышленного Дофине, который в классической историографии французской революции обычно рассматривался как типичный пример первого осознания экономической интерпретации революции современниками, трактуется и С. Мазой, и Г. Хеллером по-разному. С. Маза не видит в его работе идентичности капиталистической буржуазии, Г. Хеллер же наоборот подобное сознание наблюдает, пусть и в зачаточном виде и не такое яркое, как у Редерера. Нас и тот, и другой варианты анализа терминологии скорее озадачивают, примеры отрывочны и не слишком убеждают [12, р. 197–198; 17, р. 120–121].

Еще один вариант возражений предложен опять же К. Адамс. Она выступает за то, чтобы отдать «гражданский профессионализм» бюрократии первой половины XIX в лоно буржуазных ценностей, и тогда появится положительная буржуазная идентичность [3, р.629]. Это кстати звучит логично, учитывая, что буржуазия – это широкий термин, и не понятно, почему после революции С. Маза вдруг стала выносить за его рамки категории, не связанные с капиталистическим производством. Тем более, что сама историк в 2001 г. проявила интерес к монографии К. Адамс «Вкус к комфорту и статусу: буржуазная семья во Франции XVIII в.». В этой книге ее привлекло сознание семьи баристера Даниэля Ламота из Бордо, включавшей пять сыновей. Никто из них не имел отношения к торговой деятельности в столь богатом на деловую активность городе. Они освоили профессии

юриста (трое из них), врача и священника. Родители вкладывали деньги в образование сыновей, которое было весьма дорогим, а доход от профессий не особо значительным. Мужчины этой семьи были ориентированы на служение семье, региону и реализацию профессиональных качеств во имя общественного блага, а не на рынок и осуществление личных амбиций. Только один из них мог позволить себе жениться, вероятно, вследствие семейной стратегии сохранения имеющегося состояния. Дочери же в семье остались незамужними и принесли жертвы ради общего блага [13, р.129; 14, р. 682–684]. Аргументации К. Адамс созвучны доводы американского историка Сюзен Дизен, которая считает, что в постреволюционный период государственные служащие могли создать сильную идентичность для среднего класса и выстроить отношения между буржуазией и французским государством. К сожалению, не совсем понятно, что в конкретном месте имеется ввиду под буржуазией, сами профессионалы или капиталисты, для которых первые выступали бы как посредники [6, р. 94].

Другого рода контраргумент выдвигает австралийский историк и специалист по парижской буржуазии Дэвид Гэрриоч. Он считает, что не стоит впадать в крайность языкового детерминизма, и напоминает нам, что преступники вряд ли называют себя преступниками, хотя так их называют другие и у них имеется соответствующее поведение. Если в дискурсе термин негативен, то вряд ли члены класса захотят себя так называть. Поэтому класс имеет место быть, и данный автор не пытается искать положительные коннотации. Отметим также, что Д. Гэрриоч (и мы солидарны с ним в этом) видит, что С. Маза пытается разом опровергнуть многое – и самознательный буржуазный класс вообще, и идею капиталистического, и среднего класса, что создает у читателей путаницу в голове [8, р. 800–

802]. Эта проблема, на наш взгляд, проистекает из размытости самих существовавших терминов, и трудна для решения.

Большинство откликнувшихся на труд С. Мазы считает ее исследование если не убедительным, то стимулирующим для развития мысли. Для К. Адамс подход С. Мазы – это «новый путь» для размышлений о традиционном предмете, и она приветствует поиски в социальном воображаемом [3, p.629–630], а С. Дизэн считает ее успехом связать его вместе с буржуазией и политической культурой Франции, хотя она явно неудовлетворена полученным результатом [6, p. 94]. Британский историк Кристофер Гуйвер предсказывает ей успех в развязывании споров по проблеме, хотя не верит, что многие исследователи будут мыслить по-новому [10, p.120].

Отметим, что особый интерес вызвал сравнительный анализ идентичностей. Не смотря на критику языкового детерминизма, Д. Гэрриоч признает, что британский и американский примеры, когда средний класс называет себя, говорит о важных вещах [8, p. 801]. К. Гуйвера привлекают аналогии буржуазии с евреями и американцами, и он даже предлагает расширить список образов за счет англичан и арабов [10]. Последнее предложение выглядит не удивительным в контексте нараставших в начале XXI в. миграционных потоков в Европу и проблемы мирового терроризма, связанной с Востоком.

Наконец, американский рецензент Том Коннер делает решительный шаг и вписывает С. Мазу в ряд историков - «иконоборцев» наряду с А. Коббенем, Ф. Фюре и Л. Хант, то есть в ревизионистский пантеон [5, p.1042]. Таким образом, сама исследовательница приобретает определенную идентичность в историографическом дискурсе благодаря изучению французской буржуазии. Насколько проблематична идентичность самого ревизиониста – это вопрос, который также можно было бы изучать и который тоже мог бы иметь

интересные решения.

Мы хотели бы обратить внимание и на другую проблему, которую можно было бы поставить, и которая, на наш взгляд, не прозвучала в дискурсивном поле обсуждений. Как в гендерных исследованиях прослеживается явление гендерных конфликтов на уровне самоидентификации, так и на уровне классового самосознания возникают схожие отклонения. Существует множество примеров, когда человек не ассоциирует себя с классом, к которому он по статусу должен относиться. Кроме того, как видно из исследования С. Мазы, вообще трудно найти авторов, которые напрямую заявляют свою идентичность. Также, как нам кажется, в рамках спора недостаточное внимание уделяется прояснению социальных статусов авторов, чья классовая идентичность ищется. И наконец, даже если восхваляемая идентичность позитивна, является ли она идентичностью самого автора, или, если она негативна, означает ли это стопроцентный отказ от нее?

Подводя итоги данной статьи, подчеркнем следующие моменты. Еще до обращения к исследованию проблемы французской буржуазии С. Маза выступала сторонницей изучения социальной истории на новом уровне, а ее прямой интерес к теме можно обнаружить в начале 1990-х гг., когда она призывала к изучению буржуазной культуры. В тот момент она признавала существование буржуазной (среднеклассовой) идентичности, но в процессе исследования вопроса в течение последующего десятилетия она отказалась от этого положения и сделала центром своего поиска социальное воображаемое.

Осознавая самую себя как конструкт современного общества и открыто признавая его влияние на свою историческую деятельность, используя достижения истории дискурса, исторической имагологии и гендерной истории, американская исследовательница пришла к выводу об отсут-

ствии положительной идентичности французской буржуазии в общественном обсуждении на протяжении 1750–1850 гг., за исключением нарратива либералов в 1820-е гг., и на основе этого сделала вывод о несуществовании самого класса.

Рефлексии историков по поводу ее предложений оказались двойственными. В целом приветствуя стимулирующую силу ее подхода и вписывая ее в ряды ревизионистов (на наш взгляд, речь идет о социо-культурном ревизионизме), они признали ее ответы в ряде случаев (в основном в отношении революционной и постреволюционной Франции) недостаточно убедительными. Были подчеркнуты примеры положительной идентичности класса в целом, либо наличия ее у капиталистов, отмечалась необходимость признать таковой сознание государственных служащих, критиковался чрезмерный языковой детерминизм. Никто из откликнувшихся на вызов не был готов пересечь красную черту и отрицать вслед за С. Мазой существование французской буржуазии как класса.

Но плюсы ревизии обычно заключаются в новом взгляде на традиционные проблемы, и случай С. Мазы в этом плане

не является исключением, он, несомненно, провоцирует движение исторической мысли вперед (случай неомарксиста Г. Хеллера, изучающего дискурс, тому несомненный пример). Время покажет, какие дальнейшие плоды такой подход принесет.

Во всяком случае, на наш взгляд, он вполне мог бы быть применен при изучении идентичности самих историков, которые в рамках историографии постоянно сталкиваются с постоянными классификациями и обобщениями. Принадлежность к определенным направлениям и школам тоже является конструктом, продуктом интеллектуальной деятельности, который сопровождается созданием положительных и отрицательных коннотаций, применением образа враждебного Другого. Называет ли историк себя тем термином, которым его обозначают его сторонники и оппоненты или нет, испытывает ли он кризисы идентичности? Вот целый ряд вопросов, которые неожиданно провоцирует изучение идентичности французской буржуазии в социальном воображаемом в период времени с 1750 по 1850 г.

Список литературы

1. Блуменау С. Ф. Французская революция конца XVIII в. в современной научной полемике // Вопросы истории. 1998. №9. С. 141–150.
2. Чудинов А. В. Французская революция: история и мифы. М.: Наука, 2007.
3. Adams C. Sarah Maza: The Myth of the French bourgeoisie: an essay on the social imaginary, 1750–1850 // The American historical review. 2004. Vol. 109. №2. P. 629–630.
4. Bell D. Responds to Sarah Maza // French historical studies. 1992. Vol. 17. №. 4. P. 954–956.
5. Conner T. Sarah Maza: The Myth of the French bourgeoisie: an essay on the social imaginary, 1750–1850 // The French review. 2004. Vol. 77. №5. P. 1042–1043.
6. Desan S. Sarah Maza: The Myth of the French bourgeoisie: an essay on the social imaginary, 1750–1850 // Social history. 2005. Vol. 30. № 1. P. 93–94.
7. Fairchilds C. Sarah Maza: The Myth of the French bourgeoisie: an essay on the social imaginary, 1750–1850 // Business history review. 2004. Vol. 78. №1. P.159–161.
8. Garrioch D. Sarah Maza: The Myth of the French bourgeoisie: an essay on the social imaginary, 1750–1850// The Journal of modern history. 2005. Vol. 77. №. 3. P. 800–802.
9. Gordon D. Responds to Sarah Maza // French historical studies. 1992. Vol. 17. №. 4. P. 951–953.

10. Guyver C. Sarah Maza: The Myth of the French bourgeoisie: an essay on the social imaginary, 1750–1850 // French history. 2004. Vol. 18. №1. P. 119–120.
11. Harsin J. Sarah Maza: The Myth of the French bourgeoisie: an essay on the social imaginary, 1750–1850 // Journal of social history. 2004. Vol. 38. №1. P.269–271.
12. Heller H. Marx, the French revolution, and the spectre of the bourgeoisie// Science & society. 2010. Vol.74. №2. P. 184–214.
13. Maza S. Bourgeoisie // The Oxford handbook of ancien régime / Ed. by W. Doyle. Oxford: Oxford university press, 2012. P. 127–140.
14. Maza S. Christine Adams: A Taste of comfort and status: bourgeois family in eighteenth-century France // The Journal of modern history. 2001. Vol. 73. № 3. P. 682–684.
15. Maza S. Construire et déconstruire la bourgeoisie: discours politique et imaginaire social au début du XIXe siècle // Revue d'histoire du XIXe siècle. 2007. № 34. P. 21–37.
16. Maza S. Politics, culture, and the origins of the French revolution // The Journal of modern history. 1989. Vol. 61. № 4. P.704–723.
17. Maza S. The Myth of the French bourgeoisie: an essay on the social imaginary, 1750–1850. Cambridge–London: Harvard university press, 2003.
18. Maza S. Women, the bourgeoisie, and the public sphere: response to Daniel Gordon and David Bell // French historical studies. 1992. Vol. 17. № 4. P. 935–950.
19. Sarah C. Maza. Curriculum Vitae [Electronic resource]. URL: [https:// history.northwestern.edu/documents/people/faculty/cvs/cv-maza.pdf](https://history.northwestern.edu/documents/people/faculty/cvs/cv-maza.pdf) (date of the application: 05. 02. 2021)

THE PROBLEM OF CLASS IDENTITY OF THE FRENCH BOURGEOISE IN THE WORKS OF THE AMERICAN HISTORIAN S. MAZA

The article examines a modern episode from the history of the revision of the image of the French bourgeoisie in English-language historiography. The author shows that at the end of the 20th and beginning of the 21st centuries, the American historian Sarah Maza raised the problem of the identity of this class in the period from 1750 to 1850 and put forward a hypothesis for reflection about its non-existence in the social imaginary. The study traces how the historian comes to the formulation of this question, reveals the essence of S. Maza's socio-cultural approach, demonstrates the assessment of her views from the scientific community.

Keywords: French bourgeoisie, American historiography, Sarah Maza, class identity, social imaginary, socio-cultural revisionism, discourse, historical imagology, gender history.

References

1. Blumenau S.F. Francuzskaya revolyuciya koncza XVIII veka v sovremennoj nauchnoj polemike // Voprosy' istorii. 1998. №9. S. 141–150.
2. Chudinov A. V. Francuzskaya revolyuciya: istoriya i mify'. M.: Nauka, 2007.
3. Adams C. Sarah Maza: The Myth of the French bourgeoisie: an essay on the social imaginary, 1750–1850 // The American historical review. 2004. Vol. 109. №2. P. 629–630.
4. Bell D. Responds to Sarah Maza // French historical studies. 1992. Vol. 17. №. 4. P. 954–956.
5. Conner T. Sarah Maza: The Myth of the French bourgeoisie: an essay on the social imaginary, 1750–1850 // The French review. 2004. Vol. 77. №5. P. 1042–1043.
6. Desan S. Sarah Maza: The Myth of the French bourgeoisie: an essay on the social imaginary, 1750–1850 // Social history. 2005. Vol. 30. № 1. P. 93–94.
7. Fairchilds C. Sarah Maza: The Myth of the French bourgeoisie: an essay on the social imaginary, 1750–1850 // Business history review. 2004. Vol. 78. №1. P.159–161.
8. Garrioch D. Sarah Maza: The Myth of the French bourgeoisie: an essay on the social imaginary, 1750–1850// The Journal of modern history. 2005. Vol. 77. №. 3. P. 800–802.
9. Gordon D. Responds to Sarah Maza // French historical studies. 1992. Vol. 17. №. 4. P.

951–953.

10. Guyver C. Sarah Maza: The Myth of the French bourgeoisie: an essay on the social imaginary, 1750–1850 // French history. 2004. Vol. 18. №1. P. 119–120.

11. Harsin J. Sarah Maza: The Myth of the French bourgeoisie: an essay on the social imaginary, 1750–1850 // Journal of social history. 2004. Vol. 38. №1. P.269–271.

12. Heller H. Marx, the French revolution, and the spectre of the bourgeoisie// Science & society. 2010. Vol.74. №2. P. 184–214.

13. Maza S. Bourgeoisie // The Oxford handbook of ancien régime / Ed. by W. Doyle. Oxford: Oxford university press, 2012. P. 127–140.

14. Maza S. Christine Adams: A Taste of comfort and status: bourgeois family in eighteenth-century France // The Journal of modern history. 2001. Vol. 73. № 3. P. 682–684.

15. Maza S. Construire et déconstruire la bourgeoisie: discours politique et imaginaire social au début du XIXe siècle // Revue d'histoire du XIXe siècle. 2007. № 34. P. 21–37.

16. Maza S. Politics, culture, and the origins of the French revolution // The Journal of modern history. 1989. Vol. 61. № 4. P.704–723.

17. Maza S. The Myth of the French bourgeoisie: an essay on the social imaginary, 1750–1850. Cambridge–London: Harvard university press, 2003.

18. Maza S. Women, the bourgeoisie, and the public sphere: response to Daniel Gordon and David Bell // French historical studies. 1992. Vol. 17. № 4. P. 935–950.

19. Sarah C. Maza. Curriculum Vitae [Electronic resource]. URL: [https:// history.northwestern.edu/documents/people/faculty/cvs/cv-maza.pdf](https://history.northwestern.edu/documents/people/faculty/cvs/cv-maza.pdf) (date of the application: 05. 02. 2021)

Об авторе

Меер Евгения Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Красноярский государственный педагогический университет имени В.П. Астафьева (Россия), E-mail: jenu13@yandex.ru

Meer Evgeniya Sergeevna – Candidate of History, Associate Professor of the department of General history, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafieva (Russia), E-mail: jenu13@yandex.ru

УДК 94(47).084.5

Никитина И.В., кандидат исторических наук, научный сотрудник, Севастопольский военно-исторический музей-заповедник (Россия).

СУДЬБА ИНКЕРМАНСКОГО МОНАСТЫРЯ В 1920-Е ГГ. В АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКАХ

В статье рассмотрено отражение в документах ГКУ «Архив г. Севастополя» истории Инкерманского монастыря (ныне Свято-Климентовский мужской монастырь) в 1920-е гг. Установлено, что этот период в его истории стал одним из наиболее тяжелых. К концу 1920-х гг. Инкерманский монастырь в связи с курсом на атеистическое государство был ликвидирован. Процесс его ликвидации можно охарактеризовать как «ликвидацию ползучую». Братия монастыря прошла путь от частичного разрешения на продолжение своего служения до окончательного закрытия храмов. Большая часть построек монастыря после его упразднения была приспособлена для нужд общины поселка Инкерман. Анализ документов показал, что носят они фрагментарный характер, одновременно, дают возможность понять процессы, происходившие с культовыми сооружениями Севастопольского региона в 1920-е гг. Они содержат сведения о церквях монастыря, возрастном и национальном составе братии.

Ключевые слова: монастырь, Инкерман, закрытие церквей, Крым ЦИК, двадцатка.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-01-121-127

1920-е гг. – этап сложного становления Советской власти в Севастопольском регионе, который ознаменовался ломкой всех сфер общественной жизни.

В отношении к культовым зданиям и религиозным учреждениям политика новой власти на местах может быть отнесена к «ползучей ликвидации», так как ни по одному из таких объектов в регионе не принимались решения об одномоментном закрытии, а создавались условия для отказа от использования помещений верующими и служителями храмов.

В последнее время активизировалась работа по изучению истории города в 1920–1930-е гг. Значительную роль в осознания основных тенденций развития города в указанный период, безусловно, имеет анализ архивных документов.

При исследовании материалов фонда исполкома Севастопольского городского (окружного, районного) Совета 1920-х гг., хранящихся в Архиве г. Севастополя, выявлен ряд документов по истории Инкерманского монастыря (ныне Свято-Климентовский мужской монастырь). Их анализ, изучение публикаций по теме,

показали: большая их часть не нашла своего осмысления исследователями. Введение их в оборот, изучение полноты данных основная цель нашей статьи.

Основные сведения по этому вопросу в материалах Архива г. Севастополя содержатся в деле Церковного Стола Севастопольского окружного (районного) исполкома (Ф Р-420. Оп 1. Д. 9, фонд Севастопольского райисполкома). Материалы о храмах монастыря выявлены также в перечне «ликвидированных» храмов на территории Севастопольского региона в конце 1920-х–начале 1930-х гг. (Ф Р-79. Оп. 1. Д. 1218, фонд Севастопольского горисполкома).

Документы эти разрозненные, но их содержание позволяет дать характеристику истории монастыря в 1920-е гг. В отношении монастырей советская власть взяла курс на их постепенную ликвидацию, именно такие процессы и наблюдались в 1920-е гг. в Инкерманском монастыре.

Решая судьбу его имущества, местные власти руководствовались п.16 Инструкции НКО РСФСР от 24.08.1918 г., согласно которому церковное имущество, которое не использовалось для

богослужения, в т.ч. дома, земли, фабрики, гостиницы, свечные заводы и пр., подлежало изъятию у монастырей [2, л. 99; 5, л. 78].

Применение данной инструкции в отношении Инкерманского монастыря с 1921 г. вылилось в значительное нарушение привычного уклада его жизни. Так, в 1922 г. для борьбы с голодом из церквей монастыря были изъяты 68 серебряных предметов. Документы свидетельствуют, что земля монастыря к 1923 г. отошла к Инкерманскому коллективному обществу взаимопомощи.

Церкви монастыря на тот момент еще оставались действующими (Троицкая, Святого Климента пещерная, Всех скорбящих Радости, Св. Николая, Благовещенская, Пантелеймоновская, Дмитриевская, Воскресенская), их использование было оформлено арендным договором с верующими Инкермана [2, л. 1].

В 1924 г. была произведена перерегистрация религиозной общины, пользовавшейся монастырскими храмами, перезаключены договора о пользовании имуществом.

Значительная часть выявленных документов по истории монастыря относится к 1925 г. Они свидетельствуют, что именно с этого периода положение храмов и общины значительно усложнилось. Так негативным образом на экономическое положение общины повлияло решение советского государства, предписывавшее при заключении договора на аренду монастырского имущества, проводить его обязательное страхование. Средств на содержание всех церквей монастыря уже не хватало, и согласно документам члены общины постепенно стали отказываться от содержания тех или иных храмов. Новый договор, который община заключила в ноябре 1925 г. с Севастопольским райисполкомом, распространялся на два храма: пещерную церковь священномученика Климента (с приделами св. Мартина и апостола Андрея

Первозванного) и наземную – Св. Троицы. Также произошло уменьшение количества верующих.

Одновременно, стали рассматриваться вопросы о дальнейшей судьбе храмов монастыря. В архиве г. Севастополя нами выявлено письмо в адрес Севастопольского райисполкома от администрации Херсонесского музея, датированное 5 октября 1925 г. В нем указывалось: «В районе Инкермана, а именно в бывшем Инкерманском монастыре и над железной дорогой у водокачки городского водопровода имеются древние пещерные церкви со следами древней фресковой живописи. Ввиду того, что как сами церкви, так и, в особенности, фресковая живопись являются важными археологическими памятниками, изучение которых производится еще и в настоящее время, Херсонесский археологический музей просит распоряжения Севастопольского исполкома работникам этих церквей, чтобы никакой ремонт, а также реставрация древней фресковой живописи в указанных церквях не производилась без ведома Херсонесского музея. Херсонесский музей имеет сведения, что в период времени до 17 г. в церквях Инкерманского монастыря проводился ремонт, который погубил подлинную древнюю живопись. Зам. директора Херсонесского музея Е. Шахбазин» [2, л. 80].

В документах Севастопольского райисполкома за 1925 г. по вопросу существования церковных общин на территории Севастополя и в его окрестностях встречаем также списки общины в храмах «бывшего Инкерманского монастыря». Один из них озаглавлен «Члены Приходского совета, ревизионной комиссии, старосты, настоятели и священнослужители, призванные служить в храмах Инкермана» и содержит такие данные: церковь Св. Климента – настоятель Чеботарев Венедикт Максимович, священники Георгиевский Никодим Яковлевич, Гринев Феодосий Ильич, Васильченко Василий Назарович, Поздняков Никита Андреевич,

Богословец Тихон Климентьевич, Павлов Нифонт Варфоломеевич, Сухенко Дий Федорович, Варакута Спиридон Иванович, [Белоус] Климент Андреевич, Кохан Милентий Самойлович; Храм Всех скорбящих радости – староста Кузин Дмитрий Захарович, члены приходского совета Войтов Ефим Иванович, [Лепирно] Григорий Игнатович, Кузьменко Онуфрий Федорович, Колинченко Нил Семенович, Корниенко Тимофей Иванович, Лапин Дмитрий Варфоломеевич, Думанов Федор Григорьевич, Рыбасов Николай Федорович, Колесников Никита Николаевич, священники Зварно Иннокентий Пантелеймонович, Почкин Савва Ефимович [2, л. 17].

Следующий документ (год тот же) – «Список служащих Инкерманского монастыря», содержащий такие сведения:

«14 июня 1875 г., Чеботарев Венедикт Максимович, г. Курск. Архимандрит.

28 июля 1850 г., Георгиевский Никодим Яковлевич, г. Путивль. Игумен.

28 июля 1851 г., Андриевский Герман Семенович. Киев. Звонарь, [чернец]

18 ноября 1872 г. Васильченко Власий Назарович. [Чернигов]. Иеромонах.

27 февраля 1878 г. Качан [Прокопий] Тимофеевич. Харьковская губерния, иеромонах.

24 августа 1852 г. Зворно Иннокентий Полуянович. Волынь. Иеромонах.

13 июля 1866 г. [Мордир] Владимир Филимонович. Херсонская губерния, д. Сирох, монах.

[дата не указана] Бороздкин Митрофан Борисович, монах.

27 декабря 1898 г. Пекло Серафим Федорович. Таврическая губерния, монах.

18 января 1897 г. Мавромак Евгений Иванович. Монах.

29 января 1839 г. Барский Вениамин Яковлевич. Монах.

15 марта 1898 г. Стуртинский Федор Петрович монах.

9 января 1876 г. Соломина Таисия Федоровна монахиня» [2, л. 38-39].

Данный перечень фиксирует не только фамилии, имена и отчества служителей храмов монастыря, но и дату и место их рождения, что дает представление о возрасте служителей на 1925 г.

В том же деле хранится список членов двадцатки храмов Инкермана (см. табл. 1).

Таблица 1.

Список членов двадцатки храмов Инкермана.

ФИО	Сл. положение	адрес	сословие	Церковное звание	возраст	Конф.	образование	Проф.
Маковоз Порфирий Калинович	Служ. ж/д	Таврическая губ. Мелитопольский уезд.	Крестьянин	Предстоятель	43 года	православный	Семейное учение	Чернорабочий
Титов Филипп Фомич	хлебопашец	Могилевская губерния. Чериковский уезд Долговическая волость д. Островец	-//-	монах	65 лет	-//-	Не грамотный	домохозяин
Хамец Каллистрат Иванович	Домохозяин	Курская губ. Тимский уезд Волость Погоженская с. Кускоми	-//-	-//-	78 лет	-//-	-//-	хлебороб
Корабейский Стефан Романович	Служ. ж/д	Харьковская губ. Ворльский уезд волость	-//-	-//-	40 лет	-//-		чернорабочий

		Староврская д. Павловка						
Комаричев Михаил Ти- мофеевич	?	Курская губ. Тимский уезд Волость Верхне- Тимская	-/-	-/-	54 года	-/-	Домаш- нее обра- зование	чернорабо- чий
Поцелуев Никита Ива- нович	Дом. Хоз.	Таврическая губ г. Севастополь	-/-	-/-	58 лет	-/-	неграмот- ный	Дом хоз.
Гловешко Андрей Иосифович	Дом. Хоз.	Харьковская губ. Валковский уезд Новоодолажская волость с. Просяное	Крестья- нин	-/-	32 года	грече- ское	Дом. обу- чение	чернорабо- чий
Курьянов Михаил Алексеевич	-/-	Севастополь	-/-	-/-	60 лет	-/-	неграмот- ный	-/-
Баландин Алексей Бо- рисович	Дом. Хоз.	Орловская губ. Севский уезд Чамлицкая во- лость с. Карасевка	-/-	-/-	61 год	-/-	-/-	хлебороб
Райим Петр Тарасович	рабо- чий	Бессарабия Измаильский уезд	-/-	-/-	26 лет	-/-	Дом. обу- чение	чернорабо- чий
Райим Ма- рия Ива- новна	Дом. Хоз.	-/-	-/-	-/-	48 лет	-/-	-/-	рабочая
Шевченко Пелагея Фе- доровна	Дом. Хоз.	Таврическая губ.	-/-	-/-	59 лет	-/-	неграмот- ная	рабочая
Сердюк Константин Максимович	Дом. Хоз.	Полтавская губ.	-/-	-/-	31 год	-/-	Дом. Обуч.	извозчик
Красюк Иван Яко- влевич	Дом. Хоз.	Таврическая губ. Севастополь	-/-	-/-	38 лет	-/-	Дом об.	чернорабо- чий
Красюк Федор Яковлевич	-/-	-/-	-/-	-/-	33 года	-/-	Дом. об.	-/-
Саверин Даниил Сте- панович	-/-	Таврическая губ. Дуванкой Симфе- ропольский уезд	-/-	-/-	68 лет	-/-	-/-	рабочий
Тягнибеда Стефан Сер- геевич	Дом. Хоз.	Севастополь	крестья- нин		30 лет	-/-		чернорабо- чий
Алексан- дрова Евдо- кия Дмитриевна	Дом. Хоз.	Таврическая губ. Севастополь	мещанка		37 лет	-/-	Дом. об.	Дом. Хоз.
Морозова Вера Степа- новна	-/-	-/-	-/-		52 года	-/-	неграмот- ная	-/-
Новикова Евдокия Ха- ритоновна	-/-	Могилевская губ. д. Слобода	крестья- янка		57 лет	-/-	Дом. об.	С 1898 г. в монахинях.

Васильченко Власий Назарович	иеромонах	Черниговская губ. Гулховский уезд	-//-		52 года	-//-	Высшее духовное училище	С 1872 в монахах
Андриевский Герман Семенович	-//-	Киевская губ.	Дух. Звание сын дьякона		72 года	-//-	Приходское училище	С 1878 в монахах
Георгиевский Никодим Яковлевич	игумен	г. Путивль	мещанин		74 года	-//-	-//-	

Документ был подписан председателем Севастопольского райисполкома А.В. Чеботаревым [2, л. 73-77].

Данные документы являются не только учетом священников и членов церковных общин бывшего Инкерманского монастыря, но и косвенным свидетельством проведения политики постепенного вытеснения из общественной жизни

города «верующих» через обязательную регистрацию их в органах власти и контроля за их деятельностью.

27 сентября 1925 г. в церковном столе Севрайисполкома был составлен перечень храмов монастыря, который свидетельствует, что к тому моменту большая их часть была закрыта (см. табл. 2).

Таблица 2

Перечень храмов Инкерманского монастыря. [2, л. 84]

Название церкви	Функционирование храма	закрытые	Этажность и из чего	Место в монастыре
Святого Клементия	функционирует	-	2 этажное каменное часовня	Находится в подворье Инкерманского монастыря
Св. Троицы домовая	-//-	-	-//-	-//-
Божьей матери Балговещения домовая каменная	нет	закрыта	Домовая в один этаж каменная	-//-
Св. Пантелеймона	-//-	-//-	-//- Быв. Уч.	-//-
Воскресенская в скале	нет	закрыта	1,5 этажное каменная при Троицкой церкви	В скале
Св. Дмитрия в скале	нет	закрыта	нет	-
Часовня св. Пантелеймона	нет	закрыта	2 этажная пристройка каменная при Благовещенской церкви	
Св. Николая каменная	нет	закрыта		

Документ подтверждает данные исследователей, что в 1925 г. Инкерманская религиозная община отказалась от пяти церквей, оставив себе пещерный храм во имя святого Климента и домовую Троицкую церковь, но и они просуществовали недолго. По-прежнему выступал претендентом на оставшееся имущество монастыря и Инкерманский КОВ (кооперативное общество взаимопомощи).

С началом 1926 г. нажим на остатки

монастыря усилился. Одновременно произошел и дальнейший отток верующих из его храмов.

В Архиве г. Севастополя хранится заявление «от граждан поселка Инкерман» Георгия Жидовцева, Веры Северной, Екатерины Петрухиной, Федоры Доминской настоятелю, председателю двадцатки и церковному совету с просьбой об исключении их из двадцатки: «в церковь не ходим, и ходить не будем». Документ датирован 20

июня 1926 г. [2, л. 142]. Является ли данное заявление инициативой граждан, или же оно было составлено под влиянием антирелигиозной пропаганды, не установлено. Но сам его стиль достаточно характерен для подобных заявлений того периода. К 1926 г. относится и принятие постановлений об окончательном решении вопроса с имуществом монастыря. Выписка из постановления КрымЦИК от 20 мая 1926 г. за подписью его председателя В. Ибраимова, указывает, что пункт 8 данного постановления предписывал ликвидировать Николаевский собор, Пантелеймоновскую и Воскресенскую церкви в Инкерманском монастыре «в виду отказа верующих» содержать храмы [1, л. 123].

9 августа 1926 г. на заседании Управления Церковной комиссии при КрымЦИК было принято решение о полном закрытии Инкерманского монастыря с передачей его построек Севастопольскому местхозу «для дальнейшего эксплуатации» (выписка и приказа № 8 данного заседания) [1, л. 138]. В том же году аналогичное решение принимает и президиум Севастопольского райисполкома. Монастырская гостиница и кельи были переданы военизированной охране железнодорожных мостов для их семей.

Одновременно в 1926 г. в Инкерманском монастыре все-таки проводились редкие богослужения, приходу даже передали иконы из закрытой Ай-Тодорской часовни.

Крымское землетрясение 1927 г. привело к разрушениям в Никольском соборе и Благовещенской церкви, находившихся на Монастырском плато (в зданиях появились трещины), планировался их разбор.

В октябре 1927 г. решением Севастопольского райисполкома была передана под детский сад монастырская часовня (на месте захоронения воинов, погибших в Инкерманском сражении 1854 г.), от нее верующие отказались еще в 1925 г., официально же она была упразднена в феврале 1928 г.

К 1928 г. религиозная община Климентовской церкви была распущена. Однако имеются сведения о ее повторной регистрации в декабре 1930 г. «по ходатайству верующих». Членами ее «двадцатки» стали: «председатель – В.М. Чеботарев (56 лет), архимандрит; казначей – Н.Д. Кисель (63 года), чернорабочий; секретарь – Т.А. Попова (35 лет), портниха». Она просуществовала недолго, поскольку через год по решению КрымЦИК последний действующий храм монастыря, Климентовский, был закрыт [4]. Историческое значение его здания стало причиной передачи храма под охрану КрымОХРИСА. 8 марта 1932 г. оставшееся ценное имущество храмов монастыря (всего 105 ценных предметов на сумму 262 руб.) было передано Севастопольскому музейному объединению: в т. ч. 2 мраморных престола, 68 икон, деревянная люстра, 2 дубовых престола, металлический и деревянный иконостасы. В 1932 г. в бывшей пещерной церкви св. Мартина была устроена музейная выставка, работавшая до 1936 г. [3, л. 61-69]. Последующие годы обитель находилась в запустении, помещения эпизодически использовались жителями поселка в качестве жилья либо по другому назначению. Так, в храме священномученика Климента временно размещался запасной приемный радицентр, а в Пантелеймоновском была устроена пекарня.

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в районе монастыря шли ожесточенные бои за Севастополь, в его пещерах размещался штаб 25-й Чапаевской дивизии Приморской Армии. В послевоенные годы территория находилась в запустении. Восстановление обители началось с 1991 г.

Таким образом, Инкерманский монастырь разделил судьбу других ликвидированных культовых объектов Севастополя, в его случае это не грозило физическим уничтожением строений, однако исторически сложилось так, что его территория затем пришла в запустение.

Список литературы

1. Архив г. Севастополя (АГС). Ф Р-79. Оп. 1. Д. 9
2. АГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 116
3. АГС. Ф. 79. Оп. 1. Д. 152
4. АГС. Ф Р-79. Оп. 1. Д. 1218
5. АГС. Ф Р-420. Оп 1. Д. 9

THE FATE OF THE INKERMAN MONASTERY IN THE 1920S IN THE ARCHIVAL SOURCES

The article considers the reflection in the documents of the State Institution "Archive of the city of Sevastopol" of the history of the Inkerman Monastery (now St. Klimentovsky Monastery) in the 1920s. It is established that this period in its history was one of the most difficult. By the end of the 1920s. The Inkerman Monastery was liquidated in connection with the course of the atheist state. The process of its liquidation can be described as "creeping liquidation". The brethren of the monastery went from a partial permission to continue their ministry to the final closure of the churches. Most of the buildings of the monastery after its abolition were adapted for the needs of the community of the village of Inkerman. The analysis of the documents showed that they are fragmentary, at the same time; they make it possible to understand the processes that took place with the cultural structures of the Sevastopol region in the 1920s. They contain information about churches.

Keywords: monastery of Inkerman, the closure of churches, the Crimea, the Crimea EC, twenty.

References

1. Arkhiv g. Sevastopolya (AGS) [Archive of the city of Sevastopol (ACS)]. F R-79. Op.1. D. 9
2. AGS (ACS). F R-79. Op 1. D.116
3. AGS (ACS). F R-79. Op 1. D.152
4. AGS (ACS). F R-79. Op 1. D 1218
5. AGS (ACS). F R-420. Op 1. D 9

Об авторе

Никитина Ирина Витальевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела научно-исследовательской работы, Севастопольский военно-исторический музей-заповедник (Россия), Email: IrinaNikita@yandex.ru

Nikitina Irina Vitalevna – Candidate of History, researcher of Department of scientific-research work, Sevastopol military historical Museum-reserve (Russia), Email: IrinaNikita@yandex.ru

Турыгин А.А., кандидат исторических наук, доцент, Костромской государственной университет (Россия)

ГУГЕНБЕРГ ПРОТИВ ЭРЦБЕРГЕРА: КРИТИКА ФИНАНСОВОЙ РЕФОРМЫ РЕЙХСМИНИСТРА В ВЕЙМАРСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ СОБРАНИИ

В статье речь идёт о критике финансовой реформы рейхсминистра Маттиаса Эрцбергера в Веймарском национальном собрании со стороны правых партий, выражавших интересы крупных собственников и промышленной элиты. Маттиас Эрцбергер, ставший министром в правительстве Бауэра и стремившийся создать централизованную налоговую систему в послевоенной Германии, натолкнулся на последовательную критику лидера радикального крыла фракции Немецкой национальной народной партии Альфреда Гугенберга, пангерманца, опытного финансиста и бывшего руководителя концерна Friedrich Krupp AG. Предметом критики Альфреда Гугенберга, желавшего сделать политическую карьеру, стали проекты законов о социализации и чрезвычайном налоге, вынесенные на рассмотрение депутатов Национального собрания. Сопровождавшаяся резкими выпадами и широким общественным осуждением кампания против Маттиаса Эрцбергера закончилась отклонением части проектов рейхсминистра и последующей отставке. Анализ опубликованных политических речей Альфреда Гугенберга и материалов периодической печати проливает свет на специфику парламентских дискуссий, позволяя выявить аргументы правых против продолжения демократизации Веймарской республики в первые годы её существования. Критика финансовой реформы Эрцбергера рассматривается на фоне парламентских дебатов в Национальном собрании Веймарской республики.

Ключевые слова: Альфред Гугенберг, Маттиас Эрцбергер, чрезвычайный налог, закон о социализации, Немецкая национальная народная партия, партия «Центра», Веймарская республика, Национальное собрание, выборы.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-01-128-140

В 1920 году в небольшом, но очень известном берлинском издательстве *Karl Curtius Verlag*, специализировавшемся на выпуске научно-популярной литературы, была опубликована брошюра, детально освещавшая позицию депутата Веймарского национального собрания *Альфреда Гугенберга* (1865-1951) в споре с рейхсминистром финансов *Маттиасом Эрцбергером* (1875-1921) [19]. Недовольство правых партий и имущих слоёв собрания вызвала налоговая реформа Эрцбергера, «заставившего раскошелиться всех дельцов, нажившихся на войне» [2, с. 129]. Апогеем возмущения стало введение в декабре 1919 года имперского чрезвычайного налога на имущество, который был частью «плана по перераспределению средств между богатыми и бедными слоями населения» [2, с. 129]. Эрцбергера обвинили в том, что он был финансовым агентом

врагов рейха, стремившихся выжать из немецкого народа все деньги в пользу стран-победительниц. Разразилась язвительная кампания публичных разоблачений против него во главе с Карлом Гельферихом, бывшим вице-канцлером и финансовым экспертом при Вильгельме II. Гельферих считал Эрцбергера личным врагом, желавшим укрепить основы республики, которая так внезапно «прервала его (Гельфериха – *авт.*) столь блестяще начавшуюся при империи карьеру» [3, с. 73]. Однако, вступив в Немецкую национальную народную партию (далее – НННП), Гельферих не сразу стал депутатом Национального собрания, поэтому, не имея возможности для громких обвинений с трибуны, вынужден был ограничиться партийной прессой. Депутатом рейхстага от НННП он стал только после июньских выборов 1920 года, пройдя туда от 21

избирательного округа «Гессен-Нассау» уже после нашумевшего судебного процесса (*Erzberger-Helfferich-Prozess*), продолжавшегося с января по март 1920 года [2, с. 138-139]. Центром оппозиции Эрцбергеру в Национальном собрании становится радикальное крыло фракции НННП, возглавляемое Гугенбергом.

Недовольство правых рейхсминистром подогревал раскол в его собственной партии Центра, руководство которой по сути отказалось поддерживать Эрцбергера. Так, Хайнц Браувайлер (1885-1976), который был членом «Июньского клуба» [1] и шеф-редактором *Düsseldorfer Tageblatt*, издания правого крыла партии, в ответ на усилившуюся критику фракции Центра в Национальном собрании, отверг все упрёки, предположив, что существующая диспропорция между прессой и партией не является причиной плохих результатов выборов. Напротив, вину следует возложить исключительно на Эрцбергера, который своими политическими усилиями в одиночку вверг не только Центр, но и всех немцев в целом в нынешний кризис [33, р. 76]. В вину Эрцбергеру вменялась не только его подпись под Компьенским перемирием 1918 года, но и последующая финансовая реформа. Хотя консерватор Браувайлер сохранил верность Центру, некоторые из его коллег (Макс Бухнер, Мартин Шпан, Эдуард Штадтлер) предпочли выйти из кажущейся слишком умеренной партии, вступив в более радикальную НННП (*Deutschnationale Volkspartei; DNVP*). В конечном итоге, защищая программу демократизации страны, которая не нашла полной поддержки у Центра, Эрцбергер стал аутсайдером в своей же партии. Программа финансовых реформ в глазах коллег по партийной фракции выглядела слишком левой, а сам Эрцбергер казался слишком амбициозным и непреклонным: «Он был мужественным трибуном с исключительным умом и работоспособностью, но его откровенно властный

характер и отсутствие должного образования, создали ему имидж выскочки в глазах его коллег» [15].

Возникший ещё до войны правый консервативный лагерь, состоящий из множества конкурирующих партий, тайных обществ и организаций, усиленный крайним радикализмом послевоенных добровольческих солдатских корпусов – фрайкоров – в новых условиях стал почвой для формирования оппозиции веймарской демократии. Идеологические границы между открытым правым радикализмом и национальным консерватизмом, пережившим войну и монархию, зачастую были очень размыты. Своего рода легитимную платформу, объединившую правые силы, создала НННП, возникшая практически сразу после Ноябрьской революции 24 ноября 1918 года. Партия стала преемницей Немецкой консервативной партии (*Deutschkonservative Partei*), связав Свободную консервативную партию (*Reichs- und Freikonservativen Partei*) с Партией немецкого отечества (*Deutsche Vaterlandspartei*), а также рядом мелких национально-консервативных и антисемитских группировок. Став связующим звеном между старыми партиями кайзеровской Германии и новыми, возникшими в условиях новой веймарской демократии, по крайней мере до прихода к власти лидера радикального крыла Гугенберга в 1928 году, НННП осуществляла самостоятельную политику, представляя «последний бастион разумного консерватизма» [22, pp. 133-134]. С Гугенбергом во главе партия была реорганизована в единую и непримиримую силу националистической оппозиции, которая никогда больше не шла на компромисс с Веймарской республикой.

По результатам выборов в Национальное собрание в январе-феврале 1919 года НННП получила 10,3% голосов избирателей, заняв по их количеству уверенное 4-е место после социал-демократов,

католиков Центра и демократов. В правление собрания, в качестве одного из трёх вице-президентов, вошёл Герман Дитрих (1856-1930), а лидером партийной фракции стал силезский помещик и опытный политик Артур фон Посадовский-Венер (1845-1932). Центром радикального крыла фракции стал депутат от 19 избирательного округа «Вестфалия-Север» Альфред Гугенберг, направивший свою критику против партии Центра и её представителя - рейхсминистра финансов Эрцбергера¹. Как раз издательство Гугенберга *Scherl-Verlag* опубликовало стотысячным тиражом знаменитый памфлет Гельфериха «Прочь от Эрцбергера».

В одном из недавних исследований немецкий историк М. Шельхорн рассуждает о политических константах мышления Гугенберга и несогласии с политикой Центра [30]. По его мнению, критика Гугенбергом Центра исходила вовсе не из идеологического неприятия католицизма, хотя его единомышленники по Пангерманскому союзу, рассуждая в русле *völkisch*-мировоззрения, считали католиков Центра «врагами рейха», тесно сотрудничавшими с социал-демократами (Эмиль Кирдорф), и бесчувственными к национальной политике католиками-ультрамонтанами (Генрих Класс). Лидер пангерманцев Класс видел в качестве наиважнейшей задачи Союза «обеспечить распространение среди немецких католиков знания о том, что тот, кто принадлежит к Центру, является врагом Отечества» [30, р. 28]. Если слова Класса в определённом мере отражали тактическое видение, состоявшее в провокации раскола партии Центра с целью получения части голосов немецких

католиков для НННП [6], так называемом «пангерманском проекте» (В.Либе [24], М.Дёпп [14], В.Руге [29], В.Краббе [23]), то для Гугенберга неприятие Центра произрастало из опыта работы Поселенческой комиссии в польских провинциях Пруссии, членом которой он был с 1894 по 1899 год. Польский патриархально-корпоративный уклад, поддерживаемый католицизмом, Гугенберг считал опасным для политики германизации восточных областей рейха [30, pp. 27-28].

Как представляется, на Гугенберга оказало влияние ещё одно обстоятельство, связанное с намерениями Эрцбергера ввести чрезвычайный налог на богатство (*Reichsnotopfer*). Таким налогом, или единовременным имперским сбором, должны были облагаться материальные и реальные активы, банковские счета, дебиторские задолженности, ценные бумаги, акции, облигации, оборудование и недвижимость [18, р. 205] с варьирующей налоговой ставкой от 10 до 65% (для активов более 2 млн. марок). Требуемую сумму, соразмерно уровню дохода (налог относился к типу прогрессивных налогов), можно было внести сразу и полностью, а можно было в долгосрочной перспективе, взяв на себя долговые обязательства. Потребность в таком налоге обосновывалась необходимостью уплаты военной контрибуции.

После выхода из руководящего состава концерна *Friedrich Krupp AG* в конце 1918 года, Гугенберг оставался держателем солидного пакета акций. Финансовая реформа и, в частности, налоговый закон Эрцбергера могли причинить ущерб благосостоянию депутата Гугенберга, опасения которого усиливали события, связанные с

¹Томас Мергель выделяет как минимум три интеллектуальных центра партии: во-первых, «младоконсерваторы», выступавшие за возрождение консерватизма изнутри и национальное примирение; во-вторых, представители старой прусской помещичьей элиты, в некоторых случаях, государственные служащие и военные, не желавшие иметь ничего общего с республикой, но вынужденные с ней сотрудничать, поскольку видели в ней выражение идеи «государства»; в-

третьих, «прагматические группы», представлявшие в партии различные объединения по интересам, добивавшиеся конкретных целей (защита сельскохозяйственных тарифов, страхование по безработице и др.): Mergel T. Das Scheitern des deutschen Tory-Konservatismus. Die Umformung der DNVP zu einer rechtsradikalen Partei 1928-1932 // Historische Zeitschrift, 276 (1). pp. 323-268.

руководством концерна. Под давлением совета директоров летом 1919 года наследница «пушечного короля» Берта Крупп вынуждена была задуматься о выводе собственного капитала посредством продажи акций [28, р. 185], хотя уже в июне ситуация с концерном несколько стабилизировалась из-за заключения выгодного соглашения с Государственным управлением железных дорог. Это соглашение открывало концерну перспективу конверсии военного производства, хотя ситуация в целом оставалась достаточно нестабильной [4, с. 222].

Таким образом, заинтересованный лично и политически, Гугенберг, который был депутатом Национального собрания с февраля 1919 года, сконцентрировался на достаточно решительной критике налогового проекта Эрцбергера, ставшего министром финансов в кабинете Бауэра несколько месяцев спустя.

Представляя депутатам Национального собрания проект закона о введении чрезвычайного налога, Эрцбергер сделал громкое заявление о планируемом небывалом увеличении поступлений в казну, которые «должны были вырасти на 90% [...]; вместо довоенных 2 млрд. рейху надлежало собрать 17 млрд. марок» [12, р. 3356]. Этот проект он представил депутатам 12 июля 1919 года, а уже 14 июля он был опубликован в *Reichsanzeiger*. Проект несколько раз отправлялся на доработку, и, наконец, был одобрен после третьих декабрьских чтений 31 декабря 1919 года [11].

Декабрьские чтения оказались самыми оживлёнными, поскольку более ранние проекты закона сопровождалось преимущественно кабинетными обсуждениями в правительстве и министерстве финансов. Общественность могла следить за их развитием, так как сами проекты и комментарии экспертов публиковались в прессе.

9 декабря депутат Гугенберг выступил с пространной речью, обращённой к налоговой инициативе Эрцбергера. В доработанном виде она была опубликована в

небольшом берлинском издательстве несколькими месяцами спустя [19]. Являясь не только депутатом от НННП, но и одним из лидеров Пангерманского союза, Гугенберг в своей речи отразил общее видение социально-экономического развития Германии пангерманцами. Шоковая терапия ноябрьских революционных событий, заставших пангерманцев практически врасплох (ввиду отсутствия чёткого плана действий, руководитель Пангерманского союза Генрих Класс писал, что «выждать момент – для нас дело чести» [8, р. 258]), пробудила у них инстинкт самосохранения, выразившийся в структурной реорганизации по принципу усиления вертикали власти. Первый после революции съезд Пангерманского союза открылся не в революционном Берлине, а в баварском Бамберге 16 февраля 1919 года. Поскольку он не выработал чёткой и содержательной программы, ограничившись оценкой общего замешательства и резкой критикой в адрес «предателей и врагов рейха» [7, р. 197, 205, 253, 381, 402f., 429f.], Гугенберг в той же мере дал собственную оценку экономической политике, будучи к тому времени опытным экономистом и бизнесменом.

Тезисы опубликованной позже речи Гугенберга не передавали эмоционального окраса, которым сопровождалось его выступление в Национальном собрании. Некоторые детали, тем не менее, передаёт местная пресса.

Доктор Гугенберг: Чрезвычайный закон – полнейшее безрассудство! Если Вы (к Эрцбергеру) хотите привести немецкий народ в рабство, тогда позвольте врагу сразу оккупировать Рурскую область (Совершенно верно! Правильно! Шум слева).

Президентский звонок. Спикер пытается продолжить.

Вице-президент Хауссман: Когда он, наконец, успокоится? Прошу не мешать выступающему говорить.

Гугенберг пытается продолжить очень сильным голосом. Шум не стихает,

особенно со стороны социал-демократов. Кто-то кричит. Вице-президент Хаусман прерывает встречу на четыре часа.

[...]

Министр Эрцбергер: Предыдущий оратор обладает странным мужеством с трибуны расставлять ударения на словах в хорошо подготовленных речах.

От имени правительства мы ведём сложные переговоры. Я бы хотел видеть возмущение правых, если бы это делал кто-то другой (Бурное возмущение справа. Президентский колокольчик. Шум затихает).

[...]

Министр Эрцбергер: В законопроекте не сказано ни слова о том, что чрезвычайный налог должен быть выплачен уже через год. У всех на это есть 30 лет, у фермеров – 50 лет. Эти долги будут в бухгалтерских книгах, но фактически останутся в хозяйстве... Примите проект в его нынешнем виде в ближайшее время (Аплодисменты большинства).

Доктор Гугенберг: Я пока ещё не воспринимаю весь этот процесс трагически, и, конечно же, против оккупации Рурской области. Я только сказал, что политика Эрцбергера приведёт к этому уже в ближайшее время. И я уже давно считаю господина Эрцбергера предателем (Шум. Президент Ференбах призывает оратора к порядку) [10, р. 1].

Хотя обмен любезностями сопровождал почти каждое выступление Гугенберга и Эрцбергера, называвших друг друга «предателем» [19, р. 27] и «работоторговцем» [34, р. 125], анализ опубликованных речей позволяет увидеть один из главных аргументов Гугенберга против чрезвычайного налога, который состоял в том, что налоговая политика Эрцбергера выходит за рамки экономической целесообразности, затрагивая экспроприацию права собственности. По его мнению, у государства «больше нет кредита», на который, напротив, ещё могут рассчитывать «крупные, хорошо управляемые частные

компании» [19, р. 7]. Из этого следует, что «нельзя нарушать частную экономическую жизнь» таких компаний, «облагая их налогами» [19, р. 7].

Парируя Гугенбергу, Эрцбергер ссылался на необходимость государственного вмешательства в коллективные и частные экономические интересы, настаивая, что «великим налоговым сувереном может быть только Германский рейх» [16, р. 7], а его главная цель, как министра рейха, состояла в том, чтобы «добиться справедливости во всей налоговой системе» [16, Р. 5]. Заявление Эрцбергера отражало общую стратегию «быстрой и последовательной централизации финансовой и налоговой политики рейха» [31, pp. 543-544], недавно образованного финансового управления (*Reichsfinanzverwaltung*).

Ссылаясь на статью «своего старого учителя» [19, р. 3] Луйо Brentано, опубликованную несколькими днями раньше в *Berliner Tageblatt* [9, р. 1], Гугенберг говорит о связи налоговой реформы с разорением крупных компаний, вытекающим из этого окончательным обесцениванием национальной валюты и перспективе рабочей зависимости от врага: «Серьёзные опасения моих политических друзей по поводу так называемого чрезвычайного налога, который зловеще ослабит нашу экономическую и политическую позицию по отношению к врагу, нанеся новый ужасный удар по нашей экономической жизни, которая уже почти угасла» [19, р. 3].

Основываясь на анализе речей Гугенберга в Национальном собрании, можно полагать, что волну возмущения правых вызвал как раз чрезвычайный налог, в то время как причины финансовых реформ в целом оставались понятными. «Во-первых, сокращение нашего долга, во-вторых, определение баланса между доходами и задачами рейха и, в-третьих, поиск вариантов займа, - рассуждает Гугенберг, - эти цели понятны всем, но господин рейхсминистр и его друзья социал-демократы добавили к ним ещё

две; они хотят социализировать налог и учесть настроения народа, который якобы требует принятия чрезвычайного закона в предложенной ими форме» [19, р. 6].

О намерении провести социализацию крупной промышленности заявил рейхсканцлер Бауэр летом 1919 года. Понятие «социализации», пришедшее в политическую коммуникацию молодой республики из марксистской лексики, тут же вызвало отторжение у правых, хотя вряд ли кто-то до конца осознавал его значение: «Социализация – это слово, под которым каждый что-то понимает [...], им обозначают как конец эксплуатации рабочих, так и передачу крупных предприятий в собственность народа; никто не должен легко обогащаться за счёт труда других, а получать по результатам собственной работы» (1919) [13, Р. 366]. Гугенберг, выступивший против «веймарской коалиции» (Центр, СДПГ, НДП) и её тезиса о том, что «социализация быстрыми шагами приведёт к демократизации экономики» [36, Р. 75], дал понять, что «социализация и общественная экономика – чудесное средство для Антанты, с помощью которого можно передать в руки врага немецкую частную собственность, создав благоприятные условия для большевистского проникновения» [35, р. 571f]. Гугенберг говорил об этом ещё в марте, опубликовав небольшую брошюру [21]. По существу его позиция относительно социализации отражала партийную программу НННП: «Каждая жизнеспособная экономика построена на частной собственности и самоуправлении. Предпринимательство и индивидуальное желание приобретения прибыли – основа нашей экономики. Мы требуем, чтобы они оставались в рамках общего блага, и мы будем защищать их от открытого и скрытого коммунизма. Государственная и другая общественная экономика существует только там, где это необходимо широкой ответственности, демонстрируя явные экономические преимущества перед частным

капиталом. Во время глубоких экономических потрясений к планам социализации следует подходить с большей осторожностью, хотя, созданные на добровольной основе профессиональные и кооперативные объединения, несомненно, должны поощряться» [26, р. 534].

Для министра Эрцбергера социализация была способом введения в стране «справедливых налогов», которые были бы способны ликвидировать былое «различие между имущими и неимущими», «богатыми и бедными» [16, pp. 5-6]. С трибуны Национального собрания он напомнил, что частично социализация уже началась сразу после окончания войны, когда остановилась «военная машина», которая, подчинив себе доходы, труд, гражданские свободы, долго прикрывалась лозунгами о «национальном долге» [16, р. 6]. Её остановка уже привела к росту доходов рабочих и падению дохода капиталистов [16, р. 6]. Оставалось логически завершить перестройку «военной машины» компенсацией изъятого в годы войны имущества. Этот процесс должен быть связан с конфискацией военных доходов, законодательно закреплённым новой системой налоговых сборов. Его будущей целью министру виделась устойчивая связь доходов от капитала с растущими доходами от труда [16, р. 6]. Для Эрцбергера хороший министр финансов одновременно являлся лучшим министром социализации [16, р. 5].

Гугенберг, как и Эрцбергер, связал социализацию с чрезвычайным налогом, но нашёл другие аргументы: «На самом деле чрезвычайный налог имеет тенденцию стать не налогом, а законом о социализации» [20, р. 145]. Усилить свою позицию Гугенберг попытался словами социал-демократа Носке, произнесёнными 7 ноября в Хемнице, ясно давшими понять, что даже среди левого крыла собрания существовала неуверенность по отношению к инициативе Эрцбергера: «Нельзя ожидать скорого улучшения от

быстрой социализации, которую каждый понимает по-своему. Эксперименты приносят больше вреда, чем пользы. Фактически мы практикуем обширную социализацию, собирая деньги в виде налогов (налогов на имущество, налогов на наследство, имперских сборов) [...] За время своей работы Национальное собрание примет налоговые законы, которые распространятся на крупный капитал до 75, а то и до 80 процентов от общей стоимости имущества. Когда это случится, в большинстве случаев владелец крупной компании станет просто немного лучше оплачиваемым работником на службе у широкой общественности» [20, p. 146].

Бывший финансист концерна *Krupp* и опытный экономист Гугенберг заметил в социализации Эрцбергера ещё один важный нюанс, который напрямую затрагивал интересы акционеров; ссылаясь на чрезвычайный налог, который должен был собираться не только в денежном эквиваленте, но и в акциях, Гугенберг указал, что сама социализация будет стоить государству денег, хотя её наиважнейшая задача состояла в сборе средств для выплаты военных догов союзникам. Он отметил, что социализация может увеличить размер долга, «если в рамках экспроприации без компенсаций, – как чрезвычайный налог, который, на мой взгляд, противоречит конституционному праву собственности, – вместо погашения имперского долга будут сданы реальные активы» [20, p. 146]. Обращаясь к оппозиции и министру Эрцбергеру, Гугенберг намеренно эмоционально окрашивает свой тон, поскольку за этим выпадом следует довольно бурная реакция депутатов собрания: «Да, мои дорогие друзья, чего вы на самом деле хотите: Навести порядок в финансах рейха или их социализировать? Это две несовместимые вещи! Работа министра финансов – организовать финансы. Но это также и вопрос судьбы – судьбы всего народа. Министр финансов [...] подобен штурману, который в крайне

бедственном положении не думает о прямом курсе своего корабля» [20, p. 146].

После довольно эмоционального выступления Гугенберга и последовавшего за ним шума в зале, заседание было перенесено на следующий день. Однако 11 декабря Гугенберг вновь привлёк всеобщее внимание, когда попытался обрисовать последствия финансовых реформ Эрцбергера. В качестве наиболее эмоционально окрашенных пунктов своей речи он выбрал зависимость немецкой экономики от иностранного капитала, возвращавшую Германию к состоянию «средневековой деревни», у жителей которой ничего не было, кроме их труда. В такую деревню мог совсем скоро прийти иностранец, предложив крестьянам работу за мизерное вознаграждение. Эту работу жители, скорее всего, примут с благодарностью, потому что с ней иностранец приносил им еду [20, p. 146].

Второй эмоционально окрашенный аспект речи Гугенберга был связан уже не с крестьянством, а с рабочими. Ввиду того что владельцы крупных предприятий должны будут выплачивать свой долг государству, они, соответственно, станут понижать зарплаты рабочим. Если раньше некоторые из рабочих могли быть акционерами своих предприятий, то из-за изменения процентной ставки и инфляции, они рисковали оказаться должниками [20, p. 155]. Такая ситуация благоприятствовала не немецким рабочим, а американцам, которые «в нынешних условиях меньше чем за 25 долларов могут купить промышленных акций на тысячу марок» [20, p. 154].

Выступление Гугенберга завершило диалог с министром Эрцбергером. Для этого разговора Гугенберг использовал ещё один важный козырь. Он задал вопрос министру о том, как союзникам будет выплачена первая сумма военного долга, что означало выведение 30 миллиардов оборотных средств из деловой жизни в течение шести месяцев. Вопрос Гугенберга

состоял в том, могли ли налогоплательщики рассчитывать на возвращение части выплаченных налогов соразмерно ставкам и тарифам, заложенным в проекте о чрезвычайном налоге? Гугенберг спросил министра о том, гарантирует ли правительство тем собственникам, за счёт которых собиралось выплатить долг союзникам некий эквивалент в виде налоговых облигаций, освобождающих их от уплаты других видов налога? [20, р. 157] Прежде «налоговые облигации» (*Steueranleihe*) могли приобретаться частными лицами, которые освобождались от уплаты налога в зависимости от стоимости таких облигаций. В новых условиях, подобный эквивалент, по мнению Гугенберга, был попросту необходим, поскольку предотвращал «крах отдельных хозяйств» и выглядел «экономически более эффективным» способом защиты интересов собственников, чем «предложения правительства» [20, р. 157].

Ответ Эрцбергера продемонстрировал отсутствие чёткой позиции у правительства по этому вопросу. Министр попытался сначала уйти от прямого ответа, сославшись на то, что правительство уже приняло обязательство выплатить долг за счёт сбора налогов [20, р. 156]. Поскольку Гугенберг продолжал настаивать, Эрцбергер попытался отшутиться, назвав предполагаемый налоговый вычет «самым забавным видом принудительного кредита» [20, р. 157]. Ситуацию попытался изменить депутат от НДП Андреас Блунк, сославшись на правомерность вопроса Гугенберга, но связав его с будущим: «Похоже, что для национальной экономики это (эквивалентная выплата – авт.) менее важно, чем для частного сектора; те, у кого есть состояние, могут и должны платить, но доктор Гугенберг должен будет получить ответ, которое ему позже предоставит немецкий народ» [20, р. 157].

Спор Гугенберга с Эрцбергером в Национальном собрании отразил главное противоречие веймарской демократии. Проигравшая войну Германия,

оказавшись на грани катастрофы, и, рискуя быть попросту разделённой на сферы влияния под прямым управлением союзников, смогла избежать этого посредством замены существующего монархического строя на новую, республиканскую форму правления. Вместо единоличных решений кайзера ответственность за судьбу целой страны принял на себя немецкий народ в лице своих избранников. Однако, как оказалось, новый режим поддержали только лишь силы так называемой «веймарской коалиции» (СДП, Центр, НДП). Солидную оппозицию Веймару составили правые партии, объединившие самые разные элементы: от консервативно-монархического до национал-революционного фланга. Центром такой оппозиции в Национальном собрании стала ННП, отразившая интересы тех, кто был противником парламентско-республиканской системы и не желал расставаться с властью при новом режиме.

Зал Национального собрания часто превращался в арену не просто политических дебатов, как, например, дебаты о названии государства или его флаге, а в настоящие дуэли и поединки, когда участники использовали трибуну для сокрушительных речей в адрес своих политических оппонентов (Эрцбергер и Фёглер о пролонгации перемирия с Антантой, Эрцбергер и фон ГрEFE о подрывной работе в годы войны и «ударе в спину»). Ещё одна политическая дуэль между Гугенбергом и Эрцбергером, по сути, отразила печальный факт неготовности молодого государства к продолжению демократических преобразований, поэтому их активный сторонник, министр финансов, «достигший наибольших заслуг в парламентаризации государства» (Шульце), по существу оказался лишь тем, «на ком сошлось так много нитей» [32, р. 244].

В речах Гугенберга нашла отражение как политическая риторика пангерманизма о «враге», «предателях», «заботе о народе», «национальном величии», так и

реальные политические аргументы, соответствовавшие общему убеждению о необходимости перемен. В конкретных спорах, дискуссиях и заявлениях по частным вопросам формировались и дообработывались программы политических партий всех оттенков: от проектов лучшего государственного устройства до защиты групповых интересов. Однако, спор Гугенберга с Эрцбергером отразил общую тенденцию правых, по крайней мере, в первые годы Веймара, не создать новое, увидев в нём своё место, а сохранить старое, существовавшее при монархии, чтобы на нём выстроить будущее. Тем не менее, Гугенберг, выражая интересы своей партии, смог использовать личный хозяйственный и административный опыт, обращая внимание на недоработки и явные противоречия эрцбергерской реформы. Возможно, благодаря его настойчивой и в определённой мере конструктивной критике, некоторые из проектов министра, как, например, закон о

социализации, были отклонены.

Не выглядит достаточно убедительным и тезис британского историка Адама Туза о «бесполезности дискуссий в Национальном собрании» [5, с. 399], поскольку критика чрезвычайного налога все-таки достигла цели. После многочисленных поправок и дополнений, ссылаясь на «технические трудности» [17, р. 1891], закон был отменен в 1922 году. Истинными причинами отмены чрезвычайного налога стали непредвиденные, политические и социально нежелательные последствия. Мелкие собственники, которые уплатили налог сразу и без рассрочки, сильно пострадали, вопреки намерениям правительства, в то время как более крупные собственники смогли уклониться от значительной части налога за счёт вывода капитала за границу. Сумма самого налога также не была стабильной, а корректировалась из-за отсутствия согласованности у союзников о размере репарационных выплат.

Список литературы

1. Артамошин С.В. Июньский клуб как генератор антидемократического дискурса консервативной духовной элиты Веймарской республики // Исторический журнал: научные исследования. 2015. №3 (27). С.308-313.
2. Винклер Г. А. Веймар 1918-1933: История первой немецкой демократии / Г. А. Винклер. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 878 с.
3. Евдокимова Т.В. Правящая политическая элита веймарской Германии: Матиас Эрцбергер (1875-1921) // Вестник ВолГУ. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2006. №11. С. 71-82.
4. Манчестер У. Оружие Круппа. История династии пушечных королей. М.: Прогресс, 1971. 487 с.
5. Туз А. Всемирный потоп. Великая война и переустройство мирового порядка, 1916-1931 / пер. с англ. А. Гуськова; под науч. ред. Е. Антоновой. М., 2019. 640 с.
6. Турыгин А.А. Пангерманский вариант проекта “Los von Rom”: к вопросу о выборе политической тактики // Христианство в общественной, политической и духовной жизни Германии в XX веке: сборник статей российских и немецких историков / отв. ред. К. Кроуфорд, Т.А. Некрасова. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. С. 93-101.
7. Alldeutsche Blätter. 29 Jahrgang, 1919.
8. Bonhard O. Geschichte des Alldeutschen Verbandep. Leipzig 1920. 291 p.
9. Brentano L. Das Reichsnotopfer und unsere Valuta // Berliner Tageblatt (48). 5. Dezember 1919. Nr. 580.
10. Deutsche Nationalversammlung. Die Reaktion gegen das Reichsnotopfer. - Berlin. 9. Dezember 1919 // Tageszeitung für die werktätige Bevölkerung des ganzen badischen

- Unterlandes (Bezirke Heidelberg bis Wertheim). 10. Dezember 1919. № 61. 1 Jahrgang.
11. Deutsches Gesetz über das Reichsnotopfer vom 31. Dezember 1919. (Reichs-Gesetzblatt. 1919 №. 252 P. 2189) // Public Finance Analysis. Vol. 37. №. 2. 1920. pp. 203-216.
 12. Die Deutsche Nationalversammlung im Jahre 1919 in ihrer Arbeit für den Aufbau des neuen deutschen Volksstaates / Eduard Heilfron (Hrsg.). Bd. 5. Berlin: Norddeutsche Buchdruckerei und Verlagsanstalt, 1919. 3356 p.
 13. Die deutsche Revolution 1918-1919: Dokumente / Hrsg. von Gerhard A. Ritter und Suzanne Miller. Hamburg: Fischer Tabu, 1983. 502 p.
 14. Dörr M. Die Deutschnationale Volkspartei 1925 bis 1928. Marburg, 1964. 256 p.
 15. Epstein K. Matthias Erzberger and the dilemma of German democracy. Princeton: Princeton University Press, 1959. 473 p.
 16. Erzberger M. Einführungsrede, gehalten am 8. Juli 1919 in der Nationalversammlung // Reden zur Neuordnung des deutschen Finanzwesens. Berlin, 1919. pp. 3-15.
 17. Gablers Wirtschafts Lexikon / Hrsg. Reinhold Sellien, Helmut Sellien. Wiesbaden: Springer-Verlag, 1988. 3044 p.
 18. Gesetz über das Reichsnotopfer: vom 31. Dezember 1919 // Finanzarchiv. Jahrg. 37. Bd. 2. Stuttgart; Berlin: Cotta, 1920. pp. 203-216.
 19. Hubenberg A. Hugenberg gegen Erzberger: Reichsnotopfer - Sozialisierung – Ruhrgebiet. Berlin: K. Curtius, 1920. 32 p.
 20. Hugenberg A. Streiflichter aus Vergangenheit und Gegenwart. Berlin: Verlag August Scherl, 1927. 311 p.
 21. Hugenberg A., Wallbaum W. Sozialisierung: Reden der Abgeordneten Dr. Hugenberg und Wallbaum in der Deutschen Nationalversammlung in Weimar am 8. März 1919. Berlin: Deutschnationale Volkspartei, 1919. 64 p.
 22. Jackisch B. A. The Pan-German League and Radical Nationalist Politics in Interwar Germany, 1918-39. Burlington: Ashgate Publishing Company, 2012. 220 p.
 23. Krabbe W. Die Bismarckjugend der Deutschnationalen Partei // German Studies Review. 17. 1994. pp. 9-23.
 24. Liebe W. Die Deutschnationale Volkspartei 1918-1924. Düsseldorf, 1956. 190 p.
 25. Mergel T. Das Scheitern des deutschen Tory-Konservatismus. Die Umformung der DNVP zu einer rechtsradikalen Partei 1928-1932 // Historische Zeitschrift, 276 (1). pp. 323-268.
 26. Mommsen W. (Hrsg.). Deutsche Parteiprogramme. 3. Aufl. München, 1977. 313 p.
 27. Morsey R. Matthias Erzberger (1875-1921) // Zeitgeschichte in Lebensbildern. 1. pp. 103-112.
 28. Pleitgen V. Die Entwicklung des betriebswirtschaftlichen Rechnungswesens von 1890 bis 1940 am Beispiel der Firmen Krupp, Scheidt und Farina. Köln, 2005. 252 p.
 29. Ruge W. Deutschnationale Volkspartei 1918-1933 / Dieter Fricke (Hrsg.). Die bürgerliche Parteien in Deutschland. Handbuch der Geschichte der bürgerlichen Parteien und anderer bürgerlichen Interessenorganisationen vom Vormärz bis zum Jahre 1945. Berlin, 1968. pp. 715-753.
 30. Schellhorn M. "Mit dem Zentrum niemals!" Alfred Hugenberg und die Deutsche Zentrumspartei in der Endphase der Weimarer Republik (1928-1933) // Historisch-politische Mitteilungen. Archiv für Christlich-Demokratische Politik. Band 26 / Th. Brechenmacher, G. Buchstab, H.-O. Kleinmann, H. J. Küsters, M. Borchard (Hrsg.). Köln: Böhlau Verlag, 2020. pp. 27-64.
 31. Schmidt-Essen A. Reichseinkommensteuer und Einheitsstaat // Wirtschaftsdienst. Zeitschrift für Wirtschaftspolitik. Nr. 29. vom 18. Juli 1919. Hamburg, 1919. pp. 543-544.
 32. Schulze H. Weimar: Deutschland, 1917-1933. Berlin: Severin und Siedler, 1982.

464 p.

33. Simon C. Heinz Brauweiler. Eine politische Biographie im Zeichen des antidemokratischen Denkens / Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades der Doktorin der Philosophie (Dr. phil.) eingereicht im Fachbereich Gesellschaftswissenschaften an der Universität Kassel. Kassel, 2016. 266 p.

34. Thimme A. Flucht in den Mythop. Die Deutschnationale Volkspartei und die Niederlage von 1918. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1969. 196 p.

35. Verhandlungen der verfassungsgebende Nationalversammlung. Stenographische Berichte. Anlagen zu den Stenographischen Berichten. Von der 1. Sitzung am 6. Februar 1919 bis zur 26. Sitzung am 12. März 1919. Berlin, 1920. 2083 p.

36. Winkler H.-A. Weimar 1918-1933. Die Geschichte der ersten deutschen Demokratie. München: C.H.Beck, 2005. 709 p.

HUGENBERG CONTRA ERZBERGER: CRITICISM OF THE FINANCIAL REFORM OF THE REICHSMINISTER IN THE WEIMAR NATIONAL ASSEMBLY

The article deals with the criticism of the financial reform of Reich Minister Matthias Erzberger in the Weimar National Assembly from the right-wing parties that expressed the interests of big proprietors and the industrial elite. Erzberger, seeking to create a centralized tax system, has come across consistent criticism from the leader of the radical wing of the German National People's Party faction Alfred Hugenberg, a Pan-German, experienced financier and former head of the Friedrich Krupp AG concern. The Hugenberg's criticism, who was seeking to make a political career, were the draft laws on socialization and emergency tax, submitted to the deputies of the National Assembly. The campaign against Erzberger, accompanied by sharp attacks and widespread public condemnation, ended with the rejection of part of the Reich Minister's law drafts and the subsequent resignation. The analysis of the published political speeches of Hugenberg and materials from periodicals shed light on the specifics of parliamentary discussions, allowing to reveal the arguments of the right against the continuation of democratization of the Weimar Republic in the early years of its existence.

Keywords: Alfred Hugenberg, Matthias Erzberger, emergency tax, socialization law, German National People's Party, Center Party, Weimar Republic, National Assembly, electionp.

References

1. Artamoshin P.V. Iyun'skij klub kak generator antidemokraticeskogo diskursa konservativnoj duhovnoj elity Vejmarskoj respubliki // Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovaniya. 2015. №3 (27). pp.308-313.

2. Vinkler G. A. Vejmar 1918-1933: Istorija pervoj nemeckoj demokratii / G. A. Vinkler. M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2013. – 878 p.

3. Evdokimova T.V. Pravyashchaya politicheskaya elita vejmarskoj Germanii: Matias Erzberger (1875-1921) // Vestnik VolGU. Ser. 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2006. №11. pp. 71-82.

4. Manchester U. Oruzhie Kruppa. Istorija dinastii pushechnyh korolej. M.: Progress, 1971. 487 p.

5. Tuz A. Vsemirnyj potop. Velikaya vojna i pereustrojstvo mirovogo poryadka, 1916-1931 / per. s angl. A. Gus'kova; pod nauch. red. E. Antonovoj. M., 2019. 640 p.

6. Turygin A.A. Pangermanskij variant proekta "Los von Rom": k voprosu o vybore politicheskoi taktiki // Hristianstvo v obshchestvennoj, politicheskoi i duhovnoj zhizni Germanii v HKH veke: sbornik statej rossijskih i nemeckih istorikov / otv. red. K. Krouford, T.A. Nekrasova. M.; Berlin: Direkt-Media, 2017. pp. 93-101.

7. Alldeutsche Blätter. 29 Jahrgang, 1919.

8. Bonhard O. Geschichte des Alldeutschen Verbandes. Leipzig 1920. 291 p.

9. Brentano L. Das Reichsnotopfer und unsere Valuta // Berliner Tageblatt (48). 5. Dezember 1919. Nr. 580.

10. Deutsche Nationalversammlung. Die Reaktion gegen das Reichsnotopfer. - Berlin. 9. Dezember 1919 // Tageszeitung für die werktätige Bevölkerung des ganzen badischen Unterlandes (Bezirke Heidelberg bis Wertheim). 10. Dezember 1919. № 61. 1 Jahrgang.
11. Deutsches Gesetz über das Reichsnotopfer vom 31. Dezember 1919. (Reichs-Gesetzblatt. 1919 №. 252 P. 2189) // Public Finance Analysis. Vol. 37. №. 2. 1920. pp. 203-216.
12. Die Deutsche Nationalversammlung im Jahre 1919 in ihrer Arbeit für den Aufbau des neuen deutschen Volksstaates / Eduard Heilfron (Hrsg.). Bd. 5. Berlin: Norddeutsche Buchdruckerei und Verlagsanstalt, 1919. 3356 p.
13. Die deutsche Revolution 1918-1919: Dokumente / Hrsg. von Gerhard A. Ritter und Suzanne Miller. Hamburg: Fischer Tabu, 1983. 502 p.
14. Dörr M. Die Deutschnationale Volkspartei 1925 bis 1928. Marburg, 1964. 256 p.
15. Epstein K. Matthias Erzberger and the dilemma of German democracy. Princeton: Princeton University Press, 1959. 473 p.
16. Erzberger M. Einführungsrede, gehalten am 8. Juli 1919 in der Nationalversammlung // Reden zur Neuordnung des deutschen Finanzwesens. Berlin, 1919. pp. 3-15.
17. Gablers Wirtschafts Lexikon / Hrsg. Reinhold Sellien, Helmut Sellien. Wiesbaden: Springer-Verlag, 1988. 3044 p.
18. Gesetz über das Reichsnotopfer: vom 31. Dezember 1919 // Finanzarchiv. Jahrg. 37. Bd. 2. Stuttgart; Berlin: Cotta, 1920. pp. 203-216.
19. Hugenberg A. Hugenberg gegen Erzberger: Reichsnotopfer - Sozialisierung – Ruhrgebiet. Berlin: K. Curtius, 1920. 32 p.
20. Hugenberg A. Streiflichter aus Vergangenheit und Gegenwart. Berlin: Verlag August Scherl, 1927. 311 p.
21. Hugenberg A., Wallbaum W. Sozialisierung: Reden der Abgeordneten Dr. Hugenberg und Wallbaum in der Deutschen Nationalversammlung in Weimar am 8. März 1919. Berlin: Deutschnationale Volkspartei, 1919. 64 p.
22. Jackisch B. A. The Pan-German League and Radical Nationalist Politics in Interwar Germany, 1918-39. Burlington: Ashgate Publishing Company, 2012. 220 p.
23. Krabbe W. Die Bismarckjugend der Deutschnationalen Partei // German Studies Review. 17. 1994. pp. 9-23.
24. Liebe W. Die Deutschnationale Volkspartei 1918-1924. Düsseldorf, 1956. 190 p.
25. Mergel T. Das Scheitern des deutschen Tory-Konservatismus. Die Umformung der DNVP zu einer rechtsradikalen Partei 1928-1932 // Historische Zeitschrift, 276 (1). pp. 323-268.
26. Mommsen W. (Hrsg.). Deutsche Parteiprogramme. 3. Aufl. München, 1977. 313 p.
27. Morsey R. Matthias Erzberger (1875-1921) // Zeitgeschichte in Lebensbildern. 1. pp. 103-112.
28. Pleitgen V. Die Entwicklung des betriebswirtschaftlichen Rechnungswesens von 1890 bis 1940 am Beispiel der Firmen Krupp, Scheidt und Farina. Köln, 2005. 252 p.
29. Ruge W. Deutschnationale Volkspartei 1918-1933 / Dieter Fricke (Hrsg.). Die bürgerliche Parteien in Deutschland. Handbuch der Geschichte der bürgerlichen Parteien und anderer bürgerlichen Interessenorganisationen vom Vormärz bis zum Jahre 1945. Berlin, 1968. pp. 715-753.
30. Schellhorn M. "Mit dem Zentrum niemals!" Alfred Hugenberg und die Deutsche Zentrumspartei in der Endphase der Weimarer Republik (1928-1933) // Historisch-politische Mitteilungen. Archiv für Christlich-Demokratische Politik. Band 26 / Th. Brechenmacher, G. Buchstab, H.-O. Kleinmann, H. J. Küsters, M. Borchard (Hrsg.). Köln: Böhlau Verlag, 2020. pp. 27-64.
31. Schmidt-Essen A. Reichseinkommensteuer und Einheitsstaat // Wirtschaftsdienst.

Zeitschrift für Wirtschaftspolitik. Nr. 29. vom 18. Juli 1919. Hamburg, 1919. pp. 543-544.

32. Schulze H. Weimar: Deutschland, 1917-1933. Berlin: Severin und Siedler, 1982. 464 p.

33. Simon C. Heinz Brauweiler. Eine politische Biographie im Zeichen des antidemokratischen Denkens / Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades der Doktorin der Philosophie (Dr. phil.) eingereicht im Fachbereich Gesellschaftswissenschaften an der Universität Kassel. Kassel, 2016. 266 p.

34. Thimme A. Flucht in den Mythop. Die Deutschnationale Volkspartei und die Niederlage von 1918. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1969. 196 p.

35. Verhandlungen der verfassungsgebende Nationalversammlung. Stenographische Berichte. Anlagen zu den Stenographischen Berichten. Von der 1. Sitzung am 6. Februar 1919 bis zur 26. Sitzung am 12. März 1919. Berlin, 1920. 2083 p.

36. Winkler H.-A. Weimar 1918-1933. Die Geschichte der ersten deutschen Demokratie. München: C.H.Beck, 2005. 709 p.

Об авторе

Турьгин Александр Александрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, Костромской государственной университет (Россия), E-mail: aturigin@mail.ru

Turygin Alexander Alexandrovich – Candidate of Historical Sciences, Docent, Docent of the Department of History, Kostroma State University (Russia), E-mail: aturigin@mail.ru

УДК 94 (100)

Шумаков А.А., кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Тульский филиал Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (Россия)

ЖИЗНЬ МАРТИНА РОБИНСОНА ДЕЛАНИ И ЭВОЛЮЦИЯ ЕГО ИДЕЙНО–ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ

В данной статье рассматривается эволюция идейно-политических взглядов Мартина Робинсона Делани, которому приписывается первое концептуальное обоснование доктрины «черного национализма» в США. Автор анализирует основные вехи биографии указанного деятеля, его богатое литературное наследие, делая основной акцент именно на рассмотрении внутренней диалектики политической философии Делани, изменчивости и противоречивости его взглядов на различных этапах жизни. Особое внимание уделяется отношению Делани к идеологии панафриканизма и черного национализма, а также его знаменитой полемике с Фредериком Дугласом. Уникальность исследования заключается в том, что оно представляет собой первую в отечественной науке попытку изложения биографии и анализа идейно-теоретического наследия выдающегося афроамериканского общественного деятеля, оценку его вклада в дело борьбы за права чернокожего населения в США. Источниковой базой являются работа самого Делани и его биографии. Ряд источников впервые вводится в научный оборот. В качестве конкретно исторических методов в данной работе используются историко-генетический и историко-типологический методы.

Ключевые слова: черный национализм, интеграционизм, аболиционизм, рабство, Гражданская война в США, движение за права афроамериканского населения, Мартин Робинсон Делани, Фредерик Дуглас, Авраам Линкольн, Республиканская партия (США)

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-01-141-153

Этого человека в академической среде принято именовать «отцом американского «черного национализма».² По мнению подавляющего большинства западных исследователей, именно он во многом повлиял на становление указанного направления общественно-политической мысли, сформулировав практически все его основные идейно-теоретические положения [1].

Стоит отметить, что фигура *Мартина Робинсона Делани* всегда вызывала огромный интерес у историков и политологов в США. Этому выдающемуся общественному деятелю посвящено немалое количество научных и публицистических работ, издано несколько биографий,³ а его собственные труды выдержали не один десяток переизданий и до сих пор

продолжают пользоваться значительной популярностью среди широкого круга читателей на Западе.

В нашей же стране имя Мартина Делани долгое время было известно лишь отдельным специалистам в области американской литературы XIX века и истории аболиционистского движения. Сейчас ситуация мало изменилась. Достаточно отметить, что ни одна из работ указанного автора, оставившего внушительное литературное наследие, по сей день не переведена на русский язык. Если в советский период подобное отсутствие интереса объяснялось очевидной «реакционностью» его взглядов, то в постсоветский – Делани оказался практически забыт отечественными исследователями. Исключения составляют лишь отдельные

© Шумаков А.А.

© Shumakov A.A.

² Первым, кто это сделал, был американский писатель и историк Теодор Дрейпер. 12 марта 1970 г. в *New York Times Review of Books* вышла его работа «Отец черного гражданского национализма».

³ Первая была выпущена еще в 1868 году американской политической активисткой Фрэнсис Энн Роллин Уиппер и имела огромный успех.

научные публикации, где его имя, как правило, приводится в числе других представителей «афроцентризма» или «панафриканизма».

А между тем яркая и противоречивая фигура Мартина Робинсона Делани заслуживает самого пристального внимания, а его биография и идейно-политические воззрения – самого подробного рассмотрения. Ведь речь идет о человеке, который сыграл ключевую роль в развитии движения за права чернокожих в США.

По мнению автора, политическая философия этого выдающегося общественного деятеля, политика, журналиста и писателя интересна в первую очередь тем, что являет собой наглядный и ярчайший пример внутренней диалектики и амбивалентности афроамериканского мышления и сознания, постоянно разрываемого между американской и негритянской идентичностью, о которых сегодня так часто говорят на Западе, пытаясь объяснить происходящее. Отчетливее всего это можно наблюдать, анализируя вехи его биографии и литературное наследие.

На протяжении жизни взгляды Мартина претерпевали существенные изменения. Как отмечал знаменитый британский историк, основатель Центра изучения рас и расизма Университетского колледжа Лондона *Пол Гилрой*: «Делани – фигура необычайной сложности, линия его политических взглядов проходит через аболиционизм и эмиграционизм, от республиканцев к демократам, делая несостоятельными любые примитивные попытки представить данного человека либо в качестве последовательного консерватора, либо в качестве радикала» [2, р. 20]. Эволюция идейно-политических воззрений указанного общественного деятеля не только сложна, но весьма показательна: от либерализма к консерватизму, от умеренного интеграционизма к правому радикализму и даже откровенному расизму, от черного национализма к ярко выраженному лоялизму, от фактического неприятия самой

идеи репатриации к ее яростному отстаиванию, от эгалитаризма к элитаризму, от фактического материализма к идеализму, и наконец, от республиканского к демократическому (консервативному) направлению американской политической мысли. Причем практически на каждом из этих этапов мы можем говорить о завершенной инверсии философских представлений.

В этой связи представляет особый интерес рассмотрение динамики изменения идейно-политических взглядов Мартина Делани и основных вех его биографии.

Ранние годы и начало активной общественной деятельности (1812-1843)

Мартин Робинсон Делани родился свободным в Чарльз-Тауне, Вирджиния (ныне – штат Западная Вирджиния), 6 мая 1812 г. в семье раба *Сэмюэля* и свободной швеи *Пэти Делани*. Последняя, как гласила семейная легенда, была дочерью порабощенного, а затем освободившегося и возвратившегося в Африку принца народности мандинка по имени Шанго [3, pp. 14–17]. Деда по отцовской линии Делани впоследствии также обозначал как бывшего плененного и перевезенного в Новый свет вождя, представителя народа гола, который затем бежал в Канаду, где активно боролся против рабства. Уже в одном только этом некоторые склоны видеть причины формирования его последующих политических воззрений, представляя Мартина как потомственного аболициониста. Однако к подобной родословной со слов самого автора следует относиться с большой долей скепсиса, ибо прямых подтверждений данной семейной истории не существует.

Как бы то ни было, с уверенностью можно говорить, что еще в раннем возрасте Мартин столкнулся с проявлением дискриминации в вопросе получения образования. Он и его братья самостоятельно научились читать и писать с помощью знаменитого «Нью-Йоркского букваря и справочника орфографии», который им удалось получить от бродячих

торговцев-менял [4]. По иронии судьбы, данная книга стала и причиной временного разлучения семьи с отцом в сентябре 1822 г. Дело в том, что по закону штата Вирджиния от 1793 г. негры, даже свободные, не могли получать образование. Поэтому, когда властям стало известно, что дети в семье Делани обучаются грамоте, начались судебное преследование и травля со стороны соседей, заставившие заставили Пэти Делани с детьми перебраться в Чемберсбург, штат Пенсильвания, где по закону чернокожие могли получить лишь начальное образование. Мартину не удалось воспользоваться даже этой скромной возможностью. Какое-то время ему приходилось совмещать учебу с работой, после чего из-за недостатка финансовых средств молодой человек был вынужден бросить школу.

В 1831 г. Делани в одиночку отправился в растущий город Питтсбург, преодолев в сложности около 150 миль пешком. Там он начал посещать занятия в школе Африканской методистской епископальной церкви (АМЕ) и какое-то время работал цирюльником и чернорабочим. В 1832 г. Мартин становится слушателем Колледжа Джефферсона. В том же году в США разразилась эпидемия холеры, и Делани поступает в ученики доктора *Эндрю Н. Макдауэлла*.

Примерно в это время начинается его активная общественная деятельность. Еще в 1832 г. Делани вместе с соседом по комнате *Моллистоном М. Кларком* образуют Фиванское литературное общество (по образцу Хунты Бенджамин Франклина) [5, р. 25]. В 1834 г. Мартин активно участвует в основании общества терпимости, Питтсбургского общества борьбы с рабством и филантропического общества, которое помогало беглым рабам [5, р. 25], а начиная с 1835 г., Делани принимает участие в ежегодном Национальном негритянском съезде. По некоторым сведениям, в то время он был вдохновлен идеей созда-

ния «черного Израиля» на восточном побережье Африки [6, р. 177-179].

Согласно материалам самой авторитетной и влиятельной афроамериканской газеты «The Colored American», в 1837 г. Делани фигурирует в качестве одного из одиннадцати соучредителей Молодежного литературного и нравственного реформистского общества Питтсбурга и его окрестностей, в апреле 1838 г. он обозначен как один из участников протеста против лишения чернокожих граждан избирательных прав, а в июле 1841 г. отмечен как секретарь оргкомитета Конвенции чернокожих в Питтсбурге [5, р. 25]. При этом Мартин с 1836 г. продолжал заниматься медицинской практикой, открыв врачебный кабинет, который, собственно, и служил ему основным источником дохода.

На данном этапе карьеры о политических взглядах Делани мало что известно, т.к. авторских публикаций этого периода практически не сохранилось. Однако те, что имеются, позволяют говорить о классическом аболиционизме и либерализме как основе его тогдашнего общественно-политического мировоззрения.

Начало журналистской карьеры: от либерализма к «черному национализму» (1843-1852)

В 1843 г. Делани начинает издавать газету «The Mystery». Многие из тех материалов впоследствии дублировались в других печатных изданиях, в частности, в знаменитой газете «The Liberator» *Уильяма Ллойда Гаррисона*. Самым известным эпизодом этого периода стал обвинительный приговор по делу о клевете в отношении другого чернокожего гражданина по фамилии Джонсон, которого редактор «The Mystery» публично обвинил в том, что тот некогда занимался ловлей рабов. Делани присудили штраф в размере 650 долларов. Выплатить указанную сумму ему помогли сторонники из числа аболиционистов.

В 1847 г. Делани знакомится с Уиль-

ямом Ллойдом Гаррисоном и **Фредериком Дугласом**, посетившими Питтсбург во время своего турне по штатам. Мартин получает предложение о сотрудничестве, которое охотно принимает. Он прощается с читателями «The Mystery», переезжает в Рочестер (Нью-Йорк), где совместно с Фредериком Дугласом в декабре того же года начинает выпуск газеты «North Star». Примечательно, что первые два года оба выдающихся афроамериканских общественных деятеля выступают как единомышленники: Дуглас в качестве редактора, Делани же – какое-то время ездил с лекциями по штатам, готовил материалы, занимался популяризацией издания и оформлением подписки. Однако в 1849 г. у этих выдающихся чернокожих представителей аболиционистского движения наместились явные идейные разногласия, сделав их впоследствии одними из самых известных и непримиримых оппонентов в истории афроамериканской общественно-политической мысли.

Первым камнем преткновения, как и в случае с другими знаменитыми антагонистами американского движения за права чернокожих **Мартином Лютером Кингом** и **Малькольмом Икс**, стал вопрос о применении насилия в борьбе за права чернокожего населения. Накопивший к тому моменту значительный опыт активной общественно-политической борьбы, Делани вполне допускал такую возможность в качестве ответа на насилие белых [5, р. 9], а его знаменитый коллега по издательской работе – нет.

1 июня 1849 г. Дуглас отказался от совместной редакции. В июне 1850 г. после газетной дискуссии Фредерика с другим аболиционистом **Сэмюэлем Р. Уордом** Делани подверг критике позицию своего «компаньона» и демонстративно занял сторону его оппонента. Тем не менее, стоит отметить, что на тот момент Мартин занимал относительно умеренную позицию по расовому вопросу, которую

вполне можно рассматривать как интеграционистскую. Иными словами, Делани считал, что чернокожему населению необходимо бороться за отмену рабства, предоставление и расширение своих прав, но в рамках американской (западной) капиталистической культуры. При этом многие т.н. «черные церкви», включая Африканскую методистскую епископальную церковь (АМЕ), обвиняли на данном основании его в пропаганде материалистического и капиталистического мировоззрения [7, р. 56].

Однако примерно год спустя риторика Делани резко меняется. Ряд исследователей и публицистов усматривают в этом исключительно личные мотивы. Так, в ноябре 1850 г. Мартин вместе с двумя другими чернокожими студентами был зачислен в Гарвардскую медицинскую школу, но уже в декабре вынужден прервать свое обучение. Причиной стала петиция белых студентов, посчитавших, что допуск чернокожих на лекции вредит репутации образовательного учреждения «в этой и других частях страны» [5, р. 184].

Другим важным обстоятельством, повлиявшим на радикализацию взглядов Делани, стало принятие ряда законодательных актов, известных как Компромисс 1850 года. В перечень документов входил новый Закон о беглых рабах, разрешавший поиск и задержание беглых рабов на территориях штатов, где рабство было уже официально отменено.

Делани очень жестко отреагировал на данные изменения. На одном из протестных митингов 30 сентября 1850 г. в Аллегейни (штат Пенсильвания) он обратился к мэру и присутствующим с такими словами: *«Сэр, мой дом – моя крепость; в этой крепости нет никого, кроме моей жены и моих детей, которые так же свободны, как и сами ангелы небесные, и чья свобода столь же священна, сколь и основы божественного мироздания. Если кто-нибудь подойдет к этому дому в поисках раба, – мне все равно, кем он будет,*

будь то констебль или шериф, магистрат или даже сам судья Верховного суда, – нет, пусть даже это будет тот, кто санкционировал подобные действия, сделав их законными [президент Миллард Филлмор], окруженный своими телохранителями, размахивающий как знаменем над головой Декларацией независимости и прикрывающий грудь как щитом конституцией его страны, – если он переступит порог моей двери, а я не уложу его безжизненный труп у моих ног, я надеюсь, могила откажет моему телу в последнем упокоении, а праведные небеса моей душе в последнем приюте» [8, р. 76].

И наконец, третьим существенным моментом, повлиявшим на очевидную инверсию взглядов, и который практически не учитывается исследователями, является увлечение Делани масонством. Последнее, как он считал, появилось в Древнем Египте и Эфиопии. *«Отказать черным мужчинам в привилегиях масонства, – заявлял он в своих лекциях, – значит отказать ребенку в родословной собственного происхождения. Откуда возникло масонство, если не из Эфиопии, Египта и Ассирии, заселёнными и населёнными детьми Хама» [5, р. 65].* Подобная мифология вскоре трансформируется в идеологическое обоснование превосходства черной расы. Тем не менее, на момент своих лекций по истории американского масонства Делани выступал как ярый эгалитарист.

В 1851 г. начинается очередной виток полемики с Фредериком Дугласом. На сей раз причиной затяжного спора послужила публикация на страницах газеты «National Era» частей романа Гарриет Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома». Делани подверг яростной критике данное произведение, заявив, что белому человеку невозможно осознать всей тяжести положения чернокожего населения в США и даже назвав его автора «колонизатором» [5, р. 184]. Дискуссия по этому поводу бу-

дет продолжаться очень долго. Впоследствии в 1859-1862 гг. Делани даже попытается опубликовать свой роман «Блэйк: или хижины Америки», который задумывался как своеобразный ответ на знаменитый бестселлер Гарриет Бичер-Стоу.

Рождение «черного национализма»: от культурного национализма к панафриканизму (1852-1863)

Но все же окончательным разрывом с Дугласом, по мнению большинства исследователей, стала развернувшаяся дискуссия по поводу эмиграции темнокожего населения. Фактически в это время мы наблюдаем очередную инверсию взглядов Мартина Делани и, что еще более важно, появление двух магистральных направлений общественно-политической мысли афроамериканского движения. Первое предполагало, что потомкам темнокожих рабов необходимо интегрироваться в американское общество, а второе напротив, отстаивало сохранение черной идентичности любыми доступными способами и средствами.

В 1852 г. выходит самая знаменитая работа Делани «Условия, подъем, эмиграция и судьба цветных в Соединенных Штатах». В отличие от широко разрекламированного на страницах «Полярной звезды» романа «Хижина дяди Тома», Дуглас демонстративно проигнорировал книгу своего бывшего соратника. Между тем, несмотря на всю свою неоднозначность и неприятие большей частью американских аболиционистов, данная работа все же сыграла свою роль в истории движения за права негритянского населения в США, т.к. именно в ней впервые формулируются некоторые ключевые положения, которые позднее станут идеологической основой знаменитой доктрины «черного национализма».

В частности, в данном трактате открыто провозглашался отказ от идеи пассивной христианской покорности и декларировалась необходимость активной

борьбы с рабством и расовым неравенством. *«Цветные расы очень восприимчивы к религии; это составляющий принцип их природы и замечательная черта их характера, – писал Делани. – Но, к их несчастью, они зашли слишком далеко. Их надежда слишком развита, и, следовательно, они обычно стоят на месте – надеются на Бога и действительно ожидают, что он сделает все за них вместо того, чтобы сделать это самим. Это их большая ошибка, возникшая из-за неправильного представления о характере и образе Бога»* [9]. В качестве конкретной меры возвышения своего народа Делани все еще предлагал занятие более высокого положения в обществе посредством получения образования, занятия предпринимательством и овладения профессиями. Однако в то же самое время, признавая господство расистских представлений в американском обществе, он приходит к выводу о необходимости эмиграции, сравнивая это с исходом евреев из Египта, походом Дидоны и эмиграцией британских пуритан в Новый свет [9]. В завершении работы автор даже делает недвусмысленный намек на превосходство черной расы, *«наделенной всеми свойствами, подходящими для всех частей земли, в то время как белая адаптирована только к определенным частям»* [9].

При этом Делани не только не отказался от прежнего эгалитаризма, но и в существенной мере выводил из этих представлений свою новую концепцию. Именно в нарушении принципа равенства он видел корень всех бед своего народа, проводя параллели с положением польского населения в России, венгров в Австрии, шотландцев, ирландцев и валлийцев в Соединенном Королевстве и евреев по всему миру. В частности, он писал: *«Везде, где существует подобный произвол, должно предполагаться чье-то превосходство. Признать чье-то превосходство – значит отрицать равенство дру-*

гих, отрицать их равенство – значит исходить из их неспособности к самоуправлению» [9].

Таким образом, на данном этапе главной целью Делани становилась уже не интеграция чернокожего населения в американское общество, а самоуправление. *«Мы имеем в виду, что нам пора стать политиками, чтобы понять политическую экономию и внутреннюю политику наций; чтобы мы стали не только теоретиками морали, но и практиками равноправия и самоуправления. (...) Разве у нас сейчас недостаточно разума, чтобы понять наше истинное положение, осознать наше состояние и определить для себя, что лучше всего делать? Если мы этого не сделаем сейчас – не сделаем никогда, а значит, мы должны прекратить болтовню о нашем равенстве, равных возможностях и обо всем остальном»* [9], – писал он в той же работе.

При этом на тот момент Мартин считал, что Либерея не является лучшим местом для иммиграции. В качестве причин Делани называл ее «нездоровый» климат и фиктивную независимость, а создание данной страны рассматривал как глубоко продуманный план рабовладельцев по истреблению свободных американских «цветных» [9]. Вместо этого Делани предлагал в качестве новой родины черной расы в Новом свете – страны Вест-Индии, а также Центральной и Южной Америки.

В июне 1853 г. в Рочестере проходит Национальный съезд представителей цветной расы под председательством Фредерика Дугласа, однако, несмотря на полученное приглашение, Делани не присутствует на данном мероприятии. Вместо этого в августе следующего года в Кливленде он проводит свой съезд под названием Национальная эмиграционная конвенция, на котором выступает с докладом «Политическая судьба цветной расы на американском континенте». Данный документ можно с полным основанием назвать

первым манифестом «черного национализма» в США. В нем развиваются тезисы предыдущей работы, но теперь они становятся еще более радикальными и категоричными. Так, автор открыто провозглашает, что в Соединенных Штатах добиться подлинного равноправия не получится ввиду расистской природы данного государства, которое сравнивается им с Древним Римом, а эмиграция предлагается как «лекарство от болезни» [5, р. 249]. Делани ставит под вопрос саму возможность мирного и благополучного сосуществования черного и белого населения в США, заявляя, что «на протяжении более двух тысяч лет целью белых было подавление цветных рас везде, где бы они ни находились», и лидерами в этом отношении на данный момент являются англо-американцы [5, р. 249]. Как следствие, первоочередной задачей негритянского населения должны стать сохранение черной идентичности и приобретение политической субъектности. Делани писал: *«Цветным необходимо иметь собственную землю, чтобы бороться за влияние с другими расами. Помимо политического центра, залогом могущества служит сохранение идентичности. Идентичность – это ядро, вокруг которого скреплена нация. Потеря её означает крах нации. Причиной падения Египта, Карфагена, греческих государств была «утрата изначальной идентичности, а вместе с ней – утрата заинтересованности в поддержании элементарных принципов национального бытия»* [10, р. 201].

Продолжал Делани развивать и теорию расового превосходства, обосновывая необходимость занятия территорий в странах Южной, Центральной Америки и Вест-Индии. *«Нас не сочли бы суеверными, – писал он, – если бы мы сказали, что во всем этом мы можем «увидеть перст Божий». Разве здесь не стоит отметить, что хотя проникновение иностранных белых на этот континент*

было добровольным и постоянным, а чернокожих – произвольным и лишь время от времени. Но количество белых на Юге уменьшилось, они выродились по характеру и стали психически и физически немыми и слабоумными, в то время как черные и цветные люди старательно увеличивались в численности, возродились по характеру, росли умственно и физически сильными и активными, развивая свои человеческие качества, и теперь по своему элементарному характеру явно превосходят представителей белой расы? Значит, белая раса никогда не сможет успешно занять южную часть континента» [5, р. 267].

Для осуществления своего проекта Делани был создан Национальный комитет уполномоченных, целью которого являлось изучение возможности для черной эмиграции в страны Латинской Америки. Впрочем, завершить данный проект так и не удалось.

В феврале 1856 г. Делани вместе с семьей переезжает в Канаду, а с конца 1858 г. начинает работать над проектом создания афроамериканского поселения на Черном континенте, саму возможность которого он фактически отрицал ранее. В 1859 г. он даже предпринял экспедицию на западный берег Африки с целью поиска подходящего места для поселения. По итогам этого путешествия в 1861 г. был опубликован «Официальный отчет группы исследователей долины реки Нигер», где впервые прозвучала знаменитая формула панафриканизма «Африка для африканцев», обычно приписываемая Э.У. Блайдену. У Делани она сформулирована следующим образом: *«Африка для африканской расы и черные люди должны править ею»* [5, р. 356]. В начале 1860-х гг. Делани продолжает ездить с лекциями по всему миру, собирая средства на реализацию своего иммиграционного проекта.

Несмотря на первоначальный успех данного предприятия, надеждам Делани

вновь не суждено было оправдаться. Начавшая в Соединенных штатах гражданская война и недостаток финансирования не позволили осуществить задуманное. Кроме того, как выяснилось, желающих отправиться на «родину предков» среди темнокожего населения в США не так много, что привело к провалу и этого начинания.

Стоит отметить, что на протяжении указанного периода политические взгляды Делани все больше радикализировались, чему отчасти способствовало принятие ряда дискриминационных законов, таких как Акт Канзас-Небраска 30 мая 1854 г. и решение Верховного суда США по делу Дреда Скотта 6 марта 1857 г. Кроме того, на данном этапе мы можем отчетливо наблюдать дрейф Делани от культурного черного национализма к пан-африканизму. Все это, в принципе, укладывалось в единую линию последовательной эволюции его взглядов, но начале 1860-х гг. в политической философии указанного автора происходит очередная инверсия.

Возвращение к интеграционизму и заключительный этап жизни (1863-1885)

Начавшаяся Гражданская война и «Прокламация об освобождении рабов» Авраама Линкольна, опубликованная двумя указами от 22 сентября 1862 г. и 1 января 1863 г., заставили Мартина в очередной раз кардинально пересмотреть свои взгляды. В принятии этих документов Делани увидел долгожданный шанс для темнокожего населения США наконец-то добиться равенства непосредственно в стране своего проживания. В 1863 г. он отвечает на призыв Линкольна и начинает открытую агитацию за вступление в Армию Союза, призывая всех сплотиться вокруг американского флага, «чтобы собственной крепкой рукой бороться за освобождение своей расы» [7, р. 384]. Какое-то время Делани занимался вербовкой новобранцев в 54-й полк Мас-сачусетса, а затем в тяжелую артиллерию

в Род-Айленде и Коннектикуте. Кстати, одним из завербованных был его сын Туссен-Лувертиюр.

В декабре 1863 г. Мартин отправляет военному министру **Эдвину М. Стэн-тону** письмо с предложением использовать свой авторитет среди чернокожего населения не только для вербовки солдат Армии Союза, но и для создания отдельных «цветных» вооруженных формирований в штатах Юга. Делани в кратчайшие сроки предлагал собрать «полк или бригаду» под его собственным командованием [5, р. 384]. Однако данное предложение было проигнорировано военным секретарем. И тем не менее Делани все же был назначен полевым офицером, став первым чернокожим американцем, получившим звание майора.

Удостоившись личной аудиенции у президента США в феврале 1865 г., он вновь повторил свое предложение и внешне получил одобрение главы Союза. Впрочем, убийство Авраама Линкольна и скорое окончание войны не позволили воплотить эти планы в жизнь. На тот момент Делани удалось набрать солдат для 104-го полка Цветных войск США и получить приказ о наборе новобранцев для 105-го полка, но с окончанием активных боевых действий надобность в подобном пополнении отпала сама собой. Оба приказа были отменены 7 июня 1865 г.

В августе 1865 г. Делани официально назначен помощником заместителя комиссара Бюро вольноотпущенников в Хилтон-Хед-Айленд, Южная Каролина, в чьи обязанности также входили контроль и управление заброшенными землями. Мартин занимал данную должность ровно три года. Все это время он активно продвигал идею перераспределения земельного фонда и создания класса чернокожих йоменов. Парадокс заключался в том, что Делани тогда активно поддерживал умеренную политику американского правительства в отношении землевладельцев Юга, придерживался концепции

«тройного союза»⁴ и призывал собратьев прийти к компромиссу с бывшими плантаторами-рабовладельцами, что существенно пошатнуло его авторитет в глазах вольноотпущенников и представителей движения за права чернокожих.

Принятие 13-й поправки 1 февраля 1865 г. о запрете рабства и принудительного труда, а также 14-й поправки 9 июля 1868 г. о предоставлении гражданства бывшим рабам Делани воспринял как свидетельство того, что чернокожие-таки стали «неотъемлемой частью и обязательным элементом американской политической нации» [7, р. 78], а, следовательно, их активная борьба потеряла смысл. Позднее как убежденный республиканец Мартин Делани всячески подчеркивал свою лояльность к действующему федеральному правительству и критиковал «негритянских собратьев» за излишнюю амбициозность.

Особенно ярко это проявилось в продолжающейся полемике с Фредериком Дугласом. Последний жестко критиковал президента Эндрю Джонсона за отказ от предоставления избирательных прав чернокожему населению и возвращение на руководящие посты ряда лидеров Конфедерации. Делани не только не поддержал бывшего товарища, но и фактически принял сторону действующего президента. В своем «Письме к цветным» он заявлял следующее: *«Не недооценивайте президента, но верьте, как и я, в то, что он намерен поступать правильно, что его намерения благи, что он заинтересован, как другие наши сограждане, в благополучии черных людей. (...) Не ждите от него слишком многого – я имею в виду того, что вы обычно ждете от черных людей.*

⁴ Концепция или план «Тройного внутреннего союза», разработанная Делани в 1865 г., предполагала, что Южные штаты могут достигнуть процветания только путем объединения и достижения разумного компромисса между промышленниками Севера, владеющими капиталом, землевладельцами Юга и черными рабочими-вольноотпущенниками, предоставляющими свой труд. Прибыль в таком случае соответственно должна делиться на три равные доли.

Не забывайте, что вы черные, а он – белый. Сделайте существенную поправку на это, и примите как точку зрения» [5, р. 404]. В данном отрывке можно видеть разительный контраст с тем, что Делани говорил и писал ранее.⁵ От бывшего радикализма не осталось и следа, равно как и эгалитаризма. В 1868 г. в своем обращении Делани просил уступить белым «право первого выбора и первого места». *«Мы не равны нашим белым друзьям, не равны в главном – в интеллекте»* [7, р. 87], – заявлял он. Теперь, даже на фоне интеграционистской риторики Фредерика Дугласа, Мартин Делани выглядел самым настоящим консерватором.

В 1870-е гг. Делани активно выстраивал политическую карьеру и занимался земельным бизнесом, открыв свое агентство недвижимости, выступая в качестве маклера. Он тщетно пытался добиться назначения генеральным консулом в Либерии и поста вице-губернатора Южной Каролины на выборах 1874 г., баллотировавшись от Независимой Республиканской партии Южной Каролины. Программой Делани по-прежнему выступало признание общности интересов двух рас, которую на сей раз он охарактеризовал как «союз труда и капитала» [7, р. 87].

В следующем году Делани вернулся в Республиканскую партию и даже был назначен судьей третьего отделения в Чарльзтауне, но вскоре лишен своей должности после обвинения в присваивании 212 долларов. Эту сумму якобы передала ему община Методистской церкви Джона Уэсли в 1871 г. как доверенному лицу миссис Э.Б. Ричардсон. Делани приговорили к тюремному заключению, хотя до конца жизни он

⁵ Тем не менее, справедливости ради стоит отметить, что 25 июля 1866 г. Делани сам написал письмо президенту, в котором просил как можно быстрее принять закон об избирательных правах как залог социального спокойствия и лояльности чернокожего населения. 15-я поправка будет принята только спустя три с половиной года при президенте Улиссе Гранте.

так и не признал себя виновным. Уже в 1876 г. Делани был помилован генерал-губернатором *Дэниэлом Генри Чемберленом* при посредничестве демократа, бывшего офицера Конфедерации *Уэйда Хэмптона*, которого Мартин поддержал на скандальных выборах на пост губернатора Каролины 7 ноября того же года.

К тому моменту Делани превратился в яростного критика Республиканской партии, точнее – ее радикального крыла. Он постоянно обвинял последнее в подрыве расового мира на Юге. Это отвернуло от него значительную часть чернокожего населения, равно как и поддержка кандидата, опиравшегося на военизированную белую расистскую организацию «Красные рубашки». Данные изменения можно отчетливо видеть на примере предвыборных выступлений Делани перед чернокожей аудиторией, которые, как писали многие газеты, неизменно сопровождались гулом неодобрения и обвинениями в предательстве.

28 февраля 1876 г. в Вашингтоне темнокожими делегатами был создан ***Национальный независимый политический союз***. Основной объединительной платформой и задачей данной организации была критика Республиканской партии и нормализация отношений с белыми южанами, а идейной основой становилась все та же концепция «Тройного союза» Мартина Делани. Последний был избран президентом для всех штатов к югу от Северной Каролины, хотя сам он узнал об этом позднее. Данное объединение не снискало широкой поддержки у чернокожего населения, по-прежнему поддерживавшего Республиканскую партию.

После победы демократов Делани был восстановлен на посту судьи в Чарльстоне, но в 1878 г. освобожден от должности после избрания Хэмптона в Сенат. К тому моменту Мартин был сильно разочарован происходящим в стране. Это было связано с окончанием периода Реконструкции, разгулом расового насилия и

масштабным наступлением на права чернокожего населения, что спровоцировало его массовый отток на Север.

Делани пытался реагировать. Так в 1879 г. вышла его последняя значимая работа «Принципы этнологии: происхождение рас и цвета кожи», в которой он попытался обосновать ошибочность расистской интеллектуальной традиции и подчеркнуть древность и значимость африканской цивилизации. Однако особого резонанса данная работа не вызвала, равно как попытка Делани в 1878 г. реанимировать свой иммиграционный проект, что можно назвать его очередной и последней попыткой радикального пересмотра взглядов.

Последние годы Мартин провел в постоянных поисках средств на реализацию своей давней мечты о репатриации и попытками наладить подорванные отношения с республиканцами. Ни в первом, ни во втором Делани преуспеть не удалось. Одной из причин стали проблемы со здоровьем. В 1884 г. он возвращается к семье в Уилберфорс. 24 января 1885 г. Мартина Робинсона Делани не стало.

Выводы

Политическую философию Мартина Делани необходимо рассматривать исключительно в динамике, в противном случае – все выводы будут носить поверхностный характер и легко опровергаться противоречащими ссылками на того же автора. Вообще эволюцию его идейно-политических взглядов можно условно разделить на три этапа, в каждом из которых указанный деятель формулировал законченную теоретическую концепцию, после чего в процессе рассуждений и практической деятельности приходил к ее фактическому отрицанию.

Отдельные авторы используют данный подход в своем анализе, неизменно рассматривая фигуру Мартина Делани на контрасте с Фредериком Дугласом [11]. В таком случае оба выдающихся общественных деятеля движения за права негритянского населения предстают как

бы в образе непримиримых антагонистов, олицетворяющих собой два основных направления афроамериканской политической философии: интеграционизма и черного национализма. Подобная трактовка, нужно признать, имеет право на существование, однако она не несет в себе понимания природы происходящих изменений, внутренней диалектики движения, выражающейся в единстве и борьбе указанных направлений, а самое главное – не учитывает динамики изменений взглядов указанных авторов. А между тем, как мы могли видеть, Делани был крайне последователен в своих теоретических построениях, как, впрочем, и Дуглас. Поэтому в нашем случае речь в первую очередь уместно вести речь именно о внутренней диалектике Мартина Робинсона Делани, не сравнивая и не противопоставляя его кому бы то ни было.

Причины подобных «идейных метаний» и «преодоления» прежних убеждений носят как субъективный (личностный), так и объективный характер. К первым можно отнести крайне противоречивый жизненный и практический опыт Мартина Делани, подталкивающий его к соответствующим выводам и решениям. В качестве конкретных примеров можно привести отчисление из Гарвардской медицинской школы в 1850 г., фактический провал иммиграционного проекта в начале 1860-х гг., неудачную политическую карьеру и тюремный срок, которые привели к фактическому разочарованию в Республиканской партии, равно как и самой идее равноправия и борьбы за права

чернокожих. Под объективными факторами и причинами автор понимает социально-экономические и политические трансформации, происходящие в США. В частности, не вызывает сомнения, что на резкую перемену взглядов в 1850-х гг. и обращение к «черному национализму» во многом повлияло принятие ряда дискриминационных законов, отходу от указанной доктрины – начало гражданской войны, в которой Делани увидел долгожданную возможность политического освобождения представителей своей расы. Даже разочарование в «радикальном республиканизме» и борьбе за права чернокожего населения США было отчасти обусловлено социально-политическими процессами. Завершение реконструкции Делани воспринял как закономерный итог революционных изменений 1863-1868 гг., которые, по его мнению, нуждались в закреплении, а не в углублении. В свою очередь, окончание периода Реконструкции Юга и расцвет «джимкродуизма» заставили его вернуться к панафриканизму и идее репатриации.

Таким образом, несмотря на кажущуюся непоследовательность, в действиях и взглядах указанного афроамериканского деятеля просматривается четкая диалектическая логика и каузальная связь с конкретными событиями и процессами. Но самое главное – на примере жизни и эволюции взглядов Мартина Робинсона Делани можно отчетливо наблюдать дихотомию афроамериканского сознания и внутреннюю диалектику развития движения за права чернокожего населения в США.

Список литературы

1. Шумаков А.А. Проблема появления «черного национализма» в США // Приднепровский научный вестник. 2020. Т. 3. №8. С 53-64.
2. Gilroy P. The Black Atlantic: Modernity and Double Consciousness. - Cambridge: Harvard University Press, 1993.
3. Rollin F.A. Life and Public Services of Martin R. Delany, 1883, reprint 1969, Arno Press, pp. 14–17; accessed February 21, 2011.
4. Rollin F.A. The Life of Martin R. Delany. [Электронный ресурс] URL: <https://book.cc/book/5709193/2c368d>.

5. Martin R. Delany: A Documentary Reader / Ed. by Robert S. Levine. - Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2003.
6. Gates Jr. H. L., Akyeampong E., Niven S.J. Dictionary of African Biography. Vol.6. Oxford University Press, USA, 2012, p. 177-179.
7. Adeleke T. Without regard to race. The Other Martin Robinson Delany. - Jackson: University press of Mississippi, 2003.
8. Rollin F.A. Life and Public Services of Martin R. Delany (Boston: Lee and Shepard, 1868).
9. Delany M.R. The Condition, Elevation, Emigration and Destiny of the Colored People of the United States. [Электронный ресурс] URL: <http://www.gutenberg.org/files/17154/17154-h/17154-h.htm>
10. Delany M.R. The Political Destiny of the Colored Race // The Ideological Origins of Black Nationalism by Sterling Stuckey. – Boston: Beakon Pr. 1972.
11. Levine R.S. Martin Delany, Frederick Douglass, and the Politics of Representative Identity. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1997.

THE LIFE OF MARTIN ROBINSON DELANY'S AND EVOLUTION HIS IDEOLOGICAL AND POLITICAL VIEWS

This article examines the evolution of the ideological and political views of Martin Robinson Delany, who is credited with the first conceptual justification of the doctrine of "black nationalism" in the United States. The author analyzes the main milestones of the biography of this figure, his rich literary heritage, focusing on the consideration of the internal dialectics of Delany's political philosophy, the variability and inconsistency of his views at various stages of life. Special attention is paid to Delany's attitude to the ideology of pan-Africanism and black nationalism, as well as his controversy with Frederick Douglass. The uniqueness of the study lies in the fact that it is the first attempt in Russian academic science to present the biography and analysis of the ideological and theoretical heritage of an outstanding African-American public figure, an assessment of his contribution to the struggle for the rights of the black population in the United States. The source base is the work of Delany himself and his biographies, none of which has been translated into Russian. A number of sources are being introduced into scientific circulation for the first time. The historical-genetic and historical-typological methods are used as specific historical methods in this work.

Keywords: black nationalism, integrationism, abolitionism, slavery, American Civil War, movement for the rights of the African-American population, Martin Robinson Delany, Frederick Douglass, Abraham Lincoln, Republican Party (USA)

References

1. Shumakov A.A. Problema poyavleniya «chernogo nacionalizma» v SSHA // Pridneprovskij nauchnyj vestnik. 2020. T. 3. №8. S 53-64.
2. Gilroy P. The Black Atlantic: Modernity and Double Consciousness. - Cambridge: Harvard University Press, 1993.
3. Rollin F.A. Life and Public Services of Martin R. Delany, 1883, reprint 1969, Arno Press, pp. 14–17; accessed February 21, 2011.
4. Rollin F.A. The Life of Martin R. Delany. [Elektronnyj resurs] URL: <https://book.cc/book/5709193/2c368d>.
5. Martin R. Delany: A Documentary Reader / Ed. by Robert S. Levine. - Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2003.
6. Gates Jr. H. L., Akyeampong E., Niven S.J. Dictionary of African Biography. Vol.6. Oxford University Press, USA, 2012, p. 177-179.
7. Adeleke T. Without regard to race. The Other Martin Robinson Delany. - Jackson: University press of Mississippi, 2003.
8. Rollin F.A. Life and Public Services of Martin R. Delany (Boston: Lee and Shepard, 1868).

9. Delany M.R. The Condition, Elevation, Emigration and Destiny of the Colored People of the United States. [Elektronnyj resurs] URL: <http://www.gutenberg.org/files/17154/17154-h/17154-h.htm>

10. Delany M.R. The Political Destiny of the Colored Race // The Ideological Origines of Black Nationalism by Sterling Stuckey. – Boston: Beakon Pr. 1972.

11. Levine R.S. Martin Delany, Frederick Douglass, and the Politics of Representative Identity. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1997.

Об авторе

Шумаков Андрей Андреевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Тульский филиал Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (Россия), E-mail: takamori@rambler.ru

Shumakov Andrey Andreevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities, Tula Branch of the Plekhanov Russian University of Economics (Russia), E-mail: takamori@rambler.ru

Правила предоставления рукописей

В журнале «Вестник БГУ» публикуются статьи теоретического, методического и прикладного характера, содержащие оригинальный материал исследований автора (авторов), ранее нигде не опубликованные. Материал исследований должен содержать научную новизну и/или иметь практическую значимость.

Статьи обзорного характера к публикации не принимаются.

Научный журнал формируется по научной отрасли **07.00.00 – исторические науки и археология**.

Научные специальности: **07.00.02 - Отечественная история; 07.00.03 - Всеобщая история; 07.00.06 - Археология; 07.00.09 - Историография, источниковедение и методы исторического исследования; 07.00.15 - История международных отношений и внешней политики.**

Требования к структуре статей

(см. образец оформления статьи)

Все указанные структурные элементы статьи отделяются друг от друга пропуском строки.

1. В начале статьи указываются:

- номер по Универсальной десятичной классификации – УДК (Times New Roman 14 pt, обычный, выравнивание по левому краю);
- фамилия и инициалы автора (Times New Roman 14 pt, жирный), ученая степень, ученое звание, название образовательной организации, страна – на русском языке (Times New Roman 14 pt, обычный, выравнивание по ширине, межстрочный интервал одинарный);
- название статьи (10-12 слов, заглавными буквами, Times New Roman, 14 pt, жирный, выравнивание по центру, межстрочный интервал – одинарный);
- аннотация на русском языке (150-250 слов, см. образец оформления статьи);
- ключевые слова (8-10 слов и словосочетаний, Times New Roman 14 pt, надпись «Ключевые слова» - жирный, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный).

2. Текст статьи на русском языке (Times New Roman 14 pt; обычный; выравнивание по ширине; междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1 см.)

3. После текста статьи размещаются:

- список литературы на русском языке (Times New Roman 14 pt, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1 см., нумерация автоматическая, см. образец оформления статьи);
- название статьи на английском языке;
- аннотация на английском языке («Abstract»);
- ключевые слова на английском языке («Keywords»);
- список литературы на английском языке (References);
- информация об авторе (фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень, ученое звание; должность; название образовательного учреждения, страна; адрес электронной почты) на русском и английском языках.

Статьи предоставляются в редколлегию в печатном и электронном виде, подготовленные с помощью текстового редактора Microsoft Word (*.doc, *.docx, *.rtf) и разбитые на страницы размером А4. Поля страницы: левое — 2 см, правое – 2 см, верхнее – 2 см, нижнее – 2 см. Текст – шрифтом Times New Roman, 14 pt, межстрочный интервал — одинарный, красная строка (абзац) 1 см (формата А-4), выравнивание по ширине. Страницы не нумеруются. Ручные и автоматические переносы не допускаются. Если статья выполнена при поддержке гранта или на основе доклада, прочитанного на конференции, то необходимо сделать соответствующую сноску в заголовке статьи (*). Объем статей, как правило, не должен быть менее 5 страниц А4 (14 000 знаков с пробелами) и не превышать 12 страниц А4 (32 000 знаков с пробелами), включая список литературы (10-15 источников). Желательно привлечение источников, индексируемых в Scopus. Все источники в тексте статьи обязательно должны быть процитированы хотя бы один раз.

Аннотация на русском языке должна содержать 150-250 слов (актуальность темы исследования, постановка проблемы, цели и методы исследования, результаты и ключевые выводы). После аннотации размещаются ключевые слова (8-10). Через строку размещается текст статьи, который должен содержать следующие обязательные элементы:

- **Введение** (актуальность темы, обзор литературы, постановка проблемы, формулирование целей и задач данного исследования);
- **Методы** (детально описываются методы и схема экспериментов/ наблюдений, позволяющие воспроизвести результаты, пользуясь только текстом статьи);
- **Результаты** (представляются фактические результаты исследования);
- **Обсуждение** (содержит интерпретацию полученных результатов исследования, включая: соответствие полученных результатов гипотезе исследования; ограничения исследования и обобщения его результатов; предложение по практическому применению; предложения по направлению будущих исследований);
- **Заключение** (содержит краткие итоги разделов статьи без повторения формулировок, приведенных в них).

После основного текста статьи автор или авторы могут поместить благодарности коллегам за помощь в подготовке статьи, за финансовую поддержку и другие.

На титульной странице оформляется исключительное авторское право на статью путем перечисления фамилий и инициалов всех авторов после знака Copyright © на русском и английском языках.

После текста статьи размещается «Список литературы» (14 pt) с выравниванием по ширине (см. пример оформления статьи). В этот список включаются только те источники, на которые в тексте статьи имеются ссылки. Он формируется в алфавитном порядке (вначале источники на русском языке, затем на иностранных языках).

Ссылки на литературу по тексту статьи необходимо давать в квадратных скобках, через запятую номер страницы [5, с. 17]. Ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Работы одного и того же автора цитируются в хронологическом порядке независимо от наличия соавторов.

Затем размещается английский блок: фамилия, имя, отчество автора, ученая степень, ученое звание, название организации, страна, название статьи, аннотация и ключевые слова (Abstract + keywords), список литературы (References), см. образец оформления статьи).

Если статья содержит таблицы или рисунки, в тексте должны быть ссылки на эти элементы (см. рис. 1 или см. табл. 1).

Оформление таблицы. Обратите внимание, что надпись «Таблица 1» не имеет знака номера и точки. Обязательно должно быть название таблицы (располагается перед самой таблицей), после которого также не ставится точка. Шрифт Times New Roman 14 pt, (жирный), интервал – одинарный.

Таблица 1

Результаты исследования уровня волевого самоконтроля

Все рисунки и чертежи выполняются четко, в формате jpeg, обеспечивающем ясность понимания всех деталей; это особенно относится к фотокопиям и полутоновым рисункам. Весь иллюстративный материал должен быть выполнен в черно-белой гамме. (Цветные иллюстрации будут удаляться). Язык надписей на рисунках (включая единицы измерения) должен соответствовать языку самой статьи. Поясняющие надписи следует по возможности заменять цифрами и буквенными обозначениями, разъясняемыми в подписи к рисунку или в тексте. Название иллюстративного материала оформляются исключительно под рисунком. Подписи к рисункам – шрифт Times New Roman 14 pt, (обычный), интервал – одинарный.

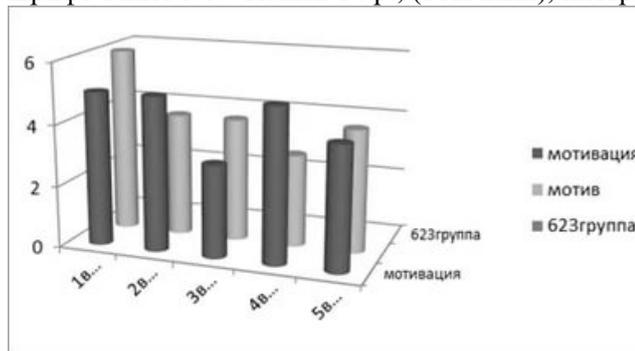

Рис.1. Результаты изучения мотивации студентов

Авторов, использующих при подготовке рисунков компьютерную графику, просим придерживаться следующих рекомендаций: графики делать в рамке; штрихи на осях направлять внутрь; по возможности использовать шрифт Times; высота цифр и строчных букв должна быть в пределах 3-4% от максимального размера (высоты или ширины) рисунков, это относится и к цифрам на осях вставки; обозначения единиц измерения на осях графиков приводить в скобках. Таблицы, рисунки и подписи к ним помещаются непосредственно в тексте. Векторные величины выделяются прямым полужирным шрифтом. Все сколько-нибудь громоздкие формулы выносятся на отдельные строки. В тексте статьи допускаются системы физических единиц СИ и СГСЭ.

Всего автор оформляет и подает 3 электронных документа:

1. Текст статьи, оформленный в соответствии с указанными требованиями;
2. Авторская справка (см. образец);
3. Отчет о проверке в системе «Антиплагиат». Оригинальность статьи должна быть от 80%.

Каждая статья в обязательном порядке проходит процедуру закрытого рецензирования. По результатам рецензирования редколлегия оставляет за собой право либо вернуть автору статью на доработку, либо отклонить ее публикацию в журнале.

Контактная информация доступна на сайте журнала: vestnik-brgu.ru

Адрес: 241036, г. Брянск, Бежицкая, 20, редакционно-издательский отдел.

Телефон: (4832) 66-67-58; **E-mail:** gumvest.bgu@yandex.ru

Вестник Брянского государственного университета

№1 (47) 2021

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-51557 от 26.10.2012**

Подписной индекс «Пресса России»: 40705

Главный редактор журнала: Михальченко С.И.

Адрес учредителя:

ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 14.

Адрес редакции и издателя:

РИСО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 20.

Адрес типографии:

241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 20

Подписано в печать: 25.03.2021.

Дата выхода журнала в свет: 31.03.2021.

Формат 60x84/8. Печать на ризографе. Бумага офсетная.

Усл. п.л. 19,75. Тираж 500 экз. Свободная цена. 16+